

Московский государственный университет
им. М. В. Ломоносова
Химический факультет

60-летию Победы посвящается

**Великая война
и ее великие воины**

Фронтовики-химфаковцы вспоминают

Издательство Московского университета
2005

УДК 94/99
ББК 63.3(2)622
В 27

Составители: Г.Ф.Бибих, Т.В.Богатова

Великая война и ее великие войны.

В 27 **Фронттовики-химфаковцы вспоминают.** – М.:
МГУ, 2005. – 210 с.
ISBN 5—211—06060—1

Настоящее издание посвящено 60-летию Победы в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг. и составлено из воспоминаний и стихов ветеранов, прошедших войну. В книгу также включены сведения о погибших и краткая информация о тех участниках войны, которые после ее окончания трудились на Химическом факультете МГУ.

Книга рассчитана на широкий круг читателей, интересующихся историей России и историей Московского университета.

© Химический факультет МГУ, 2005
© Коллектив авторов, 2005

ISBN 5—211—06060—1

Мы без войны прожили много лет –
Награды ветеранам нету лучше.
Но тянется войны кровавый след
Сквозь наши судьбы, и сердца, и души.
Погиб один из каждых десяти.
Горючих слез невыплаканное море.
И слов таких, пожалуй, не найти.
Чтоб выразили все людское горе.
Погибли лучшие, кто жизни не щадил,
Водил в атаку взвод, на пулемет бросался,
Кто жизнью, сердцем Родину закрыл.
Как не хватает тех, кто на войне остался!
И не построен кем-то новый дом.
Быть может, и открытья века нету,
Стихов волшебных не написан том,
И кем-то песня лучшая не спета.
И нет семей, и не родились дети,
И где-то угасает древний род.
Будь проклята война на белом свете,
Страданья, горе лишь она несет!
Об этом помнили мы неустанно,
Но что-то стали забывать сейчас.
Спасибо вам за подвиг, Ветераны,
С Великим праздником Победы вас!!!

А. В. Цепляева

Великая Отечественная война 1941-1945 гг.

Война – это трагедия для народа, она заставляет переделать весь жизненный уклад людей, мобилизовать все силы и возможности на отпор врагу. Такова была и война 1941-1945 гг. Наша страна была превращена в военный лагерь – на западе шли ожесточенные бои, а на остальной территории шла огромная, кропотливая и тяжелая работа всего народа по организации отпора врагу.

Первая половина 1941 года. Университет жил учебой, наукой, трудом. Организованно, как всегда, прошла зимняя сессия 1940/41 учебного года. Более 55% студентов сдали экзамены на хорошо и отлично. К марту 1941 было завершено распределение выпускников. Всего новые назначения получили более 900 студентов и 170 аспирантов. В мае начались курсовые и государственные экзамены. С 21 июня 1941 г. МГУ объявил новый набор студентов на первый курс, должно было быть принято 930 студентов.

22 июня – война. Она изменила жизнь всей страны, и перед университетом встали новые задачи и новые испытания. Профессора, преподаватели, аспиранты, студенты и сотрудники – все, кто был в городе, шли в университет. В лекционных аудиториях факультетов прошли митинги, на которых принимались решения – стать на защиту страны.

МГУ, как и вся страна, в первые дни войны послал на фронт более двух тысяч студентов и сотрудников, три тысячи студентов были направлены на строительство оборонительных сооружений на подходах к Москве. В народное ополчение вступило более тысячи человек из Московского университета. Но МГУ сражался с врагом и оружием науки. Многие кафедры и лаборатории разрабатывали важные темы и методы борьбы с врагом и передавали их непосредственно в действующую армию.

В первую военную ночь студенты МГУ вышли патрулировать по городу для проверки светомаскировки. Непривычной была Москва – ни огней окон, ни рекламных щитов, ни освещенных трамваев...

В первые дни войны в МГУ были организованы штабы противовоздушной обороны (ПВО). Т.А.Комарова, в то время студентка 2 курса химфака (впоследствии – старший научный сотрудник) рассказывала: в дни налётов фашистской авиации на Москву немцы применяли много зажигательных бомб, и дежурные из отрядов ПВО сбрасывали эти «зажигалки» с крыш зданий университета и гасили их. На университет была сброшена и тяжелая бомба, которая значительно разрушила здание Физического факультета и др. помещений. Приходилось расчищать завалы и восстанавливать разрушенные корпуса.

Первый военный 1941/42 учебный год начался с 1 августа. Были сокращены все сроки обучения: студенты 2 курса заканчивали обучение 1 июля 1943 г., 3 курса – 1 февраля 1943 г., 4 курса – 1 мая 1942 года. Окончившие четвертый курс должны быть выпущены уже летом 1941 г. Недельная нагрузка на студентов увеличилась на 28 часов. Был отменен прием в аспирантуру.

Условия войны потребовали эвакуации большей части университета, его учебного оборудования и библиотечного фонда. В начале МГУ эвакуировался в Ашхабад. Наиболее ценные фонды библиотеки МГУ были перевезены в Кустанай. Первая группа профессоров, сотрудников и студентов выехали из

Москвы 14 и 18 октября 1941 года. Отправка эшелонов сопровождалась большими трудностями, они добирались до Ашхабада более месяца. Отряды студентов в количестве 208 и 231 человек добирались до Ашхабада самостоятельно за 1,5-2 месяца.

Началом деятельности эвакуированного МГУ в Ашхабаде считается 24 ноября 1941 г., а в декабре уже начались занятия на факультетах и в научно-исследовательских лабораториях. Подавляющую часть студентов составляли девушки.

Оставшиеся в Москве преподаватели первое время вели занятия со студентами в форме кружков и консультаций. На факультетах было образовано 84 студенческих группы, созданы филиалы кафедр, находящихся в Ашхабаде, их возглавили ученые, специально вызванные в Москву из эвакуации. В июле-августе 1942 года было принято решение перевести студентов и сотрудников МГУ из Ашхабада в Свердловск. Часть сотрудников МГУ, занятых на оборонных работах, были направлены в Москву, Ташкент и другие города страны.

В Свердловске химики МГУ занимали помещения Индустриального института, студенты жили на частных квартирах. Не хватало бумаги, трудно было с книгами, вспоминает бывшая студентка, затем доцент Химического факультета В.А.Трошкина. В связи с трудностями в проведении учебного процесса с начала 1942-1943 гг. учебного года ректорат МГУ продлил сроки обучения на ряде факультетов до четырех лет, а на некоторых – до пяти лет. В мае 1943-го основные естественные факультеты МГУ были возвращены в Москву.

Тогда же, в мае, после возвращения из эвакуации из Ашхабада и Свердловска, МГУ приступил к занятиям в своих зданиях на Моховой. Начиная с 1944 года в университет стали возвращаться с фронтов студенты после ранений для продолжения учебы. В это время при Объединенном Профкоме МГУ была создана комиссия по делам инвалидов и участников войны, которая оказывала им существенную помощь в организации учебы, питании и бытовых услугах.

В октябре 1974 года в Университете был создан Совет ветеранов войны. В это время в МГУ учились и работали более 2500 ветеранов войны: на 9 мая 1985 г., т. е. через 10 лет после этого в МГУ числилось 1548 человек участников ВОВ. К 55-ой годовщине Победы в 2000 году в Университете осталось только 307 участников войны. Проходят годы, и уходят ветераны, они уже очень постарели, им сейчас около 80-ти и более лет.

На Химическом факультете МГУ организация ветеранов войны была создана в 1975 году, и первым её председателем был доцент кафедры общей химии Лев Александрович Пантелеймонов. В то время на факультете трудились более 110 ветеранов войны. В 1984 году Председателем Совета ветеранов войны был избран доцент кафедры радиохимии Юрий Анатольевич Приселков, а с 1987 года – профессор кафедры химической технологии Григорий Федорович Бебих. Ветеранская организация факультета с этого времени стала объединять ветеранов войны и ветеранов труда, и в составе её числилось более 350 человек.

Прошли годы, отшумела война, и ветераны постарели, их немного теперь осталось на нашем факультете – всего 10 человек участников войны. Это бывшие воины и живые бойцы и свидетели той ужасной войны, которая принесла нашему народу так много лишений и разрухи, унесла многие миллионы жизней.

На мемориальной стеле у Химического факультета запечатлено 62 фамилии погибших воинов – студентов и сотрудников факультета, которые в первые же

дни войны ушли на фронт. Они не умели воевать и постигали эту науку в боях с врагом. Они отдавали свои жизни за будущую Победу. Они не получили того, что хотели получить на учебе в университете, не стали специалистами, учеными, педагогами. Они погибли в расцвете сил и отдали свою молодость, свою энергию и задор за будущее своего народа.

Светлая память им – защитникам Отечества нашего!

Мы чтим память погибших наших студентов и сотрудников, отдавших жизнь за Победу. Мы ежегодно возлагаем венки и цветы у памятной стелы погибших воинов около факультета и у фотовитрины на втором этаже нашего факультета. Мы помним их подвиги и преклоняемся перед их мужеством и героизмом. Вечная им Слава!

Но те, кто вернулся с фронта, кто сражался у станков на заводах, на сельскохозяйственных полях, на всех участках трудового фронта, стали восстанавливать свою страну, стали учиться и учить других. Их так мало осталось сегодня в строю, но они постоянно на виду у людей, постоянно трудятся. Их закалка, приобретенные знания и опыт передаются молодежи.

Они неутомимы и мужественны, на них можно положиться, им можно дать любое задание и они его выполнят. Таковы сегодня те Великие ветераны войны, которые отвоевали свободу своей Родине, дали жизнь последующим поколениям людей, они активно участвуют в строительстве нового государства России!

Председатель Совета ветеранов
войны и труда Химфака МГУ
Г.Ф.Бибих

I

Нам дороги эти позабыть нельзя

И. А. Семиохин

На строительстве укреплений

Семиохин Иван Александрович, родился 28.08.1923 в Рязанской обл. Окончил химический факультет МГУ в 1948 году, затем учился в аспирантуре, защитил кандидатскую диссертацию (1952). Доктор химических наук (1970). Специалист в области кинетики химических, плазмохимических и лазернохимических реакций и разделения стабильных изотопов. Профессор кафедры физической химии химического факультета (с 1978), «Заслуженный химик РФ» (2003), «Заслуженный профессор Московского университета» (2003). Как участник Великой Отечественной войны награжден медалями “За Победу над Германией”, “За доблестный труд в Великой Отечественной войне” и рядом юбилейных медалей.

К 22 июня 1941 года мы сдали все экзамены и ждали стипендию за лето, чтобы уехать домой в свои города и села. Утром мы, жившие в 329-й комнате общежития на Стромынке, играли в домино и шахматы; некоторые, лёжа на кроватях, читали беллетристику.

В комнате находились 7 студентов: Федя Костылев (4 курс), Юра Филиппов, Саша Бражников, Коля Миронов, Витя Колбин (3 к.), Рафа Маркус и я (2 к.). Витя Гуцалюк (3 к.) пошел в столовую. Однако минут через 10-15 он внезапно возвращается, включает радио и говорит: «Передают речь Молотова. В 3 часа утра Германия напала на нашу страну без объявления войны». Вопрос о поездке домой на каникулы, естественно, отпал, все настроены идти добровольцами на фронт. Только украинцы, опасаясь за своих родных, решили поехать домой.

В общежитии – переполох, всё же большинство решило ехать в университет. Там, в Большой Коммунистической аудитории стали собираться на митинг студенты, аспиранты, сотрудники и руководство университета. Аудитория была переполнена. Собрание принимает единодушное решение отдать все силы и знания на помощь стране и фронту.

Комсомольская организация решила создать комсомольский батальон для строительства укрепрайонов на западе от Москвы. Студенты-химики влились в батальон двумя взводами: человек по 25-30, каждый. Большинство составляли студенты 3-го курса, по несколько человек было с 4-го, 2-го и 1-го курсов. Студентам 4-го курса, особенно так называемого военного потока были досрочно вручены дипломы об окончании МГУ. Они сразу же были мобилизованы в армию, где им были присвоены офицерские звания...

Почти все студенты 329 комнаты общежития, кроме В.Колбина и В.Гуцалюка, записались в комсомольский батальон. В течение недели студенты батальона должны были сдать вещи и свои книги на хранение в общежитии, библиотечные книги – в библиотеку и с отрывным листком получить стипендию.

Вечером 30 июня в костюмах с предметами первой необходимости мы прибыли на Киевский вокзал, откуда ночью отправились через Сухиничи в Рославль. В вагоне, выделенном для химиков, вместе снами оказались студенты – москвичи: Володя Лебедев, Юра Крюков, Гриша Леви, Володя Сарабьянов, Сеня Горелик, Валя Коробов (3 к), Гриша Блюм (2 к), Витя Колесов (1 к) и другие.

Выгрузились в Рославле и двинулись на восток – к реке Десна. В прилегающих к реке деревнях расположились, оборудовали полевую кухню, получили лопаты и с утра следующего дня приступили к работе.

Дисциплина в батальоне была армейская: подъём в 7, завтрак до 7-30, работа с 7-30 до 13-30, обед с 13-30 до 14-30, работа с 14-30 до 20-30, ужин в 20-30, отбой в 22.

Начинали работу с рытья эскарпов (высоких срезов под прямым углом) на склонах реки. Затем перешли к рытью противотанковых рвов шириной 6 м вверху, 2-3 м внизу и глубиной рва 3 м. Первые дни выработывали по 3 м³ на человека при норме 4 м³, руки покрылись мозолями, без привычки уставали и крепко спали. Подъём давался с трудом. Дней через 7-10 "втянулись", ладони огрубели, руки стали сильными, стали перевыполнять норму, выдавали "на гора" сначала по 5, а затем и по 7 м³.

Стали работать с песнями. Кто-то придумал гимн, которым мы часто себя подбадривали во время работы. Вот первый куплет гимна:

Стой под скатами, рой лопатами,
Нам работа трудная сродни.
Песню поючи, землю роючи,
Трудовую честь не урони.

А Сеня Горелик прихватил с собою из Москвы саксофон и тоже иногда подбадривал нас в перерывах.

С едой было вполне прилично. Для еды выдали нам по котелку и по алюминиевой ложке (как в армии), еда была тоже армейская. Утром была каша с мясом и чай с белым хлебом, в обед – мясной суп и каша с мясом и компот, в ужин – каша с мясом и чай. Передовикам, перевыполняющим норму, дополнительно давали селёдку, сахар и мыло.

Для удобства работы студенты разбились на группы (вроде подотделений) по 5-6 человек в каждой. Наша группа целиком сформировалась из студентов 329 комнаты общежития. Самым сильным среди нашей группы оказался Саша Бражников, ему по его просьбе дали самую широкую лопату и поставили его на промежуточный ярус для выбрасывания земли на поверхность земли.

Следует отметить, что выбросить землю лопатой с глубины 3 м очень трудно, поэтому приходилось работать с промежуточным ярусом, находящимся на глубине примерно 1,2-1,5 м от поверхности. Внизу рва обычно находились 3 человека, а на промежуточном ярусе – 2 человека.

По результатам работы наша "бригада" часто перевыполняла норму, давая иногда на "гору" до 9 м³. В результате мы получали допдаёк, который тут же меняли у крестьян на молоко, творог и сметану.

Работа под Рославлем продолжалась примерно до конца июля. С запада всё громче слышна была непрерывная канонада, всё было в сплошном огне: горел хлеб на корню, заготовленное колхозниками сено и даже строения. Колхозники Белоруссии стали угонять скот на восток. Всё больше стало появляться безоружных солдат, идущих на восток, вышедших по их словам из окружения. И вот однажды, после работы, нас предупредили о необходимости срочного перехода на новые укрепрайоны примерно на 70 км восточнее построенных нами. Мы шли всю ночь и утро, часов 15. В обед поели и проспали до утра. Утром нас

подняли и на машинах привезли ко второй линии фронта для строительства ДОТ'ов (долговременных огневых точек). Эта работа продолжалась с переменами мест до конца августа.

С середины августа над нами всё чаще стали появляться "кривобокие" фашистские Фоккер-Вульфы, которые начали простреливать наши сооружения и нас вместе с ними. Всё чаще стали проноситься над головами эскадрильи немецких бомбардировщиков, летающих бомбить Москву. Наших самолетов, летающих на запад, было гораздо меньше, что нас сильно огорчало.

Крестьяне были огорчены поражением наших войск. Их недовольство передавалось и на их отношение к нам. Нам пришлось покинуть их дома и переселиться в сараи с сеновалами.

В конце августа по распоряжению Правительства студентов-химиков и студентов-медиков отозвали с оборонительных рубежей для направления их на краткосрочные курсы при Военно-химической и Военно-медицинской Академиях. Нас срочно погрузили в поезд, отбомбили на станции Фирсановка (мы успели рассредоточиться в окрестных кустарниках) и вскоре прибыли в Москву.

Наше общежитие на Стромынке было превращено в Военно-полевой госпиталь, поэтому наши вещи из камеры хранения были переправлены в одну из школ Москвы, находящуюся на Сретенке. Нас разместили на несколько дней в этой школе.

В начале сентября нас призвали в Армию и зачислили курсантами Военно-химической Академии. Нас обмундировали и поселили в казармы Академии. Вскоре началась срочная боевая и полевая подготовка начхимов разных родов войск.

В сентябре и октябре, когда в Москве было объявлено военное положение, мы патрулировали улицы города и принимали участие в обороне Москвы.

В начале ноября пришел приказ о передислокации нас в Самарканд, где мы продолжили и закончили обучение. В конце января начался выпуск слушателей.

В связи с "куриной слепотой", обнаруженной у меня, и сильной близорукостью (-6,5D), гарнизонная комиссия Самарканда направила меня в тот Военкомат, откуда я был призван в армию, т.е. в Краснопресненский райвоенкомат г.Москвы. В Москве меня демобилизовали, а поскольку университета в Москве не оказалось, я решил отправиться в свое село, где в моей семье осталась бабушка 60 лет с двумя «моими сестрами 14 и 11 лет. Отец был мобилизован в армию, а мать умерла в 1935 г.

Работать в колхозе пришлось недолго, так как в начале октября я был снова мобилизован в нестроевые части армии и направлен в Коломну на завод Вторчермет. Завод перерабатывал в сырьё (для переплавки в металлургических печах) вышедшее из строя трофейное и отечественное вооружение и оборудование.

В конце апреля 1943 г. я заболел дистрофией, был демобилизован и вернулся домой, где проработал в колхозе по сентябрь 1945 г. В октябре 1945 года по моему заявлению я был восстановлен как студент 3-го курса химического факультета МГУ.

С большой радостью встретил на факультете своих друзей по общежитию: Юру Филиппова, Сашу Бражникова и Колю Миронова. Узнал с прискорбием, что

мой друг по комнате и по курсу Рафа Маркус погиб на фронте. О других студентах, живших в 329 комн. на Стромынке, никаких сведений у меня нет.

В 1948 г. я окончил химический факультет и поступил в аспирантуру. С 1948 по 1951 г. был аспирантом лаборатории катализа и газовой электрохимии кафедры физической химии химфака МГУ, с 1952 работаю на кафедре физической химии сначала научным сотрудником, затем доцентом, а с 1978 г. по настоящее время – профессором кафедры.

За время работы на факультете подготовил более 30 дипломников и 12 кандидатов наук. Среди моих учеников – 3 доктора наук, из которых двое - руководители крупных научных центров.

Мною опубликовано более 200 печатных работ, среди которых 5 книг и 20 методических разработок по физической химии. Работал научным редактором 5 научных и учебных сборников по химии, физике, геологии и биологии.

В 2003 году удостоен Почетного звания «Заслуженный профессор Московского университета» и Почетного звания «Заслуженный химик Российской Федерации».

Как участник Великой Отечественной Войны награжден медалью «За Победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941-1945», юбилейной медалью «50 лет Победы в Великой Отечественной войне 1941-1945», почетным знаком «60 лет битвы за Москву» и почетным знаком «Фронтовик 1941-1945». Кроме того, награжден медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941-1945», медалью «В память 850-летия Москвы», медалью «Ветеран труда» и почетным знаком «За заслуги в области высшего образования СССР».

Б. Л. Цетлин

"Золотые химфаковские годы": в эвакуации

Цетлин Борис Львович (3.02.1921 – 31.03.2005, Москва), поступил на химический факультет в 1939 г., закончил его в 1945. Во время эвакуации химфака в Ашхабад обучался там до мая 1942 г., после чего добровольцем пошел в армию. Был направлен курсантом в Харьковское военное училище, которое находилось тогда в эвакуации под Ташкентом. После окончания училища присвоено воинское звание “младший лейтенант”, для прохождения службы направлен в Штаб 45 армии в город Ереван, а затем в Ленинакан на должность начальника Полевой химической лаборатории Отдельной роты химической защиты. Демобилизован в сентябре 1945 г. Награды: медали к юбилеям Победы, а также “К 800-летию Москвы”, “К 850-летию Москвы” и др.

Доктор химических наук (1970), профессор (1979). Главный научный сотрудник Института элементоорганических соединений им. А.Н.Несмеянова РАН и ФГУП “Центральный научно-исследовательский институт хлопчатобумажной промышленности”

На пороге войны

Над страной постепенно сгущались грозные тяжелые тучи войны. Осенью 1939 года на “незнаменитую” финскую войну мы провожали добровольно вступившего в лыжный батальон Гену Юнгмана. С этой войны он вернулся победителем, мы его очень тепло встречали, но с большой войны он уже не вернулся... А она была все ближе и ближе...

В апреле 1941 года в Коммунистической аудитории МГУ лекцию о международном положении читал Г.М.Свердлов. Он был блестящим профессиональным лектором. Умел держать аудиторию в напряжении, имел доступ к закрытым для рядовых читателей материалам. Поэтому на его публичных лекциях аудитория всегда была переполнена. На этот раз он говорил с большим подъемом и в конце лекции, неожиданно для всех, вопреки лояльному по отношению к фашистской Германии “официозу”, произнес яркую антифашистскую речь, в которой клеймил Гитле

ра и все его окружение как преступников, которых ждет позорный конец. Эти слова были восприняты как его гражданский подвиг, продиктованный назревшей внутренней потребностью откровенно и публично высказаться по так волнующему общество вопросу (“а там пускай ведут на самый страшный суд...”). Ему устроили настоящую овацию. После лекции возвращаюсь я домой на свою Хавскую улицу. Во дворе сидит группа бабушек и домработниц, присматривающих за колясками, дети чуть постарше играют в ящике с песком. А перед ними стоит молодой человек и что-то им объясняет. Я подошел ближе, и услышал из уст этого несвязно говорившего агитатора-пропагандиста те же антифашистские слова, которые час тому назад с таким пафосом произносил

Свердлов... Я понял, что по указанию Сталина началась новая идеологическая обработка людей, подготавливающая население к грядущей войне (и никакой “страшный суд” Свердлову не грозил).

И вот наступил день 22 июня 1941 года. Солнечный воскресный день. Весенняя экзаменационная сессия только что закончилась. И мы втроем с Г.Дистлером и В.Гречаниным встретились во дворе Хавско-Шаболовского переулка около дома, где жил Дистлер, для решения важного вопроса о том, как отметить это событие. Во время нашей оживленной дискуссии в 11 часов заговорила тарелка: “... передаем последние известия”. Я попросил друзей помолчать, может, что-нибудь важное скажут. Мы услышали:

- Как передает наш корреспондент из Ашхабада, на полях Туркмении началась уборка нового урожая...

И мы продолжили разговор. Согласились с предложением Гречанина сначала пойти к нему домой, выпить по рюмке, “перекинуться в картишки”. А там уж решить, что делать дальше. Зашли в магазин, купили бутылку и, не торопясь, подходим к его домику на Малой Тульской улице. Из окна нас увидели его родители и интенсивно стали махать нам руками, чтобы мы быстрее заходили. Заходим и слышим голос В.М.Молотова, объявлявшего о начале войны. В стране наступили новые военные времена, так или иначе затронувшие жизнь каждого ее жителя.

На берегу Десны

По ранее намеченному плану все студенты химфака должны были по окончании экзаменационной сессии отработать десять дней на стройке нового большого стадиона имени И.В.Сталина в Измайлово. Комсомольцы – в обязательном порядке, некомсомольцы – в добровольно-принудительном. Мы, понятно, полагали, что война внесет в этот план свои коррективы. Однако дня через два нам сказали, что все остается, как было намечено, и предложили для направления на стройку всем студентам (но только “мальчишкам”) явиться в определенный день (насколько я помню, 28 июня) на сборный пункт в одну из школ Краснопресненского района. Когда все собрались, ворота и калитку на школьный двор заперли, нас построили, переписали, разбили на взводы (командиром нашего взвода назначили В.Лебедева, политруком Г.Дистлера) и объявили:

– Стройка стадиона отменяется. Вы все мобилизованы на строительство оборонительных сооружений на дальних подступах к Москве. Сегодня же вас отправят в командировку на 15 дней. Ровно 1 час вам на подготовку. Через час от школы отправятся автобусы, которые отвезут вас на один из вокзалов. Все.

В нашем строю был Гриша Петросян. Он еще раньше жаловался на какие-то боли в животе. И мы настояли, несмотря на его сопротивление, чтобы его от этой командировки освободили. Он остался, но через два дня все же выехал на “окопы” с другим чужим коллективом. И там с ним произошел несчастный случай (обстоятельств я не знаю), и он то ли переправляясь через реку, то ли просто купаясь, утонул. У нас он пользовался особым вниманием, и мы были убеждены, что в нашем коллективе этого бы не случилось...

Мне одного часа на поездку домой было мало, я ограничился телефонным звонком, купил мыло, зубную щетку и порошок и явился на сборный пункт в том, в чем утром вышел из дома: тапочки, летняя рубашка, легкие брюки и куртка.

Отвезли нас на автобусах на Киевский вокзал, набили в товарные вагоны. Из трубы паровоза пошел дым, застучали колеса, и мы с песнями и шутками отправились... Довезли нас до станции Жуковка Брянской области, оттуда пешком дошли до деревни, которая стояла на левом берегу Десны.

Расселили по крестьянским дворам. Следующим утром раздали нам лопаты, и начали мы копать глубокие и широкие противотанковые рвы. Общая атмосфера нашей работы и жизни очень хорошо отражена в словах специально сочиненного “гимна” (на слова популярной песни “Кони сытые, бьют копытами”), который мы постоянно распевали. Слова эти я хорошо помню до сих пор и привожу их (может быть с некоторыми неточностями)

Жарким летним солнцем согреты инструменты,
Где-то громко лается главный инженер,
И по одиночке товарищи-студенты,
Волоча лопаты, спускаются в карьер.

Припев:
Стой под скатами, рой лопатами,
Нам работа дружная сродни.
Землю роючи, матом кроючи,
Трудовую честь не урони

Пусть в желудках вакуум, пусть в мозолях руки,
Пусть не раз мы мокли под дождем.
Наши зубы точены о гранит науки,
А после гранита глина нипочем.

Припев.

Чтобы ни случилось, песню мы не бросим,
В наших душах музыка жива.
Где тебя мы встретим, золотая осень,
Скоро ли увидимся, милая Москва?

Припев

Но работа была очень тяжелой. Особенно для нас, городских ребят, в основном из интеллигентных семей, не знавших до этого тяжелого физического труда. Копали мы от рассвета до заката, на летнем солнце. На ночлег приходили, еле волоча и лопаты и ноги. Проработали мы не 15 дней, как предполагалось, а 1.5 месяца. У меня под конец распухло плечо (привычный, вернее самопроизвольный, вывих сустава), и последнюю неделю я от работы был освобожден. К сожалению, толка от нашей работы, и работы многих тысяч студентов других московских вузов было немного. Танковая армада Гудериана легко наши глубокие противотанковые канавы объехала. При этом, насколько мне известно, были случаи, когда студенты-строители попадали в окружение и с трудом пробивались в Москву через линию фронта.

Но судьба одарила меня здесь бесценным подарком – я обрел своих новых и самых близких друзей, без которых моя дальнейшая жизнь была бы куда беднее и бледнее. Лева Блюменфельд и Паша Бутягин. Студенты младших курсов, хотя по возрасту мои ровесники – оба, как и я, 1921 года рождения. Оба сыновья “врагов народа”. Так получилось, что они поселились с нами “на постой” в одной избе.

Лева Блюменфельд. Без всякого сомнения, человек выдающихся талантов и самых высоких нравственных качеств. Он стал крупным и очень авторитетным ученым, писал по настоящему хорошие стихи, пронизанные тонкой лирикой и гражданскими мотивами, которые вызывали у меня всегда какие-то глубинные, неожиданные для меня самого чувства, приводили в какое-то приподнятое над земными заботами настроение.

В 1996 году вышел в свет его роман “Две жизни”, посвященный военным годам. Глубокий психологический роман с интересными сюжетными линиями, написанный простым и очень сочным языком. Многие прототипы его героев (и я в том числе) легко узнаваемы. Роман заставляет читателя задуматься над многими вопросами общественной совести и морали. Я часто советовался с ним по ходу развития своих исследований, и для меня его оценка полученных научных результатов и намечаемых направлений работы была самым высоким критерием. Его оценка, хотя зачастую и критическая, значила для меня гораздо больше, чем официальные отзывы и заключения, несмотря на частое их комплиментарное звучание.

После демобилизации Л.Блюменфельд поступил на работу в Физико-химический институт им. Л.Я.Карпова в лабораторию Я.К.Сыркина. Однако вскоре из института уволили и Я.К.Сыркина как “космополита” и приверженца теории резонанса, которая была объявлена философами-марксистами того времени (а на самом деле мракобесами) лженаукой, и Л.Блюменфельда, который отказался отречься от своего руководителя. В дальнейшем он был приглашен академиком Н.Н.Семеновым на работу в Институт химической физики Академии наук. В течение многих лет ученый с мировым именем профессор Лев Александрович Блюменфельд руководил в этом институте большой лабораторией, организовал кафедру биофизики на Физическом факультете МГУ и заведовал ею. Конечно, на нашем постое он всегда был “центром притяжения”, читал много своих стихов. Он же сочинил слова приведенного выше нашего окопного гимна.

Паша – Павел Юрьевич – Бутягин. Это был человек другого склада. Всегда веселый, с хорошим чувством юмора, большой любитель выпить и погулять, а в молодости и слегка похулиганить, он в то же время обладал закрытой для окружающих очень нежной душой, безотказно помогал многим и многим, был принципиален, и от своих принципов никогда не отступал. Это проявилось, например, в нашумевшем в 1980-х годах деле эстонского ученого и “бизнесмена” Хинта. Во всех инстанциях и на всех стадиях процесса Паша активно выступал в его защиту, хотя был в свое время открыто предупрежден об ожидающих неприятностях. Паша стал моим самым-самым близким другом. Все последующие года мы жили, как говорится, “в одной связке”. Очень дружили семьями. Много лет подряд с ним, его женой Марьяной (кинорежиссер студии Моснаучфильм М.Е.Таврог, автор многих прекрасных фильмов о наших выдающихся современниках, – ученых, литераторах, художниках) и их сыном Егором встречали Новый год. Отношения у нас были очень доверительными, но частенько мы не без успеха разыгрывали друг друга. В его “автокарете” вдвоем

проводили летние отпуска, объездили почти всю европейскую Россию, Украину, Прибалтику. Был он прекрасным экспериментатором, эрудированным физико-химиком, любил педагогическую работу. До сих пор он сохранил хорошую рабочую форму, является главным научным сотрудником Института химической физики РАН, профессором Московского физико-технического института, пишет учебники.

Пора вернуться к основной теме. В середине августа наши фронты трещали под натиском превосходящей по всем статьям германской военной машины. Немцы вели широкое наступление на Москву. Наши противотанковые рвы были к этому времени вырыты. 15 или 16 августа (точно не помню) нас отправили на станцию, посадили в комфортный купированный вагон какого-то поезда (правда, в нашем купе каким-то образом разместилось более 20 человек) и привезли в Москву. Поезд прибыл в Москву поздно вечером, и до рассвета нас из вагона не выпускали. Выпустили рано утром, когда городской транспорт еще не работал, и мы пешком отправились по домам. Мой путь до дома была некоротким. И по дороге я увидел, как много в городе за время нашего отсутствия изменилось. Руины разрушенных при летних бомбардировках домов, разрисованные для камуфляжа площади и многое другое. Здесь и в дальнейшем я не буду вдаваться в детальное описание городских пейзажей военного времени. Они все описаны в обширной мемуарной литературе. Буду писать лишь о сугубо личных наблюдениях.

Когда я подошел к своему дому, все обитатели квартиры еще спали. Я не стал никого будить. Залез в комнату через окно, которое выходило во двор (мы жили на первом этаже). Сразу же набросился на белый хлеб с маслом и стал интенсивно жевать. Вид у меня был весьма колоритный. Вместо тапочек, которые, конечно, полностью износились, я был обут в лапти. За время “командировки” я не брился и отпустил неаккуратную рыжую бороду. Штаны были грубо залатаны грубыми заплатами цвета хаки. А в комнате спала (сразу я этого не заметил) пожилая родственница – сестра моей бабушки. Она проснулась, увидела мужика, который вальяжно сидел за обеденным столом, и с перепугу подняла истеричный крик. Сбежалась вся семья, и меня, хотя и не сразу, признали.

Осень 1941 года

На следующее утро, сбрав бороду, в нормальной городской одежде явился на химфак. Меня сразу же зачислили в команду ПВО факультета и начались ночные бдения на крыше с задачей обороны от зажигательных бомб, которые в августе-сентябре массировано сбрасывали на город самолеты Люфтваффе. Нашим командиром – начальником штаба ПВО был профессор Александр Петрович Терентьев. Кто еще был в команде, не помню. Помню лишь, что там была Маля Модель¹, и, может никого я не видел. Раз в неделю по ночам я дежурил также на крыше нашего шестиэтажного дома на Хавской улице. Эти осенние московские ночи 1941 года, особенно безлунные, но звездные, запомнились как эффектные тревожные феерии. Рыскающие по небу перекрещивающиеся многочисленные лучи прожекторов, следы трассирующих пуль зенитных батарей, их залпы и, –

• ¹ Однокурсница, впоследствии жена Б.Л.Цетлина. – Прим. сост.

иногда, – светящиеся фигуры самолетов, попавших в перекресток прожекторных лучей...

Студенты нашего четвертого выпускного курса (с началом войны срок обучения на химфаке был сокращен) призыву в армию на общих основаниях не подлежали. Но руководство сочло целесообразным зачислить студентов нашего курса слушателями в Военную академию химической защиты РККА. И зачислило. Исключение составили “белобилетники” (я в их числе) и сыновья, родители которых были репрессированы.

В сентябре на химфаке начались занятия. Читали лекции, проводили семинары. Но я из этого времени помню лишь, как меня вместе со студентками-девочками в какой-то клинике обучали оказанию первой помощи и уходу за ранеными. На зачете мы демонстрировали умение делать инъекции, прокалывая подушки. Еще помню, как мы ходили в северный речной порт разгружать прибывающие в Москву баржи с дровами.

В конце сентября – начале октября началась подготовка факультета к эвакуации. Отбирали оборудование, затаривали его в ящики, перевозили в пакгауз Казанского вокзала. Составляли списки подлежащих эвакуации преподавателей и студентов. Точно не помню, – 14 или 15 октября, – нам объявили, что в четверг 16 октября утром все сотрудники и студенты факультета, значащиеся в списках, должны явиться с вещами для отправки на вокзал и выезда в место эвакуации – город Ашхабад. Я пришел с моим младшим братом Мишей, студентом первого курса физфака. Но ему только-только исполнилось 17 лет, и дома решили, что он должен в такой сложной обстановке быть ближе ко мне. Предполагалось, что родители, старшая сестра и 13-летний самый младший брат, выедут в эвакуацию с Институтом истории Академии наук, в котором работал в то время мой отец. Все собравшиеся на факультете просидели “на вещах” часа два в ожидании дальнейших указаний. И тут к нам выходит всемогущий заместитель декана Николай Васильевич Костин с ошеломляющим известием. Он объявляет, что ввиду прорыва к Москве немецких армий, Московский университет прекращает свою деятельность, факультета больше нет, нет ни студентов, ни преподавателей, ни замдекана. Организованной эвакуации не будет. И советует выходить из города на восток отдельными самостоятельными группами...

Выходим мы в город. А на улицах творится что-то несусветное. Полно снующих в разных направлениях людей. И почти каждый что-то на себе тащит – кто валенки, кто рулоны с тканями, кто связки кондитерских изделий. Это ликвидирующиеся предприятия выдавали своим уволенным работникам зарплату натурой.

Дома родители настаивают на том, чтобы мы все вместе немедленно из Москвы выбирались. За них, мол, беспокоиться не надо. Живыми к немцам, они говорили, не попадут. Они все предусмотрели. Заходит одна наша соседка по дому и говорит, что в случае прихода немцев, родители наши смогут найти у них приют. У них, она сказала, немцы искать евреев не будут.

Приходят какие-то “активисты”. Требуют, чтобы убрали подальше или уничтожали портреты Ленина, Сталина, политическую литературу.

Конечно, мы никуда не ушли.

На улицах все прислушиваются к “тарелкам”. Ждут хоть каких-нибудь официальных сообщений. Но оттуда слышна только музыка (не помню какая, возможно и из “Лебединого озера”!). Наконец, часов в 5 или 6 вечера услышали

постановление Моссовета об “устранении отдельных недостатков в работе предприятий общественного питания” (!!!).

Ходят всякие самые невероятные слухи. Все в растерянности, в панике. На заставах создаются самодеятельные “рабочие пикеты”, которые останавливают и обыскивают машины, задерживая удирающих из Москвы директоров и бухгалтеров предприятий, прихватывающих с собой казенные деньги.

Такая паника и полная анархия царили в городе два дня.

Лишь 18 октября было принято и обнародовано Постановление Государственного Комитета Обороны, по которому в Москве вводился комендантский час. Были назначены командующие войсками на дальних и на близких подступах к Москве. Командующим войсками на дальних подступах был назначен Г.К.Жуков.

Возобновлялась работа административных органов, восстанавливалась работа предприятий. Была продолжена плановая организованная эвакуация. Несмотря на ожесточенные оборонительные бои, на все ближе подходящие к Москве бронетанковые и пехотные соединения врага, на возобновившиеся массированные налеты самолетов, сбрасывавших на город тяжелые фугасные бомбы, Москва стала жить суровой, хмурой, но организованной и достойной жизнью готовящегося к осаде прифронтового города. Она была насквозь прорезана рвами, оцетинилась противотанковыми ежами, почти все ее оставшиеся жители в свободное от основной изнурительной работы время трудились на оборонительных стройках. Два позорные для Москвы октябрьских дня паники и бардака ушли в историю...

Возобновилась жизнь и на химфаке. Нас собрали, вновь объявили студентами, зачислили в команду ПВО и перевели на казарменный режим. Мы с П.Бутягиным и Л.Блюменфельдом – моими новыми друзьями – поселились в квартире-лаборатории отбывшего в эвакуацию престарелого академика Н.Д.Зелинского. Очень хорошо нам там было. Вели интересные беседы, пили спирт (благо большую его склянку нашли в лабораторном шкафу), варили картошку. Ходили в молочное кафе, которое было расположено на Тверской улице между Центральным телеграфом и театром имени Ермоловой. С аппетитом ели там стандартное “угощение” – белую булочку и бутылку кефира. В один из последних дней октября (насколько я помню 30 числа) во время нашего “кейфа” в этой молочной, раздались залпы зенитных батарей, рев летящих самолетов. Но воя сирены слышно не было. Поэтому мы под ругань официанток, спешащих в бомбоубежище, доели свой ужин, и только после этого вышли из кафе. Тут сирена и завывала. Под ее звуки и под звон падающих с обеих сторон осколков оконных стекол, пошли по мостовой Никитского переулка занимать свой пост на крыше химфака, на которой нам было положено дежурить во время воздушной тревоги. Волнами над нами летели немецкие бомбардировщики. Где-то в Кремле грохнул взрыв и вспыхнуло большое зарево пожара, но оно достаточно быстро было погашено. Еще одна приближающаяся волна, оглушительный взрыв, и взрывная волна высоко подбрасывает нас. На мне была надета пожарная каска. Она ударяет в бутягинский живот. Через некоторое время был дан отбой. Мы стали пробираться вниз в помещение штаба. Я пишу “пробираться”, потому что вся лестничная клетка была засыпана обвалившейся штукатуркой, какими-то штырями (по-видимому от разрушенных перил) и другим мусором. В штабе нас встретили как выходцев с того света, были уверены, что мы там на крыше погибли... На самом деле мощная фугасная бомба упала на углу улиц Моховой и

Большой Никитской (тогда улицы Герцена). Бомба упала около стоящего на углу трамвая, который был расплюсчен в лепешку. Образовалась большая воронка. Толстые добротные стены университетских зданий практически не пострадали, но хлипкие внутренние перегородки, сооруженные при многократных перепланировках интерьеров, взрывной волной были практически полностью разрушены – даже в достаточно далеко отстоящих от места взрыва зданиях химфака.

Жизнь наша в гостеприимной квартире Н.Д.Зелинского продолжалась.

Вечером 6 ноября нас отправили на Казанский вокзал перегружать ящики с оборудованием из пакгауза в товарные вагоны, поданные для их вывоза в Ашхабад. Мы там работали до 5 утра, и по еще темной Москве потопали на химфак. Ночью выпал снег. И, пересекая наискосок, от Ильинки к Моховой, Красную площадь, мы печатали на ее свежей пороше первые следы. Площадь была совсем пустой. Мы не заметили ни охраны, ни каких-либо других признаков ожидания необычных мероприятий. Пришли в “свою” квартиру и после бессонной трудовой ночи завалились спать. А когда днем проснулись, узнали, что за время нашего сна на Красной площади состоялся знаменитый военный парад, на котором выступал Сталин, и войска с которого сразу же шли на фронт, который был тогда совсем рядом.

В середине ноября был призван в армию Л.Блюменфельд. Провожали мы его на сборном пункте, и отправили будущего корифея науки с этого пункта вместе с группой совсем молодых ребят шпанистского вида, одетых в ожидании военного обмундирования в какие-то домашние лохмотья. Ушел я со сборного пункта в подавленном настроении.

29 ноября отправляли в эвакуацию в Ташкент сотрудников Института истории Академии наук. Я решил проводить до Ташкента своих родителей, сестру, младших братьев, а уж из Ташкента отправиться в Ашхабад. Ехали мы до Ташкента 17 суток. Под Рязанью попали под авиационный налет, но немецкие асы в наш состав не попали – на этот раз промахнулись. Часами нас держали на разъездах. А навстречу шли и шли эшелоны с сибирскими дивизиями, которые перебрасывали на подмосковные фронты. Из теплушек выглядывали молодые здоровые и веселые ребята, иногда выбегали, растирались снегом, бегали, перебрасывались снежками. Скольким им вскоре предстояло остаться вечно лежать в подмосковных полях, лишь очень немногие вернутся домой живыми и здоровыми... В пути нас застал радостный день 6 декабря, когда по радио мы услышали, что наша Красная армия начала под Москвой широкое и успешное контрнаступление.

В Ташкенте Институт истории и его сотрудников разместили в здании Хореографического училища Тамары Ханум (сейчас в этом здании на Пушкинской улице работает Узбекская консерватория). В каждом большом балетном зале поселили несколько семей, каждую оградив занавесками. Я помог семье кое-как обустроиться и для продолжения занятий на химфаке перед самым Новым 1942 годом выехал в Ашхабад.

Поезд идет в Ашхабад

Поезд Ташкент-Ашхабад, в котором я ехал, проезжал мимо города Самарканда, где в то время находилась эвакуированная из Москвы Военная

академия химической защиты. Как я уже писал, в числе слушателей академии было много моих товарищей – студентов химфака нашего курса. Мне захотелось их повидать, и с этой целью на станции Самарканд я сошел с тем, чтобы продолжить свой дальнейший путь через день. Сдал свой чемоданчик в камеру хранения. Дело было вечером. Темнело. В автобусе, в котором я ехал от вокзала в город, спросил у своей соседки, пожилой русской женщины, где в городе находится гостиница. Она мне сказала, но предупредила, что вряд ли там есть свободные места. Предложила переночевать у нее. Я сказал, что все-таки попробую, а если уж не устроюсь, то приду к ней. Она дала мне адрес, сказав, что живет она в старом городе, и найти ее там мне будет трудно. Я, считая себя достаточно грамотным человеком, удивился и в центре города из автобуса вышел. Конечно, в гостинице мест никаких не было, и я отправился в старый город искать мою автобусную соседку.

В Средней Азии я был впервые, и попав в старый город, очутился в совершенно для меня незнакомой и экзотической обстановке. Узкие проулочки, сдавленные белыми глиняными дувалами, редкие прохожие, не понимающие по-русски и отвечающие на мои расспросы лишь пожиманием плеч, идущие навстречу верблюды, которых раньше я видел только в зоопарке и которых я пропускал, прижимаясь к дувалам... Нашел какую-то калитку, приоткрыл ее и услышал поднявшийся за ней гвалт. После этого я прекратил поиски нужного мне адреса, и стал выбираться из старого города. Окончательно запутался. А уже стало темно. Правда, ночь была лунная, и луна хоть как-то освещала дорогу. Стал я шастать по проулкам в самых разных направлениях, надеясь, что в конце концов из них все же выберусь. И совершенно неожиданно вышел на освещенную луной широкую площадь сказочной красоты. Покрытые голубыми изразцами купола мечетей и их покрытые разноцветными изразцами стены. Высокие минареты. Это была, как я позднее узнал, знаменитая площадь Регистан. Незабываемое, величественное зрелище... Долго стоял я на площади, потрясенный удивительным зрелищем. Позднее был я на этой площади с экскурсией, услышал интересный и познавательный рассказ об ее истории и архитектуре, об эмирах и Тамерлане, но эмоциональный эффект был совсем другим.

Стало холодать. Немного побродив по городу, зашел я в ресторан, поужинал, послушал какую-то эстрадную певицу, впервые услышав ставшую потом такой популярной песню про синий платочек. Но в час ночи ресторан закрылся, и снова, неприкаянный, оказался на улице. Совсем замерз. Постучал на телеграф, который должен работать круглые сутки. Долго сочинял там и отправил самому себе телеграмму по адресу “Ашхабад главный почтамт до востребования”, в которой сообщал о своем скором приезде. И так, холодной ночью промаялся я в городе до утра. Наконец, рассвело. Потеплело. Без особого труда нашел Военную академию. Был выходной воскресный день. Мои товарищи-сокурсники получили увольнительные. Мы очень хорошо пообщались, гуляли по теплому дню Самарканду, плотно посидели в чайхане, пили в ней не только чай. Но к вечеру срок их увольнительных кончился. Мы надолго простились. И пошел я на вокзал, чтобы продолжить свой путь в Ашхабад. Взял свой чемоданчик из камеры хранения, зашел в кассовый зал для компостирования билета. Но вокзал был буквально набит людьми. К кассам пробраться было невозможно. Даже приткнуться было негде. А я после бессонной ночи и беспокойного дня на ходу засыпал. Побрел я на железнодорожные пути в поисках места, где можно было

хоть как-нибудь прикорнуть. Увидел два отцепленных пассажирских вагона. Зашел в один из них. В вагоне никого не было. Залег я на нижнюю полку, положив свой чемоданчик под голову, и заснул. Просыпаюсь под стук колес. Уже рассвело. Посмотрел в окно. Вагон мой на большой скорости куда-то катится. И кроме меня в нем никого нет. Перешел в другой вагон. Там у окошка сидели две молодые женщины и завтракали. Разговорились. Они оказались сотрудницами харьковских органов НКВД и тоже эвакуировались в Ашхабад. Вагоны наши, как они сказали, перегоняли на формирование санитарного поезда в нужном нам направлении на станцию Каган (близ Бухары). В Кагане мы вышли стали ждать обычного пассажирского поезда. У касс стояла большая бестолковая очередь. Мои спутницы зашли к начальнику станции, предъявили свои служебные документы, и их билеты быстро закомпостировали, а мне предложили компостировать билеты “в общем порядке”. Когда пришел поезд, я помог своим дамам погрузиться, оставил у них свой чемоданчик. Взял чайник, вышел на перрон, налил в чайник кипяток, и, когда поезд тронулся, стал догонять последний вагон, изображая отставшего пассажира. Получилось. И на следующий день рано утром прибыл в Ашхабад. Стал спрашивать редких утренних прохожих, где я могу найти московских студентов. В конце концов указали на дверь в одном из школьных зданий. Открылась только одна ее половинка, к другой были приперты широкие нары, на которых крепким утренним молодым сном спал не кто иной, как сам Павел Юрьевич Бутягин. Со словами “Паш, подвинься” я тоже лег и тут же заснул. А когда проснулся, началась ашхабадская полоса моей химфакской жизни.

В Ашхабаде

Из студентов нашего выпускного четвертого курса в Ашхабад прибыли Валя Шехобалова, Ина Булычева, Катя Колпакчи, Вера Павликова, Жора Моцарев, Гаррик Дистлер, Володя Кнорре, Коля Кравченко, Боря Белицкий. Из студентов младших курсов хорошо помню, кроме Паши Бутягина, Юру Мошковского, Володю Чередниченко, Витю Шляпинтоха. Читали нам лекции, проводили семинарские занятия. Из лекций хорошо запомнились лекции Я.И.Герасимова по химической термодинамике, К.Г.Хомякова по коллоидной химии, Ю.П.Симанова по рентгенографии, З.А.Июфа по электрохимии. Слушать лекции было очень трудно. В аудиториях было душно, а вскоре стало жарко; мы, как правило, особенно первые недели, были голодными и сонными – почти каждый вечер в общежитии устраивали веселые посиделки, на которых веселились, пили “Ашхабадское крепкое”, закусывая “салатом” из редьки с хлопковым маслом. Поэтому главная и очень трудная задача, которая решалась каждым из слушателей на лекциях, состояла в преодолении непреодолимой сонливости. Иногда в борьбе со сном я лично терпел поражение и позорно засыпал на глазах у лектора...

Стипендий почти никому не платили. И многие, П.Бутягин и я в том числе, были вынуждены разными способами подрабатывать. Мы, как обычно в “одной связке”, ходили по квартирам и предприятиям как инспекторы АШГЭСа проверять соблюдение на инспектируемых объектах положенного каждому лимита расходования электроэнергии. Электросчетчиков не было, и расход энергии контролировали по включенным осветительным и другим приборам. Не

скрою, часто мы были к потребителям снисходительны, особенно, если нас угощали чаем с печеньем, а иногда и чем-нибудь более существенным. На ответственные объекты, как, например, рестораны, Паша, конечно, ходил сам, представляя меня как своего “мальчика-ассистента”. Хорошо нас в ресторанах кормили...

В марте месяце мы начали выполнять дипломные работы. Я был включен в группу из четырех человек, которую разместили в Ашхабадских ремонтных автомастерских (кроме меня, в группе работали Е.Колпакчи, В.Павликова и Б.Белицкий). Перед нашей группой была поставлена задача разработки технологии изготовления свинцовых аккумуляторов на основе местного туркменского сырья. Эта задача являлась темой нашей коллективной дипломной работы. На первой стадии мы проводили бесконечные опыты по превращению глета в сурик, окисляя глет в муфельных печах с целью определения оптимальных режимов процесса. Руководил нашей работой доцент кафедры электрохимии Липпа Львович Клячко-Гурвич. Это был общительный и добрый человек запоминающейся внешности – у него на свободной от волос голове была большая шишка. В обеденный перерыв нас кормили в столовой – наливали половником похлебку с галушками. В каждую тарелку попадало 1-2 галушки. Я просил “двенадцать порций в одну тарелку”. Но Липпа Львович сказал, что я поступаю нерационально. Надо брать все 12 тарелок и самому сливать “жизу” и отбирать галушки. Так я и стал поступать...

В апреле я стал донором. Хорошо запомнилось, как на пункте переливания крови сразу после сдачи крови меня “от пуза” накормили настоящим пловом. Потом выдали рабочие карточки, по которым выдавали 0.8 кг хлеба и приличное количество других продуктов. Так что жизнь стала относительно сытной.

Однако меня замучила совесть. Разумом я понимал, что от моей работы на одном из оборонных предприятий, которая меня ждет по окончании химфака, будет для фронта больше пользы, чем от моего личного участия в боях. Но внутренняя моя совесть не могла согласиться с тем, что на фронтах погибают и погибают солдаты, защищая не только Родину вообще, но и меня лично – молодого здорового человека, к тому же еврея. Лозунг, сочиненный кем-то из ашхабадских остряков-студентов “Не пустим гада дальше Ашхабада!” мне все время об этом напоминал. Нервы мои сдали, и я пошел в Военкомат. Заявил, что привычный вывих плеча меня больше не беспокоит, что суставная сумка окрепла. И просил зачислить меня в ряды РККА. Сначала мне в моей просьбе категорически отказали, ссылаясь на запрещение в призыве студентов выпускного курса. Но на медкомиссию все-таки направили, и я получил справку о пригодности к строевой службе. Потом еще помуржили, но недели через две вызвали. Сказали, что они получили разнарядку для направления курсантов в военное училище, и что в училище они в порядке исключения призывать выпускников могут. Зачислили меня в ряды РККА и направили курсантом в Харьковское военное училище, которое находилось тогда в эвакуации под Ташкентом.

Л.Л. Клячко-Гурвич при моем прощальном визите попросил дать ему зачетную книжку и поставил “зачет” по невыполненному мной практикуму по физической химии. Сказал, что это от него “на память”, а вдруг и пригодится. И, как будет видно из дальнейшего, пригодилось!

В конце мая 1942 года я выехал в Ташкент и на следующий по прибытии день был зачислен курсантом в Харьковское военное училище химической защиты РККА.

Дела военные

О своей военной судьбе скажу очень коротко. В Училище я пробыл 9 месяцев. В январе 1943 года мне было присвоено высокое воинское звание “младший лейтенант”, и в числе 18 других выпускников училища был направлен для прохождения службы в Штаб Закавказского фронта в город Тбилиси. Оттуда 16 человек были направлены в приморскую группировку наших войск под Туапсе, где еще продолжались бои. А меня и еще одного выпускника с фамилией на букву “Ч” (по-видимому, отсчитали по алфавиту) направили для прохождения службы в Штаб 45 армии в город Ереван. Оттуда меня направили в пограничный с Турцией город Ленинакан и назначили на должность начальника Полевой химической лаборатории Отдельной роты химической защиты. Дважды я писал в Штаб армии докладные с просьбой направить меня в действующую армию. В ответ на первую я получил категорический отказ (“командованию виднее, где вас использовать”), после второй получил приказ о передаче дел по должности и об явке с вещами в Штаб армии. Наша химроты была тогда в летних лагерях, два дня меня провожали “на фронт” в Химотделе армейского штаба мне вручили приказ о назначении меня в другую часть, также размещенную в Ленинакане, с небольшим, правда, повышением.

В мае 1945 года, сразу после Дня Победы, в Штаб 45 армии пришло официальное письмо из Московского университета. В нем сообщалось, что проходящий в частях 45 Армии офицер Б.Л.Ц., бывший студент химического факультета, полностью выполнил всю учебную программу факультета (меня приписали к коллективной дипломной работе, о которой я писал, и пригодился-таки зачет по физико-химическому практикуму!), и “ректорат МГУ просит командование 45 Армии предоставить ему месячный служебный отпуск для сдачи государственных экзаменов”. Отпуск мне предоставили и в конце июня 1945 года я прибыл в Москву. Госэкзамен по истории партии я сдал с ходу, но сдавать без подготовки общий курс химии (химия неорганическая, химия физическая и химия органическая) я не решился. После сдачи первого экзамена лег на операцию в один из московских госпиталей по поводу мучившего меня гайморита (в Ленинакане на такую операцию не решались). Из госпиталя был направлен в распоряжение Управления кадров Московского военного округа. Каждый день, вплоть до конца сентября, я заезжал утром в это управление, отмечался и получал талон на обед. В конце сентября меня все же демобилизовали, и моя военная карьера на этом закончилась.

К февралю 1946 года я был готов к сдаче Государственного экзамена по химии. Одновременно также после демобилизации к нему готовился Л.Блюменфельд. 19 февраля по просьбе декана факультета академика А.Н.Несмеянова приказом ректора была образована Государственная комиссия, которая и приняла у нас экзамен, поставив нам по пятерке – Леве без сомнения заслуженно, а мне – заодно. В апреле мне выдали Диплом о том, что “решением Государственной Экзаменационной Комиссии от 19 февраля 1946 года ему (т.е.

мне) присвоена квалификация научного работника в области химических наук, преподавателя вуза, втуза и звание учителя средней школы”.

На этом закончились мои студенческие золотые химфаковские годы.

Ставлю точку.

Ю. А. Пентин

Воспоминания артиллериста

Пентин Юрий Андреевич, родился 20.04.1926 в Перми. Окончив школу в Свердловске, в июне 1943 г. добровольцем ушел в армию. После окончания Чкаловского училища зенитной артиллерии был направлен на фронт. Принимал участие в боях на территории Венгрии, Австрии и Чехословакии. Награжден Орденом Красной Звезды и медалью "За взятие Вены". Демобилизован в 1947 году в звании лейтенанта.

В 1947 году поступил на химический факультет МГУ, в 1952 – в аспирантуру; защитил кандидатскую диссертацию (1955). Затем три года работал в одном из НИИ атомной промышленности, а с 1958 – вновь на химфаке. Доктор химических наук (1965), заведовал кафедрой физической химии (1981-1994), в настоящее время – профессор кафедры. Имеет почетные звания "Заслуженный деятель науки РСФСР", "Заслуженный профессор МГУ". Награжден Орденом Дружбы и Орденом Почета.

О Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. те, кто жили тогда и принимали в ней участие и которых остается все меньше, всегда помнили и будут помнить до конца своих дней. Но важно оставить и последующим поколениям хоть частицу этой памяти и дать – пусть немного – представления о том, как мы, очевидцы, прошли через эти годы к Победе нашей Родины над фашизмом. Участвовали в борьбе не только солдаты на фронтах войны, но и все труженики в тылу, включая подростков.

Итак, некоторая хроника и воспоминания тех лет из моей жизни.

1941 – первый год, начало войны. Мне 15 лет, только что окончил 8-й класс школы в Свердловске (Екатеринбург). Начались летние каникулы, но группа ребят-комсомольцев, среди которых был и я, пошли учиться на курсы трактористов при Сельскохозяйственном институте. Получив удостоверение тракториста, той же осенью, а потом весной и осенью 1942 г. Я участвовал в уборочных и посевных работах на полях.

Зима 1941-42 годов была морозной и голодной. По продовольственной карточке мне как школьнику-иждивенцу полагалось 400 грамм хлеба в день и изредка другие небольшие продуктовые покупки. Всем было трудно, но как-то перебивались и следили за событиями на фронтах по сводкам на радио и в газетах. Я продолжал учиться и закончил 9-й класс. Летом работал, в школу уже не вернулся: решил ускорить получение аттестата о среднем образовании, чтобы

трудиться, приносить реальную пользу и помочь матери, с которой вместе испытывал все трудности.

В январе 1943 года я сдал экстерном экзамены за 10 класс; потом работал автослесарем в мастерских, затем мы с матерью переехали к сестре в г. Ирбит, где я как тракторист МТС пахал колхозные поля. Здоровых мужчин там тогда практически не было (все были на фронте), их заменяли женщины и подростки. Весной мне исполнилось 17 лет, и после посевной я добровольно пошел в Красную Армию и был взят в военное училище. После некоторых реформирований и переездов (Уфа – Сорочинск – Чкалов, ныне Оренбург) я прошел ускоренный годичный курс подготовки офицеров и в декабре 1944 г. окончил младшим лейтенантом Чкаловское училище зенитной артиллерии. Во время учебы, зимой 43/44 гг., нас, курсантов, посылали в жуткие морозы чистить от снега железнодорожные пути, аэродром и т.п.; ходили также в тридцатикилометровые лыжные походы с полной выкладкой (винтовка, рюкзак и другое снаряжение); летом помогали в сельскохозяйственных работах, выезжали на учебные стрельбы. Каждый день с 6 до 23-х часов был полностью насыщен. В общем, подготовка велась по принципу "тяжело в ученье – легко в бою".

Группе выпускников, окончивших училище отличием, в которой был и я, предоставили право выбора для продолжения службы. Все мы дружно выбрали действующую армию и были направлены в войска 3-го Украинского фронта, для которого на Украине формировались свежие части для наступательных боев. Я стал командиром огневого взвода батареи в составе 49-го Отдельного зенитно-артиллерийского дивизиона при 38-м Стрелковом корпусе 9-й Армии. В моем взводе было четыре зенитных орудия среднего калибра (85 мм) с расчетами (по 7 бойцов), один крупнокалиберный (16 мм) зенитный пулемет (расчет 4 бойца) и отделение тяги (16 бойцов-водителей с 8-ю единицами техники: американские "Студебекеры", "Шевроле" и др.). Двумя другими взводами батареи – приборным и взводом управления – командовали мои товарищи по училищу. Командиром батареи был уже побывавший ранее в боях старший лейтенант.

После формирования и краткой подготовки наши части с отвлекающим маневром, по железной дороге через Румынию, направили на фронт в Венгрию. В начале марта мы занимали исходные боевые позиции для наступательных действий между Будапештом и озером Балатон. Отсюда после тяжелых боев началась военная операция наших войск по окружению и взятию столицы Австрии – Вены.

Мои личные наиболее яркие воспоминания начну с первой ночи перед началом и с первых дней наступления наших войск. Позиция батареи в эту ночь была на самой передовой, не далее пары сотен метров от наших окопов пехоты. Было довольно тихо, только временами слышался свист и хлопки случайных разрывных пуль, задевавших веточки.

Внезапно на рассвете обрушился грохот, который заставил сжаться в комок, заткнуть уши и сдерживать рвавшееся из груди сердце. Я не сразу понял, что это началась наша артподготовка. Не помню точно, сколько времени продолжался вой летевших над нами с тыла снарядов и гул сплошных взрывов впереди. Не хотел бы я быть в эти минуты на месте противника.

Так же внезапно грохот прекратился, сменившись криками "Ура!", стрельбой и шумом моторов: наши пошли вперед. Настал и наш черед встать по местам и следить за "воздухом", чтобы прикрывать, если понадобится, пехоту и танки при

возможном появлении вражеских самолетов. Однако прийти в себя и сразу поддерживать своих с воздуха немцы не успели. Наши части смели их боевые порядки и быстро продвигались вперед, сломив сопротивление.

Вечером первого дня наша батарея стала менять позицию, следуя за передовыми частями. Двигались практически в темноте, иногда приходилось миновать стонущих раненых, которых подбирали санитары. Убитых молодых солдат, которых за ночь не успели подобрать, как и немецких трупов, мы насмотрелись уже утром около новой позиции нашей батареи.

Позиция была занята нами в нескольких километрах восточнее города Секешфехервар вблизи перекрестка двух дорог. Это было ошибкой, допущенной командиром батареи, за что мы и поплатились. Дело в том, что перекресток – хороший ориентир для самолетов... Только успели отрыть дворники (круглые окопы для орудий с достаточно высоким бруствером) и окоп для ПУАЗО-3 (прибор управления зенитно-артиллерийским огнем), как немцы пустили в ход авиацию. Батарея, являвшаяся приоритетной целью для самолетов, была обнаружена и незамедлительно атакована с воздуха. Полтора десятка немецких штурмовиков-бомбардировщиков Фокевульф-190, выстроившись в круг, стали в несколько заходов пикировать и бомбить нас. Я лежал в центре квадрата (100 x 100 м), образуемого орудиями, где должен был бы находиться окопчик командира взвода с "ревуном" (сигнализатором для залповой стрельбы из орудий), но этот окопчик отрыть не успели.

Тот ад, в который мы попали, описать трудно: разрывы бомб, свист осколков, гром стрельбы по самолетам наших орудий... Даже не сообразишь в горячке: а не задела ли тебя самого, ведь когда я смотрел на пикирующий самолет и видел отрывающиеся от него бомбочки, то казалось, что они летят прямо на меня... Хотя огонь наших орудий и мешал самолетам в прицельной бомбежке, но были у них и попадания. Больше всего пострадало одно орудие и его расчет: тяжело ранен в голову командир расчета сержант Попов, отправленный в госпиталь, легче ранено еще несколько солдат. Это был горький урок. Однако был и первый сбитый нами вражеский самолет. После такого боевого крещения пошли "боевые будни".

Войска 9-й армии медленно, но верно, с боями двигались на северо-запад, преследуя противника, который отступая продолжал сопротивляться. Наша батарея, прикрывая вместе с другими батареями дивизиона штаб и части 38-го корпуса, сменила за месяц более двадцати боевых позиций. Много раз мы вели стрельбы по самолетам противника и подбили еще два самолета. Миновали венгерский город Папа, австрийский Баден, прошли через г. Виннер-Нойштат, который оставил тягостное впечатление. Этот крупный промышленный центр Австрии с металлургическими заводами был перед нашим приходом полностью разрушен бомбежками союзников, и развалины еще буквально дымились.

Начались бои непосредственно за Вену, которая была окружена нашими войсками. Приказом Верховного командования запрещалось разрушение этого красивейшего города. Немцы не столько защищали его, сколько стремились вырваться из кольца окружения. В один из дней орудия нашей зенитной батареи было приказано поставить на прямую наводку по прорывавшимся немецким танкам (по точности стрельбы и бронейности эти пушки превосходили тогда противотанковые), но до нас танкам дойти не удалось.

Вена была взята советскими войсками 13 апреля 1945 г. Всем участникам этих боев приказом Верховного Главнокомандующего И.В.Сталина была объяв-

лена благодарность, позднее все получили медали "За взятие Вены", а отличившиеся – и другие правительственные награды. Я, в частности, был награжден Орденом Красной Звезды.

Война между тем продолжалась. Нашим частям было приказано двигаться на Запад, навстречу войскам союзников, и взять город Санкт Пельтен. На сравнительно небольшом пространстве от Вены до этого города сконцентрировалось большое количество немецких войск, а их авиация сохраняла превосходство в воздухе. Неоднократно и наши колонны на маршах подвергались обстрелу и бомбардировкам, а воздушные бои наших и немецких самолетов мне пришлось наблюдать лишь пару раз.

Вот еще один эпизод моих воспоминаний. Одна из очередных позиций нашей батареи оказалась в очень уязвимом месте – на пяточке площади в г.Пресбаум (западнее Вены). Как выяснилось позднее, вражеский разведчик в городе сразу же навел на нас авиацию, которая не заставила долго ждать. С солнечной стороны у нас было взгорье, поросшее деревьями, а с других сторон – городские дома и улица, параллельная взгорью. Именно со стороны солнца, незаметно приблизившись, на нас налетели и стали пикировать и бомбить всё те же Фокевульфы и в неменьшем количестве, чем в эпизоде, описанном в начале.

У меня опять-таки не был вырыт личный окоп, но он, как я уже убедился раньше на опыте, не очень-то в данном случае был нужен, т.к. по пикирующим самолетам орудия стреляют индивидуально по команде не взводного, а командира орудия. В момент нападения я был у взгорья в отделении тяги, откуда сразу побежал под бомбами в один из орудийных дворики, где и находился до конца боя, участвуя в действиях расчета. Рвались бомбы, летели осколки, стреляли наши орудия – все повторилось почти как в первый раз. Только теперь прямое попадание произошло в ПУАЗО... Прибор вышел из строя, как и весь расчет. Среди раненых был и командир приборного взвода младший лейтенант Фишер. Орудийные расчеты продолжали свою тяжелую работу. Как потом посчитали по расходу снарядов, было сделано в среднем по 200 выстрелов на орудие! Каждый патрон со снарядом весит 16 кг, так что можно представить труд подносчиков и заряжающего, подающего патрон (точнее, "выстрел") в ствол и спускающего затвор. Звук стрельбы настолько оглушителен, что у меня, наводчиков и всех, находящихся у орудия, к концу боя текла из ушей и капала с подбородка кровь.

В этот раз мы подбили четвертый на нашем счету самолет. Не безынтересен факт, иллюстрирующий тяжесть труда и усталость солдат. Перед описанным боем у нас пропал один из солдат, и мы не могли вообразить, что случилось, – не могли же его похитить и не дезертировал же он! И вот после боя он был найден мирно спящим в кустах за бруствером одного из орудий, то есть все это время он спал под грохот орудий и даже не проснулся...

Последнее наступление наших войск в Австрии 20 апреля началось ночной артподготовкой, которая на этот раз показалась мне не столь страшной, как впервые. Наблюдал я её издали, с горки около батареи. Была ночь. Вспышки орудийных выстрелов, фейерверки ракетных залпов "катюш" создавали незабываемую, даже "красивую" картину. Мы стояли в отдалении, поэтому гром стрельбы, взрывов и воя "катюш" был не так оглушителен.

После взятия войсками Санкт Пельтена наши части были отведены в Вену и переданы в состав 2-го Украинского фронта, который развернулся у границы Австрии с Чехословакией и нацелился на Прагу. Наша батарея оказалась 8 мая в

пограничном чешском городе Зноймо. Там на рассвете 9 мая мы узнали, что подписан акт безоговорочной капитуляции Германии. Все стали кричать: "Победа! Ура!" и стрелять в воздух – солдаты из своих автоматов и карабинов, мы, офицеры, из своих пистолетов ТТ, все обнимались, у многих были слезы на глазах.

Надо сказать, что почти все сержанты и солдаты моего взвода были намного старше меня. Как я им всем был и до сих пор остаюсь благодарен за их солдатский труд, воинскую дисциплину

и внимание с их стороны лично ко мне – молоденькому командиру, которому исполнилось на фронте 19 лет и которому они подчинялись и помогали. Помню многих из них до сих пор, например, 45-летнего командира орудия старшего сержанта Кирсанова, или высокого, сильного заряжающего ефрейтора Калинкина; некоторые из нашего личного состава уже прошли ранее через войну в Карелии, бои под Сталинградом и на других фронтах.

И вот, походным маршем (первый раз среди бела дня) мы двигались на машинах с техникой по хорошим дорогам к Праге. В населенных пунктах, а иногда и между ними дороги были плотно окружены ликующими чехами, в основном девушками, женщинами с детьми, подростками. Нам кричали "Наздар", бросали цветы, тянули руки, улыбались и плакали от радости.

Оказалось, однако, что наша последняя встреча с противником была еще впереди. Вечером 9 мая пришлось столкнуться с немецкой колонной, пересекавшей шоссе километрах в двух впереди, очевидно для сдачи в плен западным союзным войскам. Началась стрельба. Наши танки, шедшие впереди, оказались без снарядов и остановились, съехав с шоссе. Мы, развернув около шоссе орудия к бою, открыли огонь из орудий по наземным целям осколочными снарядами. Другие наши части также вступили в бой. Он продолжался, как помнится, не более часа. Немцы все-таки стали нам сдаваться. Никому не хотелось гибнуть после окончания войны. Только непосредственно нашей батарее сдалось в плен несколько десятков немецких солдат. С выделенной из пехоты охраной все пленные были уведены в тыл.

Мы продолжили путь на Прагу и 10 мая утром были в этом прекрасном городе, который уже освободили накануне советские войска, поддержавшие восставших пражан.

Далее моя служба в армии продолжалась на территории Чехословакии, Венгрии, а затем, после реформирования и демобилизации старших поколений солдат, в Зенитно-артиллерийском полку на территории Австрии в Южной группе оккупационных войск. Летом 1946 г. нашу часть перевели в Белорусский военный округ (г.Могилев), откуда в 1947 году по моему рапорту я был демобилизован в воинском звании лейтенанта. В том же году я поступил учиться на Химический факультет МГУ, с которым с тех пор и связана моя жизнь.

Г. Ф. Бебих

Обеспечивая связь с авиацией

*Бебих Григорий Федорович, родился 14.10.1924 в с. Пешковка
Кустанайской обл. Призван в армию в сентябре 1942 г. Воевал на*

Воронежском и 1-м Украинском фронтах. В ноябре-декабре 1942 года окончил училище спецсвязи и в должности мл. лейтенанта воевал в составе 5 истребительного авиационного корпуса 2-й Воздушной армии. Участвовал в боях на Курской дуге в районе с. Прохоровка, в освобождении Киева, штурме Берлина; закончил войну при освобождении Праги 11 мая 1945 г. Демобилизован в июне 1946 года.

Учился на химическом факультете (1950-1955), затем в аспирантуре кафедры химической технологии (1959-1962). С этого времени работает на химическом факультете (с 1992 - профессор). Имеет звание "Заслуженный профессор Московского университета" (2000).

21 июня 1941 года я окончил среднюю школу, мы жили тогда в Кустанайской области. Мне было 16 лет (я родился в октябре), поэтому на фронт меня поначалу не взяли. Несколько учителей из нашей школы были мобилизованы, и завуч школы пригласил меня преподавать математику в 5-6 классах. Затем я преподавал военное дело и физкультуру. В начале 1942 года (в октябре которого мне исполнялось 18 лет), нас вызвали в военкомат и стали отбирать курсантов в снайперскую школу. Набрали человек 60, выделили помещение, и мы там три месяца штудировали снайперское дело с утра и до позднего вечера: изучали винтовку, тактику нахождения в засаде, как обеспечить скрытное нахождение и не быть обнаруженным и пр. Ездили в поле, тренировались. По прошествии трех месяцев нашу группу снова собрали в военкомате и стали распределять на разные участки фронта. Группу из трех человек (я входил в их число), имевших законченное среднее образование, оставили при военкомате для помощи штатным сотрудникам в оформлении документов и комплектовании групп для отправки на фронт, – в то время шел большой поток мобилизуемых. Все лето мы занимались этим делом, а осенью нас направили в расположение Уральского военного округа. Приехав, мы доложились, и нам дали направление в Ульяновское училище спецсвязи (его выпускники были офицерами и занимались всеми аспектами обеспечения связи при штабах и управлениях различных групп войск), они должны были уметь работать с документами, устанавливать контакты с различными подразделениями и родами войск и т.д.). Взяли мы свои котомки и поехали туда. В этом училище мы проучились три месяца, а в конце декабря нас отправили в Москву, в распоряжение Генерального штаба, который распределял офицеров по войскам. Нас троих направили на Воронежский фронт. Это было время, когда немцы после Сталинградской битвы отступали, но к этому времени уже успели сгруппироваться.

Мы попали в 5-й истребительный авиационный корпус, входивший во 2-ю воздушную армию. В нем было две дивизии, одна гвардейская (8-я), она воевала на истребителях Як-3; другая, 256-я, летала на Ла-5. Командиром корпуса был генерал В.Н.Галунов, а начальником штаба – полковник Андрей Иванович Скляр, человек в годах (ему было за пятьдесят), он и был нашим непосредственным начальником. Перед войной он преподавал в Академии им. Н.Е.Жуковского.

Нас распределили по отделам, дали задания и работа началась. Я попал в так называемую оперативную группу корпуса. В нее входили начальник оперативного отдела, командир корпуса (наш генерал), группа связистов, работавших на радиостанциях и обеспечивавшая связь с войсками, а также

группа, обслуживавшая радарные установки (это были передвижные радары, установленные на ЗИЛах). В общей сложности оперативная группа насчитывала 10-12 человек, она обычно придавалась наземным войскам -стрелковой или танковой армии, которая выдвигалась на передний край. Мы должны были обеспечивать их взаимодействие с авиацией, прикрытие с воздуха и обычно располагались во втором ряду окопов, метрах в 100 от передовых позиций. Здесь мы обустроивались, прятали подальше наши локационные станции (они были на машинах), приезжал наш генерал, он устанавливал контакты с командующим армией, а нам давал задание подготовиться. В чем заключалась наша работа? Наши авиационные дивизии располагались примерно в 20-30 км от передовой, и самолеты прилетали сюда, на передний край по 2-3 эскадрильи. Я обычно был у микрофона, принимал их донесения, связывался с генералом, он приходил от наземников и давал конкретные задания. Например, надо было проверить, что было в лесу в определенном квадрате или прикрыть бой от самолетов противника, которые мы "засекали" нашим локатором. А поскольку истребитель может находиться в воздухе полчаса, максимум час, то они часто меняются (прилетают, улетают обратно, на аэродром), а мы находимся на связи, даем команды, ориентируем наших – ведь с земли многое виднее, чем с воздуха: например, откуда стреляют, откуда приближаются самолеты противника и пр. Когда идет бой, то летчикам трудно ориентироваться без дополнительной помощи, и мы подсказываем им с земли, кто оторвался от группы, на что обратить внимание. В этом часто принимал участие и сам генерал.

Таким путем мы продвигались до самой Курской дуги. Собственно, сама дуга брала начало именно от Воронежского фронта, командующим нашего фронта в то время был генерал армии И.Ф.Ватугин. Группой войск Центрального направления (севернее нас) командовал генерал армии К.К.Рокоссовский, наш 5-й истребительный авиационный корпус и в целом 2-я Воздушная армия были на юге.

5 июля 1943 года началась это знаменитое сражение. Это была страшная битва. Наверное, многие видели фильмы, читали книги об этом, а вот мне довелось участвовать самому. Немцы сосредоточили, особенно на юге, огромную ударную силу танков, и от Белгорода (мы были от него на расстоянии 20-25 км) двинулись огромные немецкие войска. Хотя наши изо всех сил сопротивлялись, немцам удалось углубиться километров на 35, прорвать первый эшелон нашей обороны, затем второй (всего их было пять), были очень тяжелые бои. Так мы дошли до Прохоровки – тогда это было небольшое село. Туда немцы двинули свои самые мощные танки – "Тигры" и "Пантеры". У нас тоже имелись тяжелые танки – "ИС", уже много было Т-34, немало артиллерии подтянули, а также более миллиона солдат. Примерно столько же было и с немецкой стороны. Столкнулись две такие громады!

Однако танков у немцев поначалу было больше, и они нас потеснили. Тогда командующим фронтом была дана команда нашей Пятой танковой армии, которая дислоцировалась в тылу; она была переброшена к Курской дуге и с ходу бросилась в бой. Так началось Прохоровское сражение, где в бою одновременно участвовало по полторы тысячи танков с каждой стороны. Семь дней и ночей продолжалась битва, не останавливаясь ни на час. Днем было темно от копоти и гари, а ночью – светло от взрывов и ракет, немцы постоянно штурмовали наши позиции. Вся наша Воздушная армия непрерывно летала, бомбила, стреляла, хотя

бомбить, когда войска пришли в соприкосновение, крайне тяжело. Все поля были засыпаны гарью... Как мы выжили, я не понимаю...

Сколько мы спали – не помню, когда ели и ели ли – тоже трудно сейчас понять. А потом наступил перелом: подошедшая Пятая армия навалила на немцев, и хотя Фердинанды их были сильными машинами, но наша танковая артиллерия была мощной, прошивала их за милую душу. Немцев остановили, стали теснить и они начали откатываться в районе Белгорода. Битва шла с переменным успехом, но уже недели через две мы снова отвоевали Белгород, часть войск была направлена к Харькову, состоялась битва за Харьков; на севере у Рокоссовского тоже были успехи.

Дней через 20 ситуация стабилизировалась, немцы поняли, что у них здесь ничего не выйдет, а дуга может стать их могилой, и стали отходить. Они решили взять реванш на берегу Днепра. А Днепр в районе Киева очень широк, кроме того, с нашей стороны берег был пологим, а с немецкой – крутым. На нем они и встали.

А тогда ведь как было принято – светлые праздники отмечать достижениями, подарками. Приближалась осень, дело шло к ноябрьским праздникам. Пришел приказ Главнокомандующего: к 7 ноября Киев взять. А как? С ходу не получилось, потери у нас уже давали себя знать, да и берег, на котором стояли немцы, крутой, трудное препятствие. Поэтому стали думать о других вариантах. Сначала сосредоточили большую массу войск на юге и начали оттуда пытаться форсировать Днепр. Но там он тоже был очень широкий. На севере пытались делать отвлекающие маневры, будто тоже начинается движение войск.

Фронт к тому времени был очень широким, людей не хватало, приходилось брать в армию совсем молодых мальчишек, 17-18-летних. Когда набирали их на территориях России и Украины, которые были недавно освобождены, то в армию попадала совсем необученная молодежь, которая очень быстро и выбывала. Но что было делать?

Немцы тоже времени не теряли, укрепляли свои позиции. А мы стали строить лодки, плоты и переправы для форсирования Днепра, на это ушел почти весь октябрь. Когда попробовали интенсивно форсировать на южной окраине Киева, то вначале почти ничего не получилось, немцы хорошо защитили этот край фронта. Потом Третью танковую армию (а это около тысячи танков) приказали в темное время суток незаметно перебазировать с левой стороны наших позиций на правую, немцы наших маневров не заметили, хотя операция была весьма масштабной – ведь шли не только танки, за ними везли горючее, боеприпасы, остальной обоз. Потом пришло время постройки мостов – наши понтонщики стали делать понтонные мосты, а с ними боролась немецкая авиация, она была довольно сильной тогда. И тут началась наша работа – защитить наши позиции. Наши истребители работали днем и ночью, бомбардировщики обрабатывали передний край обороны немцев, и в этих тяжелых боях 5 и 6 ноября начался штурм. Пятая и Шестая армии на понтонах начали переходить Днепр. В воздухе была такая кутерьма, что трудно было представить. Но наши летчики выдержали. Если бомба попадала в понтон, понтонщики сразу подгоняли новые секции; переправа шла также на лодках и плотях (легкие орудия).

В общем, рано утром 6 ноября я был уже в Киеве. А наша основная авиация и штаб корпуса были на левой стороне в местечке Бравары. Киев взяли с ходу; правда, он был сильно разрушен – от Крещатика остались лишь груды развалин.

После такого страшного прорыва немцы не выдержали, стали отступать, и мы на их плечах дошли до Житомира – это километрах в 70 от Киева.

А тут все-таки победа, все радовались, доложили Верховному, в честь нас салют в Москве. Все расслабились, и здесь немцы собрались и Житомир у нас отобрали! Какой пошел крик и шум! Мы, конечно, сразу же отбили Житомир, я уже через три дня был там. А в Киеве стали вылезать из щелей люди, приходили, благодарили – все радовались освобождению. Хотя потери среди населения города были очень большие.

А дальше началась Западная Украина, стал активно работать Белорусский фронт. Начались бои под Каменец-Подольским, здесь был большой прорыв. Нас сориентировали на юго-запад – надо было прикрывать наши танковые дивизии. Мы прошли туда, закрепились, прилетел генерал, связал нас с этими частями и улетел обратно. И вдруг буквально через день нам сообщают: вы окружены. Получилась так, что большая группа немцев, увидев, что мы слегка расслабились, двинула вперед и отрезала нас от основных частей. Что делать? Докладываем генералу, он сказал: ничего, терпите, находите выход. Нас был чуть более десятка, я за старшего. А людей надо кормить. Жили мы на небольшом хуторке. Хозяин сказал, что картошкой нас обеспечит, а вот с хлебом у него туго. Он подсказал: тут неподалеку есть мельник, у него на мельнице и пшеничка имеется; а сам он при немцах с ними сотрудничал; поговорите с ним, вы же солдаты. Я взял с собой пару ребят, пошли его воспитывать. Он с нами любезно: панове, панове (в тех местах по-польски говорили). Мы говорим, что нам-де нужен мешок пшеницы, да смолоть его в муку. Мельник быстро все сделал. Когда мы принесли мешок, хозяин обрадовался: ну вот, теперь мы с хлебом, ваши девушки (у нас было четыре радистки) и моя хозяйка напекут хлеба. Я думаю: а ведь с мясом надо что-то делать. Опять же хозяин подсказал: у нас сейчас очень много развелось зайцев в соседнем леске, возьмите ваши карабины и настреляйте. И действительно, несколько раз мы выходили туда, приносили по 5-6 зайцев. Так что около недели мы там продержались неплохо. А потом немцев оттеснили, прилетел генерал: как вы тут? Угощали зайчатиной и генерала.

А впереди были Львов и Перемышль. Бои были там непростые. Когда подошли к Львову, его старались не бомбить, это был старинный город, исторический. Его окружили наши наземные части, а мы, авиация, прикрыли сверху. Поэтому Львов практически не пострадал.

Местное население (а Западная Украина, и Львов в том числе, отошли к России в 1939 году) относилось к нам в целом доброжелательно, хотя они знали, что у нас есть колхозы и что они туда очень не хотели. Мы заходили в дома, они нас угощали, но отношение было настороженное. Однако войск было много, это была хорошо оснащенная армия, поэтому безумием было как-то противостоять этому.

Дальше пошли на Польшу. Когда туда попали, там был уже другой народ. Немцы, конечно, очень много беды принесли Польше. Было уничтожено очень много поляков, в городах они пытались сопротивляться, однако им очень досталось. И поляки внача-

ле очень доброжелательно к нам относились, хотя некоторая настороженность, как на Западной Украине, и там присутствовала.

Там мы познакомились с тем, как живут поляки, и вообще – как живут на западе. Вот, например, хозяин, у которого мы остановились: у него была полоска

земли – два гектара. Был еще и огородик у дома, но основная земля – эти два га, где он сеял и пшеницу, и рожь, и все, что ему нужно. У него было две лошадки, пара коров, и он чувствовал себя вполне неплохо. Проходя по нашим деревням и по Украине, мы везде видели небольшие домики, мазанки, скромное убранство, а тут – каменный дом, под черепичной крышей, хорошие сады, да и в доме достаток. В книгах мы читали, что у них здесь капитализм, народ угнетают, но то, что мы увидели, заставило задуматься, что видно, не так уж их и угнетают...

Затем – Висла, она пересекает Польшу с юга на север. Здесь тоже были весьма непростые бои при ее форсировании. Опыт такой уже был; сделали прорыв, поставили понтоны, прислали туда 2-3 танковые дивизии, они этот прорыв расширили – получился широкий плацдарм. Наша авиация поддержала с воздуха, а передовые части перелетели за Вислу.

Здесь, кстати, произошел курьезный случай. Начальник штаба Андрей Иванович дал мне пакет и приказал его доставить к передовым частям за реку. Вот тебе, говорит, У-2, летчик, летите. Было утро, часов 11, кругом тучки бродили, мы сели в самолет и стали подниматься. И вдруг откуда ни возьмись появился такой сильный туман! Надо сказать, что У-2 летает низко – 50-100 метров, на него немцы с удовольствием охотились и частенько сбивали; за сбитый У-2 им давали крест, поэтому стреляли все.

Летчик поворачивается ко мне и говорит: "Что будем делать, лейтенант?" А мы только над деревьями летим. "Как что? Давай садиться – что же делать?" Мы развернулись и плюхнулись кое-как. Немцы, однако, нас заметили – что там какие-то 1-2 километра. Но поскольку был туман, то и они не знали, куда бежать. Чуть подул ветер и стал разносить туман, я летчику говорю: давай драпать, нечего ждать. Мы быстро развернулись, взлетели и были таковы. Прилетев, я доложил генералу, какая приключилась история.

А немцы тем временем пополнили армию, собрав и старых, и малых. Мы уже перешли в Германию, здесь было все по-другому: фундаментальные каменные дома, изумительные, чистые дороги, прекрасные сады – совсем другая страна. Причем, когда мы заходили в деревни или маленькие городки, люди нам почти не попадались, они нас избегали. Пропаганда Геббельса настроила их на то, что коль они у нас столько людей уничтожили, принесли столько бед и разрухи, то и русские будут делать то же самое. Поэтому они прятались, а бывало – уходили в леса: деревня пустая, никого нет. Из городов, конечно, все не убегали, но жались где-то по углам. Мы заходили, пытались с ними разговаривать, они улыбались, пытались сказать, что мы тут ни при чем. Когда мы к ним обращались, они делились тем, что знали, показывали нужное направление. Меня как-то подвозил танк, но ему нужно было ехать к себе, а мне до цели оставалось дойти километра полтора, я на улице увидел группу людей, попытался выяснить у них направление, они показали, вежливо попрощались.

А потом настало время нашей битвы за Берлин. Это было страшное сражение. Мы были на Первом Украинском фронте, им командовал И.С.Конеv; мы заходили на Берлин с юга и юго-востока, Г.К.Жуков с Первым Белорусским фронтом шел прямо в лоб, а К.К.Рокоссовский заходил с севера. Предполагалось, что Конев и Рокоссовский окружат Берлин с двух сторон, а Жуков ударит в центре. Против Жукова на Зееловских высотах стояла огромная армия, да еще Шпрее их разделяла. Войск было огромное количество, авиации – больше чем нужно, к этому времени мы уже в основном подавили немецкую авиацию, ее

осталось очень мало. Правда, когда мы подошли к Берлину, там на Потсдамском аэродроме, под Берлином стояли самолеты с ракетными двигателями, у нас они тоже к этому времени были. Они летали с большой скоростью. Наши истребители Ла-5 могли развивать скорость 550 км в час, Як-3 – 630 км. в час, самолеты же с реактивными двигателями летали со скоростью 900 км. в час.

И вот началась эта битва. Сопrotивление Жукову было очень серьезным, кроме того, перед ним была еще и водная преграда; на нашем же фронте было проще и имелись две танковых армии, поэтому наш фронт с юго-востока прорвался быстрее – к Потсдаму, в пригород Берлина. Тут Конев повел себя не очень дипломатично, и связано это было с делами минувших дней по обороне столицы. Когда была битва под Москвой, Конев командовал Калининским фронтом, и там у него случилась серьезная оплошность – немцы прорвали этот фронт, подошли к Красной Горке, рассматривали в бинокли Москву, обстреливали Кремль и прочее. Сталин тут взбеленился, вызвал Жукова, приказал убрать Конева, но Жуков вступился за Конева: не надо его убирать, дайте мне его заместителем, чтобы командовать всей этой группировкой, он хороший командующий, он нам пригодится.

А тут у Конева глаза загорелись – как же, он может первым взять Берлин, Жуков там завяз, Рокоссовский тоже, Берлин почти окружен – тогда он позвонил Сталину и спросил: можно ли мне брать Берлин? Сталин разрешил, и Конев двинул свои танковые и моторизованные войска. Мы ворвались на окраину Берлина, а когда ослабло давление на Жукова, и он подтянулся. 29-30 апреля мы уже были в Берлине. Окружили Берлин, битва была сильная, разрушения ужасные. А тут оказалось, что большая группа немцев, около 600 тысяч человек, защищавшая юго-запад Берлина (ею командовал генерал-полковник Крепс), которую потеснил наш фронт, решила повернуть в сторону Праги и идти навстречу американцам. Нам дали команду перехватить эту группировку. Мы развернулись (с авиацией это быстро) и в этот же день в пригородах Праги начали бомбить немцев. У немцев авиации уже почти не было, только танковые войска, поэтому наши истребители превратились в бомбардировщиков – каждому вешали несколько 50-килограммовых бомб, и они их сбрасывали. У немцев и зенитных орудий к тому времени не осталось.

А в это время в Праге началось восстание. Но у немцев были значительные силы, они подавили это восстание, а мы бросились туда, разбивать немецкую армию, помогать чехам. И таким образом мы там воевали до 11 мая 1945 года. По радио уже во всю говорили: 8 мая – день Победы! Ура! А мы летаем, бомбим немцев, отходящих на запад.

Утром 11 мая приходит генерал, достает 2 бутылки французского шампанского: За победу, ребята! Сел на самолет и улетел. На другой день и мы уехали. На этом кончилась наша война.

Основной штаб нашей группы войск был в Вене, а на озере Балатон дислоцировался наш корпус. Стали думать, что делать дальше. Я по роду службы часто контактировал с начальником штаба корпуса генералом Андреем Ивановичем Склярком, я пришел к нему и говорю: "Андрей Иванович, я человек не военный, хочу домой". "Как домой!?" "Но ведь у вас много людей, которые хотят быть военными, а я хочу быть гражданским". Я ведь после окончания школы пробовал поступать в Свердловский индустриальный институт, писал письмо туда, а поскольку у меня был отличный аттестат, они приглашали меня приезжать

без экзаменов. Но тут началась война. "Хорошо, – сказал Андрей Иванович, – пиши рапорт". Я написал: прошу меня демобилизовать и пр. Он наложил резолюцию, послал в штаб армии, а через две недели вызывает, говорит: попало мне за тебя. Там сказали, не смейте, мол, ходатайствовать, за кого не положено – ему еще служить и служить.

Тогда я сел и написал: Верховному Главнокомандующему И.В.Сталину. А в письме объяснил, что я, такой-то, хочу заниматься мирным трудом и прочее. Прошу меня демобилизовать. Генералу об этом не сказал и отнес на почту. Письмо дошло. Через месяц вызывает меня начальник штаба корпуса: что ты натворил? На тебя документы пришли, на демобилизацию. Я объяснил: мол, Верховному Главнокомандующему написал. "Ну ты молодец!". И таким образом к июню 1946 г. я собрал все документы, меня рассчитали, выплатили все пособия, выдали обмундирование и т.д. Надо было ехать в Вену, оформить документы, билеты – на это ушло еще недели две. А когда сформировался эшелон, мы в него сели и через Румынию и Бессарабию поехали домой.

По приезде на Родину несколько лет работал в разных организациях. У меня было лишь среднее образование, поэтому я решил поехать учиться. Выбрал для себя Московский университет и в 1950-м был зачислен на химический факультет. Закончил его в 1955 году, три года работал в Харькове в Артиллерийской радиотехнической академии, преподавал на всех курсах химию. В 1958 году сдал экзамены в аспирантуру химфака и после защиты кандидатской диссертации был оставлен на работу на кафедре химической технологии, где и работаю до сих пор профессором кафедры.

* * *

Что можно сказать в заключение моего повествования? Наше поколение, которому сейчас уже перевалило за 80 лет – это героическое поколение! Все они – старые солдаты, трижды герои своей Отчизны: во-первых, потому что в свои юные годы (17-18 лет) были мобилизованы, отправлены на фронт и брошены навстречу громадной военной армаде – на танки, артиллерию, авиацию и хорошо оснащенную боевую пехоту. Они – молодые мальчишки и девчонки, не обученные военному ремеслу и даже плохо вооруженные, бросились на амбразуры военной техники. Их очень много погибло, очень многие были искалечены и умирали потом в тылу.

Во-вторых, они вынесли это жестокое сражение в течение 1418 дней и ночей, разгромили врага, освободили Родину и всю Европу – это беспримерный героический подвиг солдат! В-третьих, они пришли домой в разрушенные города и сожженные деревни, где надо было все восстанавливать. Они подставили свои руки и плечи под этот адский труд. Восстановили свою страну, стали учиться, овладевать профессиями, трудились не покладая рук все эти 60 лет после Победы. Это великий подвиг всего народа и бывших воинов! К этому великому празднику – 60-летию Победы в Великой Отечественной войне – нас наградили медалью "60 лет Победы". Мы очень признательны, конечно, нашим руководителям страны, но ведь по правде сказать, медаль-то для нас должна быть, как минимум, из другого металла... Да и пенсии, которые мы сейчас получаем на склоне своих лет, за все эти подвиги – весьма скромные... Кто знает, сколько раз мы сможем еще встретить наш Великий Праздник – День Победы?

П. Г. Иоанисиани

От Москвы до Берлина и Праги

Иоанисиани Павел Григорьевич (р. в 1921), специалист в области химической технологии. В армии прослужил с октября 1939 по ноябрь 1945, прошел войну командиром бронемашин батальона связи механизированного корпуса 4 танковой армии. Участвовал в боях на Западном, Брянском и 1 Украинском фронтах. Закончил войну в должности гвардии сержанта. Боевые награды: Орден Славы III ст., медаль «За Отвагу», медали «За оборону Москвы», «За взятие Берлина», «За освобождение Праги», «За победу над Германией».

В 1950 году с отличием окончил химический факультет МГУ по специальности «органическая химия», затем аспирантуру. Кандидат химических наук, лауреат Государственной премии СССР. Более 20 лет проработал во ВНИИ химической технологии (Москва) старшим научным сотрудником и руководителем лаборатории по синтезу ионообменных смол и экстрагентов для нужд атомной промышленности; здесь для гидрометаллургии были созданы новые селективные сорбенты урана и редких металлов, разработаны их синтез и технология производства.

Монголия

Весной 1939 г. я окончил с отличием среднюю школу в г. Минске. Аттестат отличника учебы давал мне право в те годы поступить без экзаменов в любой институт СССР. После короткого собеседования я был зачислен студентом 1 курса Химического факультета Московского государственного университета им. М.В.Ломоносова. Выбор мною специальности химика был сделан в школе осознанно. Однако через месяц меня и других первокурсников университета призвали для службы в Красную армию. Восемнадцатилетнего юношу провожала сестра Тамара. Эшелон с новобранцами двигался целый месяц по транссибирской магистрали в направлении Новосибирск – Красноярск – Иркутск – Улан-Удэ – ст. Наушки, которая находилась недалеко от старинного пограничного русского городка Кяхта. Здесь после бани выдали нам военную форму и повезли (в открытых грузовиках по плохо обозначенной дороге) через пограничный пункт в столицу Монголии г. Улан-Батор. Было очень холодно, дул сильный ветер.

Служил я около двух лет в 171 отдельном мотострелково-пулеметном батальоне, расквартированном на окраине Улан-Батора в районе радиостанции. Эта часть была передислоцирована в Улан-Батор после окончания боев с японцами в районе Халхин-Гола. Служба в армии в этот период была нелегкой, но справедливой. Отсутствовали «дедовщина», воровство, избиение военнослужащих и др. пороки. Дисциплина жесткая, обучение военным навыкам серьезное в трудных климатических условиях (резко континентальный климат). Чувствовалась забота о рядовых красноармейцах, хорошо обутих и одетых. В батальоне была батарея 76-миллиметровых орудий, много пулеметов, взвод бронемашин системы БА-20 и другие части обеспечения. Отсутствовала конная тяга. Тяжелая служба в армии в трудных условиях положительно сказалась потом на фронтах Великой Отечественной войны.

Весной 1941 г. батальон был переброшен из Улан-Батора в район реки Халхин-Гол на монголо-маньчжурскую границу (около г. Баин-Тюмень). Сюда в то время была уже проведена железная дорога из Советского Союза. В остальной Монголии не существовало ни шоссейных, ни железных дорог.

О жизни в Монголии можно было написать многое, но хотелось бы только указать, что 171 ОМСПБ вошел в состав 82-й мотострелковой дивизии, принимавшей активное участие в обороне Москвы. В тяжелые дни оборонительных боев дивизию перебросили из Баин-Тюменя в Москву на самое западное Можайское направление. Транссибирская двухколейная железная дорога работала во время переброски такой крупной мотострелковой дивизии только в одном направлении, и героическим железнодорожникам удалось, например, перевезти наш 130-й отдельный батальон связи этой дивизии всего за девять суток. Было уже прохладно, Байкал начал замерзать, а эшелоны нашего батальона шли один за другим почти без остановок. Три бронемшины стояли на открытых платформах, экипажи их находились внутри машин; несли боевое круглосуточное дежурство.

Выгрузили нас в Загорске. Здесь мы впервые поняли, что фронт уже недалеко, увидев в ясную солнечную погоду немецкий двухмоторный самолет, летевший на небольшой высоте. Никто по нему не стрелял, летевший самолет не бомбил. Итак, война... Жестокая война...

Битва за Москву

Темной октябрьской ночью 1941-го части 82-й мотострелковой дивизии начали двигаться из Загорска в направлении Москвы по Ярославскому шоссе. Расстояние небольшое, около 70 км, но наши бронемшины шли почти всю ночь. Мешало встречное движение покидавшего Москву гражданского населения (повозки, машины, люди). В эти дни решалась судьба Москвы. Мысли о скорой сдаче столицы врагу для нас не существовало. Все мы были уверены в разгроме фашистов под Москвой.

Части шли по Ярославскому шоссе до большого Садового кольца, затем по кольцу в сторону улицы Горького и мимо Моссовета в центр Москвы – на Манежную площадь; далее с выходом на Минское шоссе.

Приближение фронта чувствовалось. Минское шоссе было безлюдно, не двигался никакой транспорт. Была солнечная ясная погода, и где-то по пути движения на 32-36 км Минского шоссе мы остановились отдохнуть. Через некоторое время увидели в воздухе одинокий самолет, определили – немецкий. Вражеский самолет стал заходить для бомбежки и сбросил на наши бронемшины две бомбы – одну фугасную, другую осколочную. Ответить было нечем, так как наши пулеметы системы ДТ могли стрелять только по наземным целям. Экипажи покинули машины и укрылись в кювете. Однако один молодой водитель остался в бронемашине и был убит. Первая потеря на войне близкого человека. В это время фронт находился за Кубинкой.

В фильме «Битва за Москву» (фильм 1 «Агрессия», фильм 2 «Тайфун») хорошо показаны героические действия наших войск по защите Бородина и Можайского рубежа обороны. В этих боях мужество и героизм проявили воины 32 стрелковой дивизии, а также командование 5 армии во главе с генералом Д.Д.Лелюшенко. Дивизия в те дни понесла большие потери, был ранен и

командарм 5 армии. Наши войска оставили Можайск. А что же было дальше? Кто в тяжелых оборонительных боях измотал силы фашистских войск на этом самом западном направлении (автострада Москва – Минск) и перешел в наступление? Об этом в фильме ничего не сказано и даже не упомянуто.

А отличилась в этих боях героическая 82 мотострелковая дивизия, которая была сформирована, как уже упоминалось, летом 1941 года в г. Баин-Тюмень (ныне – г. Чойбалсан, МНР) из частей, участвовавших в боях с японцами в районе Халхин-Гола (1939). Дивизия являлась кадровой, хорошо вооруженной и обученной, закаленной (сибирской), имела свой танковый полк. В ней были и участники боев с японцами. Части дивизии помнили, что ими в 1939 г. командовал маршал Г.К.Жуков.

В грозные дни битвы за родную столицу в октябре 1941-го 82 мотострелковая дивизия в составе войск 5 армии нанесла мощный и стремительный удар по наступающему врагу в районе железнодорожной станции Дорохово. В этих боях дивизия не только остановила фашистов, но и отбросила их на Запад. Дивизия участвовала в освобождении г. Можайска, Бородино и других населенных пунктов и получила Красное знамя от трудящихся Дорохово.

Последний удар фашистов на Москву был осуществлен на Западном направлении 30 ноября 1941 г. В отражении этого удара 82 мотострелковая дивизия участвовала, обороняя Кубинку и не допустила в этот населенный пункт немцев. В своем приказе маршал Г.К.Жуков, командовавший в то время Западным фронтом, объявил благодарность личному составу дивизии и призвал все части и соединения сражаться так же стойко, как наша 82-я мотострелковая. За доблестное выполнение боевых задач наша дивизия была награждена орденом Красного Знамени и преобразована в 3-ю гвардейскую мотострелковую дивизию. На Западном фронте она участвовала в боях за освобождение Гжатска (Гагарин), Вязьмы и дошла до Дорогобужа. Дивизия участвовала также в боях южнее Ржева (Сычевка) на дальних подступах к Москве.

На войне, по моему мнению, больше страшен не противостоящий враг, а отсутствие «всего живого» – состояние, когда кажется, что все живое вымерло, нет никого, нет никакой жизни. Такое состояние мне приходилось испытывать неоднократно. Например, однажды меня послали одного в разведку на бронемашине узнать, находится ли штаб 5 армии в Звенигороде или уже передислоцировался, т.е. отошел, отступил. Была хорошая погода, солнце близило к закату. Я проехал из Кубинки в Звенигород (довольно далеко) по красивой лесной дороге и не встретил никого – пусто, всё вымерло. Но, узнав, что ничего плохого не произошло и штаб армии находится на прежнем месте, возвращаясь, я любовался красотой этой дороги, хотя также не встретил никого.

В морозную ночь, когда противник предпринял последнюю попытку наступать на Москву, его танки прорывались к с. Акулово (на дороге Нарофоминск-Кубинка). Все происходило мгновенно – вдруг исчезли все. Остался только я один – не мог бросить неисправную боевую машину. Пулемет без движения машины не мог действовать, а наган (пистолет), конечно, не спасал бы. Через какое-то время всё также неожиданно для меня восстановилось. Атака фашистов была отбита.

Наше наступление на Минском шоссе началось 5-6 января 1942, т.е. через месяц после перехода Красной Армии в контрнаступление на флангах обороны столицы. Объясняется это тем, что две большие группировки войск противника,

пытаясь окружить Москву, глубоко вклинились на территорию севернее и южнее города, а наша 5 армия оказалась далеко выдвинутой на Запад. Сообщения о разгроме немецких войск и об успешном наступлении Красной Армии встречались с большой радостью. Мы были уверены, что немцы Москву уже не возьмут. Мы видели, насколько плохо были подготовлены фашисты к суровым зимним условиям России. У них не было теплого обмундирования, моторы танков и машин плохо запускались или вообще не запускались, а бензин был низкого качества.

В результате нашего наступления был освобожден Можайск и много других населенных пунктов. Мы гордились освобождением Бородинского поля – места битвы русских войск с французами в 1812 г. Говорили, будто бы немцы предложили защищать Бородино французам, но те не решились. В районе Гжатска (ныне Гагарин) было оказано серьезное сопротивление. Нас перебрасывали как мобильную часть с участка на участок, но все-таки взять Гжатск не удалось. Тогда мы стали действовать в направлении ст. Сычевка, которая находилась между Вязьмой и Ржевом (уже на дальних подступах к Москве). Было очень холодно, дули сильные ветры, бои южнее Ржева были продолжительными и ожесточенными. В районе Гжатска фронт стабилизировался. Летом 1942 года немецкие войска стали наступать на юге. Предстояла битва за Сталинград. Активность боев на участках Западного фронта, где действовала наша часть, снизилась.

Мы научились быстро рыть щели, блиндажи с тремя накатами из бревен, землянки (хорошо обустроенные), приобрели солидный боевой опыт. В начале 1943 года дивизия начала готовиться к наступлению на Гжатск и Вязьму. Оно состоялось в феврале-марте.

Отступая под давлением частей нашей дивизии к Вязьме, противник оставлял после себя разрушенные здания, сожженные дома, нарушенные коммуникации. Например, стратегическое Минское шоссе было взорвано с образованием широких (около 10 м) и глубоких поперечных полос. Исключалось всякое движение транспорта на участке от Гжатска до Вязьмы, поскольку места взрывов дороги выбирались с таким расчетом, чтобы их не было возможности как-то объехать. Свои машины мы оставили в тылу и продвигались к Вязьме пешком по шоссе или по линии железной дороги.

Железная дорога также была приведена в негодность: буквально каждый стык рельсов взорван тремя цилиндрическими взрывными устройствами, подвязанными к месту стыка. А это многие десятки километров дороги. По-видимому, к этой варварской акции фашисты готовились заранее.

При своем отступлении фашисты жгли все дома в деревнях, жителей заживо сжигали в сараях или угоняли в рабство. Очень тяжело было смотреть на оставшиеся одинокие, дымящиеся трубы, напоминавшие о существовании здесь совсем недавно деревни. Непонятно, как могли это делать цивилизованные люди Запада. Такой жестокости и такого целенаправленного массового уничтожения гражданского населения раньше не было. В наших сердцах проявлялась злость и ненависть к фашистам, желание бороться для победы.

В Вязьме осталась какая-то часть уцелевших одноэтажных зданий, но за городом в крупном лесном массиве мы увидели другую ужасающую картину. Здесь погибло много наших военнослужащих, окруженных фашистами летом 1941-го частей. Прошло два года, но многое напоминало о жестоких

кровавопролитных боях. До войны мне приходилось видеть много картин и панорам исторических сражений, однако то, что я увидел, в лесах западнее Вязьмы, меня потрясло. Мы снимали головные уборы и низко кланялись погибшим воинам. Они спасли Москву! Ради спасения столицы и Родины они отдали свои жизни. По нашей оценке, в то время в лесах западнее Вязьмы было окружено не менее трех армий. Из окружения вышли небольшие группы.

Наступила весна. Нашу дивизию сняли с фронта, отвели в тыл на отдых (около Вязьмы). Мы сразу почувствовали, насколько трудно было с питанием в тылу. Нас же на фронте снабжали хорошо и регулярно всем необходимым, включая оружие, технику, боеприпасы. Большое спасибо труженикам тыла.

Находясь короткое время в районе Вязьмы, мы узнали, как крестьяне недавно освобожденного района пахали поле: несколько женщин с большим усилием тащили небольшой плуг. Наступила весна, земля не могла ждать. Мужиков и лошадей не было. Мы же не смогли им помочь – нас передислоцировали в Загорск, где на основе нашей 3 гв. мотострелковой дивизии сформировали 6 гв. механизированный корпус 4 танковой армии.

Битва на Курской дуге

Первое боевое крещение 4 танковая армия получила севернее Орла летом 1943 года в сражении на Курской дуге. Тогда армией командовал генерал-лейтенант В.М.Баданов. Воины показали там исключительную доблесть.

После короткого периода формирования 6 гв. Механизированного корпуса (1-2 мес.), пополнения его людьми и техникой, части корпуса перебазировали в район сосредоточения, находившийся севернее Орла (Брянский фронт). Собственно никакого сосредоточения не было. Положение было сложным и тяжелым, так как немцы, собрав большие силы пехоты, танков, артиллерии и авиации, атаковали наши части южнее Орла в направлении Курска. Начались ожесточенные бои на Курской дуге – последняя попытка противника наступать на советско-германском фронте и переломить ход войны в свою пользу. Но в этом сражении Красная армия имела уже большие преимущества – победы под Москвой, Сталинградом, на юге страны. У нас было много хороших маневренных танков (Т-34), артиллерии и другой военной техники. Стала активно действовать и защищать наши наземные части авиация. Мы имели также большой боевой опыт и умение воевать. Противник ощутил наши преимущества с первых же дней начала ожесточенных боев.

Перед нами была поставлена задача: после артиллерийской подготовки наступать с севера в район станции Хотынец, находящейся на железнодорожной линии Орел-Брянск, перерезать эту магистраль, нарушив снабжение немецких частей, действовавших с орловского плацдарма на курском направлении. Противник ожесточенно сопротивлялся частям 4 танковой армии, часто переходя в контратаки.

Нас часто бомбили. Для борьбы с нашими танками и бронетехникой фашисты применили артиллерийские снаряды термического действия, которые мы называли «болванками». При попадании в танк снаряд прожигал броню и вызывал взрыв боекомплекта внутри танка. Последний разлетался на куски как «карточный домик». Трудно было поверить, что разбросанные по полю и еще дымящиеся части были совсем недавно многотонным танком. Танкисты гибли.

Как-то в бою наши бронемашины были рассредоточены на участке большого открытого пространства, по-видимому, с задачей отсечь от контратакующих танков вражескую пехоту. Мы вышли из бронемашин и стоя наблюдали поле боя. В такой ситуации авиация противника не действовала (трудно понять, кто где). Противник заметил наши бронемашины и стал обстреливать их «болванками». Мы быстро легли на землю, но потом решили, что поразить такие снаряды нас могут только при прямом попадании, а это маловероятно.

Авиация противника часто бомбила наступающие части нашей армии. Пожалуй, здесь впервые мы поняли, что значит авиационное прикрытие войск. Активно действовали советские истребители – самолеты марок «ЯК» (Яковлева) и «ЛА» (Лавочкина). Говорили, что защищала нас и французская эскадрилья "Нормандия-Неман". А о частом появлении над нами штурмовиков «ИЛ» говорить и не приходиться. Они действовали превосходно всю войну; их работу мы потом видели. Немецкая авиация не располагала самолетами такого типа. Все же лететь на низкой высоте было очень опасно.

На войне, по моему мнению, наиболее опасными были вражеские пикирующие бомбардировщики «Юнкерс-87». Эти одномоторные небольшие самолеты пикировали на цели до предельно низкой высоты и заходили на бомбежку цепочкой. Затем разворачивались и вновь заходили для бомбометания на цели, образовав в воздухе как бы большое кольцо. Однажды из кучевого облака вышел немецкий истребитель. Вероятно, летчик был ассом. Он умело зашел в хвост тройке наших истребителей, совершавших вдали посадку, по-видимому, на полевом аэродроме и сбил последовательно два наших самолета (они летели цепочкой). Наконец, первый самолет не выдержал, резко отвернул, а немец, не приняв боя, вновь ушел в кучевое облако.

Наша часть пересекла железнодорожную линию Орел-Брянск. Мне не пришлось быть на станции Хотынец. Вспоминая путь движения к железнодорожной линии, я вдруг осознал, что путь нашего наступления вообще обходил многие населенные пункты. Мы обошли г. Карачев и стали продвигаться в сторону станции Навля, находящейся на железной дороге в направлении Киева южнее Брянска. Где-то около станции наступление нашего корпуса было приостановлено. Нас отвели в большой лесной массив в районе г. Карачева. Здесь был тыл, мы отдыхали после тяжелых боев и пополнялись. Потери были не малыми.

С чувством гордости узнали, что Орел был освобожден нашими войсками 5 августа 1943 года и что Верховный главнокомандующий И.В.Сталин в своем приказе объявил благодарность всему личному составу войск, участвовавших в освобождении города, в том числе 4 танковой армии и нашему корпусу. Впервые за всю войну в Москве прозвучал залп из артиллерийских орудий, возвестивший об этой крупной победе войск Красной армии на Курской дуге. Со взятием Орла, после битвы под Прохоровкой, где в самом большом за всю историю войн танковом сражении участвовало с обеих сторон около 2000 танков, была выиграна Курская битва. Гитлеровская Германия потеряла всякую инициативу к наступлению на советско-германском фронте и вынуждена была перейти к обороне, отступая на многих участках фронта. Но до полной победы было еще далеко.

Каменец-подольская операция

Опыт войны показал, что крупные бронетанковые объединения сыграли важнейшую роль на полях сражений. Быстрота и маневр танковых войск, сила огня, внезапность удара, выход на оперативный простор в короткие сроки, способность окружить и во взаимодействии с другими родами войск разгромить противника – таковы преимущества танковых войск. Они являлись и показателями индустриальной мощи нашей страны.

К весне 1944 года наши союзники второго фронта не открыли. Советское командование заканчивало последние приготовления к наступлению трех Украинских фронтов, имея целью полностью освободить правобережную Украину.

В феврале 1944 года после пополнения и отдыха наш корпус из района Карачева был переброшен в Дарницу, а вскоре и в Киев. Противник был отброшен от Киева на Запад, но проявлял большую активность по всему фронту (выступу). Шли бои.

Командующим 1 Украинским фронтом в марте 1944 года был маршал Советского Союза Г.К.Жуков, который в своих воспоминаниях написал: «4 марта 1944 г. началось наступление войск 1 Украинского фронта. Фронт обороны противника был прорван, в образовавшуюся брешь были введены 3 и 4 танковые армии. К 7 марта обе армии вышли на линию Тернополь – Проскуров. Командование немецко-фашистских войск сосредоточило против 1 Украинского фронта 15 дивизий. 7 марта здесь завязалось ожесточеннейшее сражение со времени Курской дуги". (Жуков Г.К. Воспоминания и размышления, М., 1969, стр.542).

Наступление планировалось, вероятно, в самую весеннюю распутицу. В первой декаде марта месяца шел мелкий дождь вперемежку со снегом. Везде лужи и грязь. Множество машин, даже танков, застрявших в грязи. Возле них трудились люди, напрягавшие все силы, чтобы продвигаться вперед. Наши части и подразделения растянулись в глубину на 30-35 км. Много пушек и автомашин застряло в грязи. На исходе горючее и боеприпасы. Темп продвижения замедлялся не только из-за весенней распутицы, но и упорного сопротивления противника. У нас, однако, было заметное преимущество: гусеницы наших прекрасных маневренных танков Т-34 шире и не так вязли в грязи. Обладали хорошей проходимостью и американские автомашины марки «Студебекер», использовавшиеся для перевозки грузов, а также наши бронемашины БА-64 с двумя ведущими мостами. Наша бронемашинка иногда буксовала, скребла днищем, но все же шла вперед. Вдруг она остановилась. С трудом открыли боковой люк и увидели непредвиденное – металл не выдержал, и отвалилось левое заднее колесо машины; грязь до колена, много воды. Домкрат нельзя было подставить, никакой помощи нельзя было ожидать.

Возились долго, до темноты; потом зашли в ближайший дом, искали бревна, доски и другие материалы для поднятия машины. Украинская семья встретила нас дружелюбно, накормила, подлечила. К утру заметили, что интенсивность движения по этой проселочной дороге стала падать. Лишь в отдельных местах люди боролись с грязью. Устранив неисправность, поехали дальше и обнаружили, что нам от места аварии до дороги с твердым покрытием оставалось всего несколько километров.

Через неделю передовые части корпуса завязали кровопролитные бои с вновь подошедшими частями неприятеля: двумя пехотными дивизиями, танковой дивизией «Адольф Гитлер», отдельным тяжелым танковым полком «тигров». Пушка у немецкого танка «тигр» была солидной, но его маневренность и некоторые другие качества уступали нашему танку Т-34.

Части корпуса действовали в районе г. Войтовцы, где происходили ожесточенные бои. Противник предпринимал контратаки. Во второй декаде марта бои начали приобретать характер артиллерийских дуэлей без продвижения вперед. Началась подготовка для возобновления наступления.

Вскоре мы узнали о замене командира 4 танковой армии. Новым командармом стал генерал Д.Д.Лелюшенко.

В третьей декаде марта после короткой артподготовки и авиационного удара войска 4 танковой армии перешли в наступление. Наступление развивалось успешно. А весенняя распутица продолжалась – много воды и грязи; отсутствие дорог с твердым покрытием. Поэтому основная проблема состояла в обеспечении своевременного подвоза горючего, боеприпасов. Горючее и боеприпасы грузили на танки, использовали местный гужевой транспорт (волов и лошадей), переносили на носилках и в мешках. Самолеты У-2 и дальнего действия, несмотря на помехи врага, точно сбрасывали контейнеры в указанные места.

В последних числах марта в районе Чертков, Копычинцы (куда мы прибыли на своей бронемашине в очень сложной обстановке) были разгромлены неприятельские резервы. Мы поняли, что корпус вышел на оперативный простор и стал громить тылы противника. Здесь захватили много боевой техники и пленных. Вражеские штабы и тылы спасались бегством, прячась в лесах. Был получен приказ стремительно развивать наступление и овладеть районом города Каменец-Подольск.

Наши боевые порядки слишком растянулись из-за плохих дорог, продолжался острый недостаток боеприпасов и горючего. Развивая наступление в юго-восточном направлении, корпус преодолевал яростное сопротивление противника, разгромил несколько частей и тыловые учреждения группы армий «ЮГ», захватил много танков, орудий и складов с боеприпасами и горючим. К сожалению, дизельного топлива для наших танков среди этих трофеев не оказалось.

26 марта 1944 г враг был разгромлен и областной центр Каменец-Подольск был освобожден.

В конце марта окруженная вражеская группировка начала пробиваться на запад. Семь дней происходили ожесточенные бои. Враг непрерывно наносил сильные удары в районе Каменец-Подольска и других населенных пунктов. Наша 4 танковая армия удержала их в своих руках.

Единственная шоссейная дорога, ведущая на запад, была удержана. Тогда противник стал просачиваться по бездорожью, бросая технику и раненых. Вообще, окружение не было сплошным и, быть может, не следовало далеко выдвигаться на запад, а использовать наши силы для полного уничтожения окруженного противника. Но так или иначе, победа в этой операции была достигнута.

В ознаменование освобождения Каменец-Подольска войскам 4 танковой армии приказом Верховного главнокомандующего И.В.Сталина была объявлена

благодарность, и Москва салютовала нам 20 артиллерийскими залпами из 224 орудий.

Во второй половине мая наступила оперативная пауза. Армия была укомплектована личным составом и техникой. Проходила подготовка к новому наступлению войск и выходу нашей армии и корпуса на государственную границу СССР.

Освобождение Львова, бои на Сандомирском плацдарме

В начале июля 1944 года я по болезни находился в армейском госпитале в Черткове. Через 2-3 дня было объявлено о предстоящем наступлении армии, и о необходимости покинуть госпиталь ряду военнослужащих. В корпус была направлена автомашина с сопровождавшим группу солдат офицером. Подъезжая к линии фронта, мы слышали стрельбу артиллерии и разрывы снарядов. Фронт был прорван на небольшом участке шириной 4-6 км, и нам надо было войти в прорыв и двигаться в сторону наступавшего корпуса. Коридор простреливался артиллерийским и пулеметным огнем противника. Ночь была очень темной, и шел проливной дождь, усугублявший и без того сложную обстановку.

Мы проехали на машине какое-то расстояние по грязи и остановились. Сопровождавший нас офицер, который должен был доставить нас в штаб корпуса, сообщил нам, что ехать дальше нельзя. Он раздал документы, и мы должны были сами искать свои части. Все быстро разошлись. Остался я один. Куда идти? Не назад же? Пошел на запад в направлении движения прошедших частей. Вышел из леса и вскоре увидел догоравшие впереди деревенские дома и группу солдат с командиром. Мною было принято решение быть вместе с ними. Все быстро стали искать что-то похожее на «постель», укрылись плащ-накидками и быстро заснули. У меня ничего не было кроме шинели, не было также и оружия. Я постелил одну половину шинели под себя, а другой укрылся от дождя. Сыро, холодно, но что поделать – идет война. Засыпал я лишь на какое-то мгновение.

Вдруг я проснулся и с ужасом обнаружил, что я опять остался один. Часть куда-то исчезла. Стало рассветать, и я пошел в направлении Львова. Иногда встречались какие-то указатели прошедших частей. По ним, однако, нельзя было ничего узнать. Решил идти по шоссе-дороге. Впереди указатель и дома, извещавшие о том, что это был небольшой г. Золочев. Кругом ни души, только слышалась стрельба с разных сторон. Не было ни наших войск, ни противника. Пусто. Вошел в город; здесь также пусто; такое впечатление, что все живое вымерло.

С любой подворотни могли схватить безоружного солдата. Поэтому решил идти посередине улицы, видимо главной, четко отбивая шаг по каменной брусчатке. Тихо, никого. Так прошел весь небольшой город, не встретив ни одного жителя. Пронесло. Жуткое состояние души.

Пошел дальше; вдруг один указатель известил меня о движении знакомой мне части. Повернул налево и вышел по проселочной дороге в деревню. Стало темнеть, я зашел в первый попавшийся мне дом. Хозяин с хозяйкой встретили приветливо, накормили и уложили спать в теплую постель. Такого гостеприимства не ожидал, поскольку находился уже на территории Западной Украины. Утром продолжил путь в юго-западном направлении.

Неожиданно появилась шедшая навстречу мне бронемашинка БА-64 (так хорошо мне знакомая). Водитель остановился, он ехал один и мне был незнаком. Он был из нашего взвода, нашего батальона связи. Какое счастье! Он сообщил мне, что ездил с офицером связи в наступавшую часть нашего корпуса, а потом офицер отправил его назад одного. Были рады друг другу.

Поехали назад, но также неожиданно остановились у одного из одиноких домов (хутора). У нас отказала коробка передач. Стали быстро разбирать коробку и установили неисправность – поломалась шестеренка второй скорости. Что делать? Бросать боевую машину нельзя. Я стал рассуждать так: нашу бронемашину построил Горьковский автомобильный завод (ГАЗ), последний строили когда-то с участием американского бизнесмена Форда и стали выпускать фордовские модели автомашин (ГАЗ-А, ГАЗ-АА и др.). У немцев также встречались грузовые автомашины с эмблемой «Форд» (в Германии был автозавод этой фирмы). Если мы найдем среди сожженных войной немецкую автомашину этой марки, то нам может повезти – сработает единый *стандарт*. Нашли такую машину, разобрали коробку, и наше предположение подтвердилось. Но поставить на место свою уже исправную коробку передач не успели, так как стало темно.

Ночевать на месте стоянки бронемашин мы не хотели. В случае изменения ситуации наше месторасположение не соответствовало бы нашим возможностям обороны. Поэтому сняли с машины пулемет, взяли некоторое количество дисков с патронами и поднялись вверх по склону небольшой возвышенности. Там увидели дом и два наших поврежденных танка Т-34. У одного танка орудийная башня была заклинена, но он двигался, а у другого наоборот – он не мог двигаться, но пушка могла стрелять. Посоветовавшись с танкистами, спустились немного с холма, установили пулемет и стали по очереди дремать. Ночь была беспокойной, тревожной. С рассветом мы вернулись вниз и быстро устранили неисправность бронемашин.

Поехали к месту расположения нашей части, доехали до одной деревни, в которой располагались пехотинцы. Стали узнавать кто где, но никто ничего не знал. Пехотинцы встретили нас без энтузиазма. У них, по-видимому, была задача вести круговую оборону деревни. Ночь была здесь также беспокойной. Везде стреляли.

К полудню, не зная обстановки, выехали на шоссе Золочев – Львов и, увидев оживленное движение наших войск, вскоре нашли свой батальон.

Позже мы узнали, что главные силы 4 танковой армии входили в описанный выше прорыв вслед за частями 3 гв. танковой армии. Введение 4 танковой армии в прорыв осуществлялось в сложнейших условиях при отражении сильных контратак противника на флангах. В узкой полосе, до предела насыщенной войсками и техникой трех армий (одной пехотной), наступление продолжалось успешно. А нашему 6 гв. механизированному корпусу было дано указание продолжать удерживать так называемый колтувский коридор. Затем корпус стал обходить Львов с юга. Одна бригада его вырвалась далеко вперед и неожиданно для противника захватила Перемышляны на юго-востоке от Львова. Таким образом, наша 4 танковая армия вышла на оперативный простор и стала охватывать Львов с юга. А крупная группировка противника, попавшая в окружение в районе Броды, стремилась пробиться на юг через боевые порядки и тылы 4 танковой армии.

Начались уличные бои в Львове. Фактически город был взят силами двух танковых и одной пехотной армий и 27 июля окончательно освобожден. За освобождение Львова от немецко-фашистских захватчиков приказом Верховного Главнокомандующего от 27 июля 1944 г войскам 1 Украинского фронта была объявлена благодарность. В столице нашей Родины прогремел салют в честь освободителей этого крупного города, а два корпуса нашей армии (в том числе и наш) удостоились почетных наименований «Львовских».

Львов – очень красивый, большой, зеленый город со старинными памятниками и домами, кое-где с узкими улицами. Население его не пряталось в домах, жизнь быстро налаживалась. Мы проехали через центр города и, не задерживаясь, выехали на шоссе, ведущее в юго-западном направлении на г. Самбор. Шоссе проходило местами через заболоченную местность, иногда образовывались пробки. На этом участке я впервые увидел командарма 4 танковой армии генерала Д.Д.Лелюшенко, который ходил по шоссе, размахивал своей «клюшкой» (он был ранен в ногу под Москвой и хромотал), ускоряя передвижение войск. Наша бронемашина прошла благополучно около командарма, совершенно не чувствуя небольшой заболоченности местности.

В районе Самбора противник сосредоточил большие силы, и начались ожесточенные бои. Взять город 4 танковой армии не удалось. Пока наша армия сковывала на этом участке крупную неприятельскую группировку, главные силы 1 Украинского фронта в последних числах июля уже форсировали реку Вислу в районе г. Сандомир и захватили плацдарм на ее западном берегу.

Тогда нам поставили новую сложную задачу: форсированным маршем (ок. 70 км) выйти и нанести удар на г. Санок. Мы действовали в тылу врага.

На подходе к этому городу мы остановились для краткого отдыха. Кто-то сообщил, что рядом пивной завод, в чанах которого было много пива. У нас были свободные канистры из-под бензина, и мы поехали туда. Никто не ожидал здесь нашего быстрого появления. Но как наполнить канистры? Оказалось просто: надо было выстрелами из автомата пробить дырки в чанах. На заводе отсутствовал персонал. После боев город Санок был взят.

В начале второй декады августа был получен новый приказ командования фронтом, в котором нашей армии предписывалось в полном составе ночными переходами направиться к реке Висле. В течение четырех ночей 4 танковая армия совершала по тылам противника форсированный марш-бросок в 200 км. Мы двигались в колонне по хорошей дороге не очень быстро. Помню, как-то мне не пришлось заснуть целые сутки. Бронемашина шла то быстро, то медленно. Мой напарник находился на её крыше и когда я начинал засыпать, а машина ехала к кювету, начинал громко барабанить по броне. Тогда я вмиг просыпался. Это повторялось много раз.

К середине августа мы подъехали к реке Висле. Там была понтонная переправа. Я был удивлен, что даже в своем верхнем течении Висла была широкой. Течение было быстрым и казалось, что река катила холодные, темные воды. Но переправа прошла нормально.

Вскоре 1 и 3 гвардейские танковые армии ушли с плацдарма. Оставшаяся у них техника (в том числе и танки) была передана в нашу армию. Нам предстояло закрепиться и удержать, во что бы то ни стало Сандомирский плацдарм; на нем и до этого шли ожесточенные бои.

17 августа неприятель силами тремя танковыми дивизиями решил нанести удар и выйти на Вислу. Два дня шли большие бои; враг был отброшен и положение восстановлено. Тем не менее, неприятель не успокоился и через неделю вновь предпринял контрудар силами около 100 танков, стремясь рассечь наши войска на плацдарме и выйти к Висле. Ему удалось вклиниться в нашу оборону на 6-7 км. Бои носили ожесточенный характер, положение оценивалось как серьезное. Активно действовала наша авиация. В результате к исходу третьих суток боев танковый полк и немецкая горнострелковая дивизия были окружены и разгромлены. При проведении этой операции на командном пункте 4 танковой армии был маршал И.С. Конев (командующий 1 Украинским фронтом). Это была последняя попытка фашистов сбросить нас с Сандомирского плацдарма. По подсчетам командования на поле боя было оставлено 96 вражеских танков и свыше 5 тыс. убитых солдат.

Как-то в ходе боев нам было приказано немедленно проверить противогазы. Говорили о возможном применении противником отравляющих веществ. Появился батальонный начхим, нашли подходящую землянку. Группами входили в нее. На столе что-то дымилось (вероятно, хлорпикрин). Солдаты стали быстро выскакивать из землянки – противогазы не держали. А ведь противогазы были у каждого воина. Оказалось, что наши противогазы, которые мы возили много лет на бронемашине, не спасли бы нас в случае применения фашистами отравляющих веществ. Было приказано сдать все противогазы немедленно. Но как быстро положение было изменено! На следующий день появились совершенно новые противогазы, которые при повторной проверке оказались очень эффективными. К счастью, противник побоялся применить химические отравляющие вещества.

На Сандомирском плацдарме наши танкисты и орудийные расчеты научились уничтожать новейшие в то время мощные танки противника: «королевский тигр» с усиленной броневой защитой.

От Вислы к Одере

На Сандомирском плацдарме Вислы мы находились около четырех месяцев. За это время мы пополнились людьми, техникой, отдохнули; немцы больше не делали попыток сбросить нас в реку Вислу. Прибыло и в наш взвод несколько человек, в т.ч. новый комвзвод, лейтенант по званию, инженер, железнодорожник. В наш взвод для безопасного передвижения дали также новый бронетранспортер на гусеничном ходу английского производства марки «Универсал». На нем впереди рядом с водителем стояло противотанковое ружье, в центре находился хороший восьмицилиндровый V-образный двигатель, который легко запускался и бесшумно работал. По бортам бронетранспортера были низкие лавочки для сидения. Мне предложили опробовать его и быть водителем. Я остался на своей бронемашине, поскольку у этого бронетранспортера было очень тяжелое управление и, говорили, часто спадает гусеница. Забегая вперед, скажу, что при наступлении в районе г. Кельцы бронетранспортер был подбит, командир взвода ранен.

В войсках проводили беседы о положении на фронтах, в стране, о нашем поведении при наступлении в Польшу (другое государство), зачитывали приказы, издавались армейские многотиражки. Информация была хорошо налажена и была объективной.

В дальнейшем нашему 1 Украинскому фронту предстояло развивать наступление в направлении на Бреслау (Вроцлав). Для выполнения этой задачи фронт имел две танковые армии, превосходя противника по танкам в 6 раз.

3 и 4 танковые армии предназначались для развития успеха. В районе Пётркув эти армии должны были войти во взаимодействие с войсками 1 Белорусского фронта. Перед началом операции 4 танковой армии передали в качестве средств усиления два полка тяжелых танков марки «ИС». Командарм один полк дал нашему корпусу.

Танковому корпусу командование армии отводило место на левом фланге, а нашему корпусу – на правом (при открытом левом фланге). Корпусу было придано больше артиллерии и инженерных средств.

В ночь на 12 января 1945 года соединения армии вышли в район для входа в прорыв, находившийся в 6-10 км от переднего края. Артиллерийская подготовка началась с утра. На десятки километров по фронту и в глубину рвались снаряды, мины, вздымая вверх дым, огонь и грязь, смешанной со снегом. Сотни ракет прочертили небо. Через 1,5 часа последовал перенос огневого вала по глубине обороны противника и за ним началась атака нашей пехоты и танков непосредственной поддержки. Через 30 минут командарм приказал корпусу начать движение в прорыв. Прорыв обороны противника был осуществлен успешно. Далее противник подтянул свои тактические силы, и в районе Лесув почти два дня длилось кровопролитное танковое сражение, в котором участвовало до одной тысячи танков. Ряд населенных пунктов и рубежей переходил из рук в руки, стрельба велась в упор, пылали танки. Ночью бой шел с нарастающей жесточенностью. Танки перемешались. В окружающем танковую битву пространстве нельзя было понять, кто где находится; все перемешалось – люди, техника. Большой адский котел.

К утру неприятелю было нанесено крупное поражение. Потом было подсчитано, что более 180 танков, принадлежавших двум танковым дивизиям противника, пылало на поле боя. Штаб одной танковой дивизии врага был пленен, а моторизованной дивизии разгромлен, офицеры спасались бегством.

Вообще в районе польского города Кельце после танковой битвы было очень сложное, запутанное положение. Двигались в тылу врага то туда, то сюда; все спуталось. Враг мог появиться совершенно неожиданно. Везде шли бои.

К середине января пал крупный административно-хозяйственный центр Польши, опорный пункт обороны противника г. Кельце. Путь на Пётркув, Лодзь и далее на запад был открыт. 18 января наш корпус совместно с другими частями армии овладел г. Пётркув и главными силами вел наступление в направлении Лодзи, где соединился с войсками 1 Белорусского фронта. Кольцо окружения вокруг кельце-радомской группировки врага было надежно закреплено. Прошло 6 дней боев.

Мне не пришлось быть в Лодзи – в этом крупном промышленном центре Польши. В Пётркуве польское население, как и в других городах по ходу нашего наступления, с большой радостью встречало наших воинов, охотно помогало во всем.

Какое-то время мы стояли в Пётркуве на одной из оживленных улиц. Было холодно, и кто-то предложил войти в дом погреться. Мы поднялись на второй этаж, постучали и вошли в дверь. В квартире мы увидели экипаж танка, который также грелся. Большая продолговатая комната была почти пуста. С правой её

стороны стояло фортепиано, в конце комнаты слева на стуле сидела женщина среднего возраста, которая ответила на наше приветствие, но сидела молча и не вступала в разговор. Вдруг один из танкистов (по нашему определению механик-водитель) встал, тщательно вытер руки, подошел к инструменту и попросил у женщины разрешения поиграть на фортепиано. Женщина встала, молча подошла, открыла крышку фортепиано и встала рядом. Танкист сел, и что-то заиграл из произведений Шопена. Все внимательно слушали; мне его игра понравилась. Он встал, медленно закрыл клавиатуру, а в это время танкистов позвали сослуживцы. Женщина заволновалась, просила танкистов немного подождать, побежала в свой угол, принесла связанные ею теплые варежки (в комнате все же было прохладно), взяла руки игравшего танкиста, посмотрела на них и подарила ему эти варежки. Она попросила танкиста беречь свои руки. Мы все были этим тронуты.

Продолжая наступать, мы вышли на большой оперативный простор. Как-то остановились у одиноко стоявшего в поле дома, зашли, тепло; хозяин на приветствие ответил. Стали разговаривать о том, что в Польше свое правительство, свой президент и т.д. На что хозяин всегда отвечал: «Добре пане». Заметив, что он дальше нас не слушал и на все вопросы стал отвечать одно и тоже, кто-то из нас сказал очень тихо: «Пан, у вас колхозы будут». Реакция была мгновенной: «Цо, цо пан молве?». Вдруг наш экипаж вызвали. Возвращаясь после выполнения задания назад к этому дому (было уже темно) мы ехали на своей бронемашине по полю. Дорогу нам стали перебегать зайцы. Мы не выдержали и погнались за одним из них. В свете фар заяц стал петлять. Короткими выстрелами из пулемета мой напарник не смог его убить, а я не заметил небольшой окопчик и попал в него задним колесом бронемашин. Долго возились; проклинали зайца, ругали себя.

Учитывая благоприятно складывающуюся обстановку, командование решило продолжать наступление. Командующий фронтом приказал нашей 4 танковой армии стремительно преследовать противника, имея дальнейшей задачей форсировать реку Одер северо-западнее Бреслау.

Таким образом, мы выходили на границы Германии. После войны узнали, что в жестоких боях за освобождение Польши погибло 600 тыс. наших военнослужащих.

Нам предстояло перенести пламя войны на территорию фашистов. Было принято решение не дать возможности противнику занять оборонительные рубежи, особенно на Одере. Необходимо было форсировать Одер с ходу и развивать наступление дальше. Это решение было доведено до всего личного состава армии и воспринято нами с большим энтузиазмом.

Враг был настолько ошеломлен стремительностью нашего наступления, что в суматохе и спешке начал бомбить не наши, а свои войска. Корпус стал стремительно двигаться к Одери в район местечка Кёбен (севернее Бреслау). Оторвавшись от общевойсковых армий на солидное расстояние, 4 танковая армия пока одна выходила на Одер.

О внезапности нашего наступления свидетельствовал, например, такой факт. Ночью мы заняли какой-то немецкий город (название не знаю), где все городские службы работали без всякого затемнения. Работали электростанция, телефон; в домах тепло. Только к утру жители города поняли, что их город занят советскими войсками.

Фашисты бросали технику, автомашины. Бросили они в исправном состоянии и свою автомашину-амфибию. Мы поменялись с напарником – он сел за руль бронемшины, а я вел амфибию на переправу через реку Одер. Было очень холодно, шел мокрый снег. В это время была наведена переправа через Одер, где в это время шел ледоход. В фарватере реки была видна темная, холодная вода. Этот фарватер образовался в результате прохода двух немецких пароходов, обстрелянных и подожженных нашими соседями танкистами из 10 танкового корпуса. У переправы слышалась стрельба. Это какая-то небольшая немецкая часть в темноте и тумане, почему-то подумала, что это их переправа. Разобрались.

Противоположный берег реки был крут, видны были мощные бетонные доты в несколько этажей, насыщенные множеством орудий, пулеметов, фаустпатронов и просто амбразур для стрельбы. Многие из дотов совсем не стреляли. Их обслуживавший персонал жил где-то поблизости, но не успел занять свои позиции. Среди военнообязанных было много подростков-фольксштурмовцев.

Оказавшись на западном берегу Одера, мы поехали туда, где шли бои за расширение захваченного плацдарма.

Однажды, мы располагались у одиноко стоявшего среди открытого пространства 2-3 этажного дома. Рядом протекала небольшая болотистая речка, а далее был лес. Была ясная солнечная погода. Где-то за речкой шел бой. В это время мне приказали поехать с офицером связи за речку и поискать там наступавшую часть, с которой долгое время не было радиосвязи. Мне очень не хотелось ехать. Однако приказ надо выполнить. Бронемашина удовлетворительно прошла болотистую часть пути перед речкой, речку и вскоре мы оказались на хорошей дороге. Выполнив задание, возвратились назад и увидели следы недавней бомбардировки. Фашисты засекли стоявшую около дома нашу радиостанцию и её бомбили. Были убитые и раненные, в том числе и из нашего взвода. Судьба.

По пути наступления встречались также польские населенные пункты, которые заметно отличались от немецких по типу построенных домов и были беднее. Гражданское население в таких городках пряталось.

Наступление продолжалось до реки Нейсе. Требовалось пополнение людьми, боеприпасами и техникой. Мы заняли оборону. Командование дало нам отдых.

Верхне-Силезкая операция

Советское командование беспокоило то обстоятельство, что гитлеровцы сохраняли против южного крыла 1 Украинского фронта сильную группировку войск и продолжали её увеличивать. Речь шла о Верхнесилезском промышленном районе, который играл в экономике Германии существенную роль (второй Рур). Поэтому разгром войск противника, противостоящих южному крылу фронта, играл важную роль. Это, естественно, делало более благоприятной обстановку для проведения Берлинской операции.

Командующий войсками 1 Украинского фронта в конце февраля дал указание 4 танковой армии сдать свои боевые участки на реке Нейсе и сосредоточиться в 8-10 км севернее Любина. Затем 4 танковая армия двумя ночными переходами была перегруппирована из лесов севернее Любина в исходный для наступления район (около 40 км юго-восточнее Бреслау). Наступление началось в средних числах марта с целью окружения и уничтожения вражеских войск.

Оно проходило в очень сложной и запутанной обстановке. В результате была окружена оппельнская группировка фашистов. Наш корпус выполнял задачу усиления внешнего фронта окружения. Корпус вступил в ожесточенное сражение с крупными резервами противника. Схватка продолжалась два дня. Враг предпринимал непрерывные атаки. Отдельные населенные пункты переходили из рук в руки. Деблокировать свою группировку фашистам не удалось, и их части были отброшены назад с большими потерями.

В этих кровопролитных боях был тяжело ранен и вскоре скончался командир нашего корпуса Василий Федорович Орлов.

В самый разгар Верхнесилезского сражения была получена весть, взволновавшая всех бойцов и командиров. На имя командующего 4 танковой армией поступила телеграмма, подписанная Наркомом обороны СССР И.В.Сталиным, в которой отмечалось, что за проявленную отвагу в боях за Отечество, за стойкость, мужество, смелость, дисциплину, организованность и умелое выполнение боевых задач наша танковая армия была преобразована в 4 *гвардейскую* танковую армию. Во всех частях были проведены митинги.

С конца марта 1945 года в состав 4 гвардейской танковой армии вошел 5 гвардейский механизированный корпус. Таким образом, армия стала трехкорпусной.

Но бои в Верхней Силезии продолжались. Наш корпус вел наступление между Ратибором и Бискау. Была окружена и уничтожена другая группировка врага и опасность, нависавшая над левым флангом 1 Украинского фронта, теперь была полностью ликвидирована. Следует отметить, что корпус действовал в специфических условиях, обусловленных характером местности, где было много населенных пунктов с каменными зданиями, оврагов, рек, перелесков.

За время боев, начиная от Вислы, 4 танковая армия прошла более 600 км, а с учетом Силезской операции – свыше 800 км. Но далось это нелегко, средний темп продвижения от Вислы до Одера составлял от 25 до 50 км в сутки.

Между тем все мы чувствовали, что для окончательного разгрома врага и захвата Берлина потребуются еще солидные силы и средства, предельное напряжение и нужно как следует подготовиться. Нам стало известно, что Ставка Верховного Главнокомандования приняла решение сделать паузу.

Фашистский генерал Ф.Меллентин вынужден признать: «Русское наступление развивалось с невиданной силой и стремительностью. Было ясно, что их Верховное Главнокомандование полностью овладело техникой организации наступления огромных армий. Невозможно описать всего, что произошло между Вислой и Одером в первые месяцы 1945 г. Европа еще не знала ничего подобного со времени гибели Римской империи». (Лелюшенко Д.Д. Москва – Сталинград – Берлин – Прага, М., 1975, стр. 354).

Окружение и взятие Берлина

В середине апреля 1945 года война близилась к завершению. К этому времени войска 1 Белорусского фронта захватили ряд плацдармов на левом берегу реки Одер. Наиболее значительный из них в районе Кюстрина находился в 60 км от Берлина. Войска 1 Украинского фронта достигли рубежа западной Нейсе, их отделяло от столицы гитлеровского рейха 145 км.

С каким-то особым чувством шли советские воины на последнюю битву с врагом. Каждый понимал, что для полного разгрома фашизма остались считанные дни. Но мы понимали и другое: битва за Берлин потребует величайшего напряжения, высокого мужества и жертв. Успешный штурм Берлина означал для всех нас конец войны.

Гитлеровское командование, предвидя катастрофу, стремилось не допустить сдачи Берлина войскам Красной Армии. Неприятель сосредоточил на берлинском направлении около миллиона человек и много боевой техники. Основная роль в овладении Берлином отводилась 1 Белорусскому фронту.

1 Украинскому фронту было предписано разгромить противника в районе г. Котбуса южнее Берлина и выйти на рубеж г. Беелитца (25-30 км юго-западнее Берлина) и далее по реке Эльба до г. Дрездена.

Во исполнение плана командования наша 4 гвардейская танковая армия 3 апреля сдала свой боевой участок в Верхней Силезии и вернулась в район Форета (река Нейсе). Ей предстояло войти в прорыв, обогнав боевые порядки стрелковых частей, и стремительно наступать в направлении г. Шпремберга.

Начало наступления на берлинском направлении было назначено на 16 апреля 1945 г. Командование армии планировало быстрый вход в прорыв и форсирование водных преград с ходу, прежде всего – реки Шпрее. Наступление намечалось вести днем и ночью. Непрерывное и надежное управление армией должно было осуществляться по радио.

В ночь с 15 на 16 апреля войска 4 танковой армии заняли исходное положение для входа в прорыв. В 6 часов утра 16 апреля началась мощная артиллерийская подготовка. Авиацией была поставлена плотная дымовая завеса по всей полосе фронта. Атака началась успешно. Как только были наведены мосты, передовые отряды нашей армии и нашего корпуса быстро переправились на противоположный берег и совместно с пехотой вступили в бой, завершая прорыв обороны противника. Враг не ожидал нашего наступления ночью, поэтому он не успел занять позиции в глубине своей обороны; наступление успешно продолжалось.

Наш корпус устремился к г. Шпремберг – важному узлу обороны противника. По пути движения наш батальон связи, двигаясь по полевой дороге на машинах, встретил минное поле противника, объехать которое было невозможно.

Тогда саперы разминировали только две колеи дороги, и нам было предписано ехать по дороге, точно придерживаясь её колеи. Шедшая впереди нашей бронемшины полуторка своим задним правым колесом все же наехала на одну из мин. Раздался взрыв, но машина не пострадала, так как мина, по-видимому, была пехотной. Мы проехали это место с ювелирной точностью.

При подъезде к переправе через реку Шпрее мы попали в хороший сосновый лес и ждали своей очереди переправиться на другой берег реки. Вдруг появились летевшие на небольшой высоте наши пикирующие бомбардировщики Пе-2 (Петляковы). Мы сняли шапки, замахали ими, приветствуя самолеты. Однако послышался свист летевших бомб – самолеты стали бомбить нас. Они сбросили тяжелые 250 кг фугасные бомбы, которые как-то легли между машинами, образовав глубокие воронки. На войне бывает и такое. Я впервые попал под бомбежку своих самолетов.

Директивой командующего фронтом в отличие от прежнего плана ставилась новая задача – ударить в направлении Берлина. Но продолжались еще тяжелые бои за Шпремберг.

На участке Даме – Ютеборг – Луккенвальде – Беелитц войска продвигались вперед быстро – вышли на оперативный простор. 4 танковая армия вышла на подступы к юго-западным предместьям Берлина. Она разгромила вражеский гарнизон в Бабельсберге и освободила из концентрационных лагерей 7 тыс. узников различных национальностей. В их числе находился премьер-министр Франции Эдуард Эррио с супругой. В районе Трёйенбритцен было освобождено несколько тысяч французов, англичан, датчан, бельгийцев, норвежцев и заключенных других национальностей. Недалеко от лагеря в районе Ютеборга находился аэродром. В наши руки там попало более 300 самолетов и другой боевой техники.

Одной танковой бригаде армии была поставлена задача стремительно наступать на юго-западную часть Берлина в направлении Бранденбургских ворот.

Наш сосед (5-й корпус) завязал бои с частями 12 немецкой армии генерала Венка, которая пыталась прорваться в Берлин. Атаки отражались. Но корпус продолжал упорные бои на рубеже Беелитц – Трёйенбритцен, сдерживая сильнейший напор немцев с запада. Армия Венка стремилась, во что бы то ни стало прорваться к окруженному Берлину. К войскам Венка обратился Гитлер с мольбой о спасении. Атаки врага были отражены и рубеж Трёйенбритцен – Беелитц удержан.

Наш 6 корпус после овладения Шпрембергом быстро вырвался вперед и устремился через Беелитц – Фихтенвальде – Ленин (Lehning) в направлении г. Кетцин. Отсюда одна его бригада направилась к Потсдаму, а другая к Бранденбургу. Корпус преодолел шесть серьезных водных преград, несколько минных и противотанковые заграждения. Были уничтожены немецко-фашистские отряды, прикрывавшие переправы юго-западнее и западнее Берлина. Здесь бригада корпуса пленила много штабных офицеров подразделений и частей, обслуживавших ставку Гитлера. В наши руки попал мощный узел радиосвязи высшего фашистского командования – более 300 различных радиоаппаратов новейшего для тех лет типа. С их помощью гитлеровское командование поддерживало связь с войсками на всех театрах военных действий.

В ночь на 25 апреля наш 6 гв. механизированный корпус овладел г. Кетцин в 22 км западнее Берлина, где соединился с войсками 1 Белорусского фронта. Этим актом завершился важный этап берлинской операции – фашистское логово с 200 тыс. гарнизоном во главе с Гитлером было полностью окружено. В честь этой победы, возвестившей миру о скором окончании войны, 25 апреля Москва салютовала доблестным воинам 1 Белорусского и 1 Украинского фронтов 20 артиллерийскими залпами из 224 орудий.

26 апреля наш корпус овладевает центром Потсдама. Воины корпуса проявили высокое боевое мастерство и героизм. Взятие Потсдама было ударом в самое сердце прусского милитаризма. Ведь этот город – пригород Берлина – с 1416 года являлся резиденцией прусских королей, местом бесчисленных военных парадов и смотров. Город фактически находится на острове, с одной стороны омываемом рекой Хафель, в которую впадает река Шпрее, а с другой – озерами. Вскоре наш корпус овладевает и Бранденбургом.

В последних числах апреля сражение за Берлин достигло своего апогея. Воины нашего корпуса в ожесточенном кровопролитном бою, штурмуя Берлин, во взаимодействии с соседями заняли юго-западную часть города. Из Берлина противника не выпустили.

Окруженная в районе Котбуса и юго-восточнее Берлина немецкая 9 армия уже не шла на выручку Берлина, а стремилась уйти на запад, чтобы сдать в плен американцам. Бои носили кровопролитный характер. Небольшой группе фашистов удалось прорваться в г. Луккенвальде, как раз на тылы 4 гв.танковой армии.

Все понимали, что войска 4 гв.танковой армии в эти последние дни выполняли ответственную задачу: требовалось надежно закрыть пути выхода противника из Берлина, не допустить к Берлину 12 немецкую армию генерала Венка и не выпустить остатки 9 армии противника, прорывавшиеся через тылы нашей армии в районе Луккенвальде на запад, в американскую зону. Для того чтобы окончательно разгромить противника под Беелитцем и Луккенвальде, командарм приказал 1 мая нашему 6 гв. корпусу, уже овладевшему Бранденбургом, повернуть на восток и ударить в тыл армии Венка с запада. В результате такого маневра полностью были разгромлены соединения 12-й и остатки 9-й армий противника.

По стечению ряда обстоятельств мы (я и мой напарник) оказались в это время на самом опаснейшем участке в районе Беелитц – Луккенвальде. Мы попали также под прицелы винтовок наших пехотинцев из 5 гв. корпуса. Разобрались.

2 мая Берлин пал. Окруженная в нем 200 тыс. группировка немецких войск капитулировала. Пришла долгожданная победа, во имя которой отдали свои жизни 300 тыс. советских воинов.

С немецко-фашистскими захватчиками вели борьбу многие народы мира, но решающей силой, сумевшей перебить хребет фашистскому зверю, был Советский Союз и его Вооруженные силы.

Освобождение Праги

2 мая мы получили директиву командующего войсками 1 Украинского фронта сдать свой боевой участок войскам 1 Белорусского фронта и сосредоточиться в лесах 35-50 км южнее Берлина для подготовки удара на Прагу. В директиве указывалось на необходимость стремительного наступления.

Наша 4 гвардейская танковая армия должна была наступать вдоль западных берегов рек Эльбы и Влтавы. Танковые армии должны были сразу же после прорыва вражеской обороны, не втягиваясь в бои за Дрезден, стремительно, на плечах противника овладеть горными перевалами и через Рудные горы выйти в Чехословакию на тылы группы немецких армий «Центр». Готовность к наступлению назначалась на 6 мая.

Нашему 6 гв. механизированному корпусу совместно с 13 общевойсковой армией приказывалось прорвать оборону противника на участке г. Мюгельн (между Лейпцигом и Дрезденом; там в то время находился фронт) и к исходу дня, стремительно наступая, войти в г. Носсен, находящийся у автобана Хемниц – Дрезден.

К утру 6 мая армия главными силами заняла исходное для наступления положение на рубеже Мюгельн, Церен. Некоторые наши части в это время были

еще в пути, в том числе и наше подразделение. Вблизи района сосредоточения армии находились соединения американских войск.

Из показаний пленных выяснилось, что командование неприятеля, знавшее, что в этом районе располагаются американские войска, было убеждено, что те наступать не будут. Поэтому атака наших передовых танковых отрядов оказалась для них полной неожиданностью.

6 мая на командный пункт 4 гв. танковой армии прибыл командующий 1 Украинским фронтом маршал И.С.Конеv. Известно, что днем раньше (5 мая) в Праге началось восстание. Жители строили баррикады, на них сражалось около 30 тыс. человек. Разведка боем показала, что в районе наступления наших войск сплошного фронта не было. Войска 1 Украинского фронта наступали с севера и северо-запада.

К вечеру 6 мая наступавшие войска 4 гв. танковой армии, пройдя 50 км, вышли на рубеж Вальдгейм – Зибелен, а передовые отряды армии продвинулись вперед на 65 км и овладели железнодорожным узлом г. Фрайберг. 7 мая 4 гв. танковая армия продвинулась вперед еще на 50-60 км до рубежа Фрауэнштейн – Зайда. Вскоре все перевалы через Рудные горы были в наших руках. Рудные горы были покрыты лесом, каменистые, имели крутые трудно проходимые склоны в сторону Чехословакии. А надо было переправить через горы огромную массу техники, прежде всего танки и самоходные артиллерийские орудия. Но так или иначе, перевалы были успешно преодолены. 10 гв. танковый корпус занял Теплице, а наш 6 гвардейский – Духцев.

Перейдя границу Чехословакии, мы были восторженно встречены населением братской страны.

Противник отступал с боями, цеплялся за каждый выгодный рубеж, устраивал в узких местах, на перевалах и в теснинах завалы и минные заграждения.

Во второй половине дня 7 мая, когда штаб армии находился на восточной окраине г. Фрайберг, вблизи появились танки противника. Сюда с северо-востока подошли многочисленные неприятельские части с танками и артиллерией. Но в это время в район г. Фрайберг вошел следовавший во втором эшелоне за нашим 10 гв. танковым корпусом 7 гв. танковый корпус 3 гв. танковой армии. Противник был разгромлен.

К исходу 7 мая 4 гв. танковая армия главными силами преодолела Рудные горы и уже находилась в 150-160 км северо-западнее Праги.

Утром одна из бригад нашего 6 гв. корпуса ворвалась в г. Мост. Всё население города высыпало на улицы и радостно приветствовало своих освободителей. Здесь были люди различных национальностей, работавших на заводе синтетического бензина.

В ночь на 8 мая 5 гв. механизированный корпус в местечке Жатец (60 км северо-западнее Праги) разгромил штаб группы немецких армий «Центр» генерала Шернера. С этого момента войска Шернера оказались без управления (сам Шернер сбежал, покинув свои войска).

Утром 8 мая стало известно, что Германия капитулировала, однако войска Шернера, не признав капитуляции, еще продолжали вести бои. Они пытались пробиться на запад, но, не достигнув своей цели, были уничтожены или пленены нашими войсками.

К 2 час 30 мин утра 9 мая передовые отряды ворвались в столицу Чехословакии Прагу, а к 3 часам утра одна из танковых бригад вела бой в центре Праги. Было еще почти темно, когда на рассвете в Прагу вошли и мы. К 10 часам утра весь город был уже освобожден.

Нельзя даже описать с каким воодушевлением и радостью встречали чехи советских воинов-освободителей. Население столицы ликовало.

Нам было известно 9 мая о Победе и об окончании войны, но мы еще два дня воевали. Были и потери и ранения. А воевавшие солдаты ведь знали, что война уже окончена. Только 10 мая кольцо вокруг основных сил немецко-фашистской группы армий «Центр» замкнулось. Позже окруженные войска сложили оружие.

В районе чехословацкой столицы было много власовцев, шедших уныло с обозами в сторону Пльзена, который заняли американские войска. Никто не мешал им уходить к американцам.

5 гвардейский механизированный корпус 4 гвардейской танковой армии около Пльзена (промышленного района) вошел в соприкосновение с частями американской армии. Говорили, будто американцы думали, что это шли немецкие соединения и приняли их как вражеские. Однако потом одумались – так могли ответить только русские.

Выходом Красной Армии на линию встречи с американскими войсками и полным пленением немецко-фашистской группировки на территории Чехословакии была успешно завершена Пражская операция, по существу заключительная операция Великой Отечественной войны. Война закончилась.

Наше подразделение некоторое время стояло в местечке Ланы недалеко от г. Кладно. Знаменито это местечко тем, что в нем находилась когда-то резиденция президента Чехословакии Бенеша и здесь похоронен первый президент республики. К сожалению, я сейчас не понимаю, почему так резко изменилось отношение чехов и словаков к нашей стране.

О бронемашинах

Хотелось бы немного рассказать о бронетехнике. Когда я прибыл в 1939 году в Улан-Батор (Монголия), я попал в 171 отдельный мотострелково-пулеметный батальон. Служил в нем сначала в батарее 76 мм гаубиц, а затем в отдельном взводе бронемашин (две боевые, одна учебная). Тогда это были бронемашины Горьковского автомобильного завода марки БА-20 на усиленном шасси легкового автомобиля М-1. Назначение этой бронемашины было вполне ясным – поддерживать пехоту при проведении боя. Поэтому на этой бронемашине был установлен надежный пулемет системы ДТ (Дегтярев танковый), а также приемопередающая радиостанция ближнего боя. Но в Монголии, хотя и не было в то время дорог, можно было везде ездить. Сослуживцы рассказывали, что бронемашины применялись в бою с японцами в районе реки Халхин-Гола.

Весной 1941 г. бронемашины передали в формирующуюся в Баин-Тюмени 82 мотострелковую дивизию сначала в отдельную роту регулирования движения (её потом ликвидировали), а затем в отдельный батальон связи.

В боях выяснилось, что использовать их как машины связи можно было только при езде по дорогам с твердым покрытием, а таковых было мало; много было проселочных дорог и грязи. Однако бронемашину БА-20 не снимали с вооружения.

Не помню когда, но появилась другая небольшая бронемашинка марки БА-64 того же Горьковского завода, но с двумя ведущими мостами. Она была вооружена тем же пулеметом ДТ; радиостанции уже не было, но была улучшена бронезащита, спасавшая только от пуль. Колпак башни отсутствовал. По проходимости БА-64 была превосходной – могла ходить по проселочным дорогам и грязи. Однако поддерживать пехоту в бою в условиях Европейской части СССР она не могла. Да и выпускали бронемашин мало.

В качестве машины связи бронемашинка БА-64 использовалась всю войну. По моему мнению, использование бронемашинки в батальоне связи было оправданным, поскольку радиосвязь в то время была ненадежной, да и вообще её было мало. Не было мотоциклов и автомашин типа американского «виллиса».

Как-то была выведена из строя одна бронемашинка БА-64, и мы хотели её переоборудовать под «виллис», сняв броню. Наше командование запретило это сделать. В течение войны нам всегда заменяли вышедшие из строя бронемашинки. По этой причине мы считали, что, по мнению командования, бронемашинки в батальонах связи были нужны. Но вот мы попали на хорошие немецкие дороги с развитой сетью, существенно улучшилась наша радиосвязь, и появилось много мотоциклов. В таких условиях бронемашинки БА-64 оказались не востребованными. В конце войны их в батальоне связи не стало.

Следует отметить, что в условиях маневренной войны (1944-1945), когда штабы механизированных корпусов и армии неоднократно подвергались нападению противника, для их защиты бронетехника необходима. Она была нужна при наступлении с выходом на оперативные просторы, т.е. в условиях передвижения по тылам противника.

Август 2002

После войны

После окончания Великой Отечественной войны я демобилизовался в конце ноября 1945 г. В штабе батальона знали, что до войны я учился в МГУ на химическом факультете и был призван в ряды Красной армии в октябре 1939 г. Краснопресненским РВК г. Москвы.

Сильное желание учиться и не допустить потери одного года учебы заставляло меня пойти к ректору МГУ для восстановления в правах студента первого курса химфака. С другой стороны я понимал, что прошло более 6 лет после окончания учебы в школе и я мог забыть многое (будет трудно учиться). Но я принял решение – учиться.

Принял меня проректор МГУ профессор Виктор Иванович Спицын. Он уговаривал меня начать учебу в следующем 1946 году (прошло много лет, пропустил уже 3 месяца учебы, а на первом курсе начинались зачеты). По-видимому, мое сильное желание учиться возобладало, и он принял решение о зачислении меня студентом химического факультета при условии своевременной сдачи всех экзаменов и зачетов. Практикум по неорганической химии переносился на второй семестр.

Голова моя работала как хорошая губка, жадно впитывая в себя знания по программе высшей математики и неорганической химии. Совершилось, как оказалось, невероятное – все три экзамена я сдал в срок и на отлично.

Дальше последовали долгие напряженные годы учебы, а в 1950 году я с отличием окончил химический факультет МГУ по специальности «органическая химия». Был рекомендован в аспирантуру. Защита диссертации на соискание ученой степени кандидата химических наук (научный руководитель проф. Гаврилов Н.И.) состоялась в феврале 1954 года.

В течение долгих 24 лет я работал во Всесоюзном научно-исследовательском институте химической технологии (Москва) на должностях старшего научного сотрудника и руководителя лаборатории по синтезу ионообменных смол и экстрагентов для нужд атомной промышленности. Были разработаны для гидрометаллургии новые селективные сорбенты урана и редких металлов (синтез, технология производства). Многие разработки в литературе ранее не публиковались. Предприятия-изготовители в Днепропетровске и Дзержинске оставались единственными предприятиями страны, обеспечивавшими выпуск ионитов, пригодных для бесфильтрационной переработки пульпы (бедных по металлу) сложного солевого состава и высокой плотности, а также обеспечивавших длительную эксплуатацию единовременной загрузки ионита.

Н. А. Фигуровский

"Моя военная служба продолжалась почти 15 лет"²

Фигуровский Николай Александрович (24.11.1901, Солигалич Костромской губ. – 5.08.1986, Москва). Специалист в области дисперсионного анализа и истории химии. Закончил Горьковский университет, затем аспирантуру. Докторскую диссертацию защитил в Москве, в 1940 году. В армии с ноября 1941 года; воевал в составе Сталинградского и 4-го Украинского фронтов (начальником химической службы фронта), участвовал в Сталинградской битве, в мае 1943 г. был ранен и контужен, а в 1944 г. отозван из армии в распоряжение Уполномоченного ГКО С.В.Кафтанова.

После войны – профессор Московского университета (с 1945); заведовал кафедрой истории химии (1948-1955), а затем, после ее реорганизации – Кабинетом истории и методологии химии (до 1986). Параллельно с университетом начал работать в Институте истории естествознания и техники АН СССР: заместителем директора (1948-56), директором (1956-62), затем (до конца своей жизни) – старшим научным сотрудником.

Начало Отечественной войны

Помню день 22 июня. Было, кажется, воскресенье. Мы позавтракали и вдруг неожиданно по радио услышали о начале войны. Ни я, да и пожалуй, никто тогда не представлял себе, что означало начало войны для каждого. В начале

² Здесь публикуется отрывок из "Автобиографических заметок и воспоминаний"

Н.А.Фигуровского, посвященный его участию в Великой Отечественной войне. Ранее (1918-1928) он служил в РККА, закончил Военно-химическую школу комсостава. – *Прим. сост.*

большинство людей, которых я видел, было даже более или менее спокойны, почти все полагали, что столкновения войск на границе чисто случайны и скоро закончатся. Однако по прежнему опыту все знали, что для мирных жителей война может означать нехватку самых необходимых продуктов, а может вызвать голод. Поэтому утром после объявления по радио мы с женой отправились в ближайший магазин, чтобы купить сахару и крупы. Но самые худшие наши предположения касательно осложнений, которые могут быть вызваны войной, оказались оптимистическими. День за днем развивались военные действия, и события отнюдь не радовали.

В начале июля начались бомбежки Москвы. Каждый вечер в затемненных помещениях мы ожидали появления немецких самолетов. Скоро мы как-то даже привыкли к режущим уши и сердце сигналам воздушной тревоги.

В нашем аспирантском общежитии на Малой Бронной³ скоро наступили перемены. Часть жильцов бесследно исчезла после первых же бомбардировок. Остальные, более уравновешенные люди организовали группу для защиты общежития (и здания Провиантской палаты) от пожара. В первое время немцы бросали много зажигательных бомб (термитных), причем совершенно бессистемно. Крупные бомбы они, несомненно, предназначали для более важных целей – для Кремля, Главного штаба и др. От Кремля самолеты врага успешно отгоняла зенитная артиллерия. Обстрел зениток бы настолько интенсивным, что часто к нам на крышу, где мы сидели, наблюдая за падением бомб, падало со звоном множество осколков, и мы не понимали, что и от них нам грозит опасность. Наша Малая Бронная была недалеко от Арбата. Немцы, не имея возможности прицельно бомбить Наркомат обороны и Кремль, сбрасывали свой груз где придется, но поближе к важным объектам. Таким образом, опасность попадания в наше здание крупных бомб была вполне реальной.

Итак, мы организовали дежурство на крыше во время бомбежек. Такие дежурства были, пожалуй, скучноваты. Мы не имели сколько-нибудь достаточного обзора и могли наблюдать, как немцы "развешивали фонари" (осветительные бомбы) в районе Арбата. Град осколков сыпался на нас в результате обстрела зенитками. К окончанию каждой бомбежки, в первое время я собирал целую коллекцию осколков, каждый из которых мог убить, так как некоторые из них пробивали железную крышу.

Пару раз нам пришлось тушить зажигательные бомбы, сбрасывать их с крыши или заливать водой. Однажды мы обнаружили зажигалку, пробившую крышу и зловеще светившуюся на чердаке, где к счастью было много песка, которым мы и засыпали термит. Все пока обходилось благополучно, и с утра начиналась нормальная жизнь. Но однажды бомбежка продолжалась до 3 часов ночи и измучившись на крыше, я решил пойти спать. Я тотчас же заснул и вскоре быстро вскочил от страшного грохота. Видно, упала совсем рядом большая бомба. Тяжелые шкафы и столы в квартире были сильно сдвинуты с места. Это упала бомба в многоэтажное здание на Трехпрудном переулке совсем по соседству с нами. Хорошо, что окна были открыты и разбились только отдельные стекла. Видно, немцы освобождались от бомбового груза, не имея возможности сбросить его на намеченные цели. Скоро, действительно, я услышал сигнал "отбой".

³ Н.А.Фигуровский с семьей в тот период имел жилье в этом аспирантском общежитии АН СССР.
– Прим. сост.

Еще в середине июля моя семья ... выехала в Горький, забрав лишь кое-какое барахло. ... Их приютил в конце концов мой старый товарищ по духовной семинарии проф. М.И.Волский, но жизнь в его квартире была исключительно тяжелой и в материальном и моральном отношении, настоящим мучением. Я жил в Москве один.

В обстановке частых ночных бомбежек скоро началась эвакуация из Москвы заводов, фабрик, различных учреждений, в том числе и институтов Академии наук СССР. Эвакуация проходила в тяжелых условиях: видимо, не существовало никакого плана эвакуации. Приходилось решать в каждом случае, куда выезжать и что брать с собою. На восток из Москвы друг за другом уходили переполненные поезда с людьми и оборудованием. Москва стала пустеть.

В начале августа очередь эвакуироваться дошла и до нас⁴. В Институте началась сутолока, складывали и упаковывали оборудование в надежде полностью развернуть работу на новом месте. Мне пришлось особенно туго. Надо было решать, брать или не брать те или иные приборы, как их упаковывать. Ящиков не доставало. Несколько дней подряд я почти не покидал институт (Б.Калужская,31). К сожалению, а может быть и к счастью, многого не удалось взять. Оборудование непрерывно отвозилось машинами на Казанский вокзал. ...

Только через неделю примерно мне удалось уехать в Казань с одним из поездов с академическими учреждениями. На одной скамейке со мной оказался И.Е.Тамм – симпатичный человек, с которым мы спали по очереди на скамейке и вели разговоры в течение 4 дней, пока наш поезд не прибыл в Казань.

Наконец мы прибыли на место и попытались "устроиться". Сотрудники нашего Института и других институтов в подавляющем большинстве не могли найти себе помещения, хотя бы угла в жилой комнате. Пришлось размещаться в здании Университета, в знаменитом актовом зале. Откуда-то достали кровати, поставили их рядами в зале и человек 200, в том числе и я, нашли себе пристанище. Жили здесь подряд – и мужчины и женщины.

В такой обстановке жизнь проходила следующим образом. Утром все вставали и, прежде всего, заботились о завтраке. Нам были выданы талоны на завтрак в столовой. Но это был собственно не завтрак, лишь чашка жидкого холодного чая с кусочком хлеба. После завтрака наступали заботы о том, чего бы поесть. Иногда мы отправлялись на базар, в надежде сменить что-либо на картошку или хлеб. Но наплыв "хороших вещей" на базаре был исключительно велик, и они по существу шли за бесценок. Наконец, наступало обеденное время. Столовая всегда переполнена. У каждого столика стояла очередь ожидавших. С кем мне не приходилось обедать вместе: с Л.К.Рамзиным, А.Ф.Иоффе и с другими знаменитостями такого рода. Но обед только разжигал аппетит. Он был совершенно безвкусным, порции были микроскопическими, подавались с длительной выдержкой. Однако все съедалось и тщательно вылизывалось. Об ужине я даже вспомнить чего-либо сейчас не могу. Все дни мы ходили с ощущениями острого голода, с единственным желанием чего-либо съесть. Но ничего не было.

Лаборатории было развернуть негде, и поэтому никто не работал. Все свободное (от завтраков и обедов) время мы скучали, бродили по городу или

⁴ Н.А.Фигуровский в то время работал заместителем директора в Коллоидо-электрохимическом институте, позднее преобразованном в Институт физической химии и Институт электрохимии АН СССР. – *Прим. сост.*

сидели где-либо на лавочке, беседуя о том и сем. Особенно скучными и длинными казались вечера. ... Некоторые пытались писать, или заниматься теоретическими расчетами. У меня лично в это время была только что законченная небольшая рукопись книжки по истории русского противогаза во время первой мировой войны. Она была передана в Издательство, но теперь не было никаких надежд на ее издание⁵. Тем не менее, я извлек из чемодана второй экземпляр рукописи и попытался улучшить ее редакцию.

Я пробыл в Казани немного более двух недель. ... Я стремился уехать обратно в Москву, и мне удалось вскоре получить командировку. Мне казалось, что на старом пепелище в Москве я мог заниматься чем-либо полезным. ...

И вот я снова в Москве. За три недели моего отсутствия Москва заметно изменилась. В метро почти не было народу, но поезда ходили. На улицах также было очень мало пешеходов. Магазины были открыты, но в них почти ничего нужного не было. Но в большинстве гастрономических магазинов было в достаточном количестве кофе. Тогда его употребляли мало, и я также не имел еще привычки по утрам пить кофе, да и кофейной мельницы у меня не было. В общежитии на Малой Бронной оставалось еще несколько человек, хотя большинство комнат пустовало. ... Бомбежки Москвы продолжались, причем, вместо сравнительно безобидных зажигательных бомб немцы стали применять с одной стороны мощные бомбы – торпеды – и мелкие бризантные бомбы, от которых вылетали по соседству с взрывом стекла. Большие бомбы очень неприятно визжали, и мне, любителю прогуляться по городу вечером, неоднократно приходилось, услышав свист, нырять куда-либо в подворотню и ложиться. При всем этом как-то притупилось чувство новизны бомбежек. Некоторые бомбы причиняли довольно значительные разрушения. Так, при мне взорвались бомбы во дворе университета с разрушением памятника Ломоносову и повреждением Манежа. В главном здании университета со стороны фасада были выбиты все стекла. ...

Немцы между тем постепенно приближались к Москве. По улицам, особенно по вечерам, ходили военные патрули. Началось формирование ополчения. Однажды я был вызван в Райком КПСС и был даже зачислен в ополчение, но тут же был изгнан, поскольку при проверке документе обнаружилось, что у меня имеется удостоверение об освобождении от мобилизации как доктора наук. Докторская степень в то время еще ценилась. Однако пришлось проводить в ополчение нескольких товарищей.

Осень уже вступала в свои права, надо было думать о ближайшем будущем. Мне пришла в голову мысль заняться педагогической работой, чтобы не болтаться попусту. Несмотря на эвакуацию, в Москве остались некоторые учебные заведения, точнее студенты и отдельные преподаватели. Эти преподаватели проявили активность и организовали (тогда еще только заботились) занятия оставшихся студентов (главным образом женщин, и возвращавшихся с фронта инвалидов). Вместо уехавших в эвакуацию профессоров набирались оставшиеся в Москве. Прочитав объявление в газете о конкурсе на вакантные должности, я подал заявление с документами в Городской педагогический институт на кафедру общей и аналитической химии. Я сходил в Институт, познакомился ректором А.Кабановым (отцом полимерщика В.А. Каба-

⁵ Тем не менее, книга вышла через год: Фигуровский Н.А. Очерк развития русского противогаза во время империалистической войны 1914-1918 гг. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1942, 99 с. – *Прим. сост.*

нова), был встречен весьма благожелательно и скоро был зачислен заведующим кафедрой. Однако приступить к работе мне не удалось, события развернулись совершенно неожиданным образом. ...

В октябре обстановка в Москве резко обострилась. Немцы были совсем недалеко. Уже можно было слышать по утрам отдаленную артиллерийскую стрельбу. Я не знаю, как это получилось, но около 10-14 октября распространились слухи, что в ближайшие дни придется сдавать Москву немцам. Действительно, положение казалось безнадежным. Немцы и с запада и с севера были совсем рядом. Артиллерийская канонада по утрам слышалась все более и более отчетливо. В учреждениях по чьему-то приказанию начали сжигать архивные материалы и важные бумаги. Помню, несколько дней подряд по Москве в огромном количестве летали черные хлопья сгоревшей бумаги. Надо думать, что в эти дни безвозвратно погибло множество ценнейших для истории документов. Многие бумаги касались судеб людей или важнейших их интересов. Эта картина летающих черных хлопьев бумаги холодила сердце.

Числа 16 октября начался массовый "исход" из Москвы еще оставшихся в ней учреждений и людей. Оставшиеся в учреждениях автомобили загружались до предела не только казенным имуществом, но и "драгоценными" личными вещами сотрудников. Все это отправлялось на восток, главным образом по направлению к Горькому. День ото дня поток машин, перегруженных людьми с поклажей, становился все гуще. 16 октября мы узнали, что есть приказ: всем должностным лицам, женщинам и детям покинуть Москву. ...

Москва производила впечатление вымершего города. Улицы были почти пустынными. Метро хоть и работало, но в вагоне было всего 1-2 пассажира. Большая часть магазинов была закрыта. По-прежнему было достаточно только одного кофе в зернах. Но его никто не покупал...

Скоро наступил ноябрь, в общежитии, где было довольно много выбитых стекол, стало холодно. Пытался я делать нагревательные электрические приспособления, но не было проволоки (нихромовой) нужного диаметра. Поэтому читал я, одевшись в пальто. А вечером – снова воздушная тревога. С утра прогуливался по Москве, наблюдая изменения после очередных бомбежек. А бомбы падали в разных местах.

По утрам была явственно слышна артиллерийская стрельба. Опасность захвата Москвы немцами существовала. В таких условиях я стал подумывать, не лучше ли мне пойти воевать в армию? Ведь я капитан запаса. Кончится когда-нибудь война, и каждый спросит меня, что я делал во время войны? А что я могу ответить? Мысль о том, что надо идти в Армию, все более и более укреплялась. Казалось, что сейчас это [было] единственное правильное решение, которое я мог принять в таких условиях.

Первые месяцы в Красной армии

Я пошел в штаб Московского военного округа и подал рапорт о своем желании поступить добровольно в ряды Красной армии. Меня принял важный офицер с тремя шпалами в петлице. Ознакомившись с моими документами, он сказал, что не имеет права удовлетворить мою просьбу, и посоветовал обратиться в Управление кадров Штаба РККА на Арбатской площади. Я отправился туда, вошел в знакомый двор со стороны памятника Гоголю и вспомнил свои

юношеские годы. Здесь в 1920 году я учился стрелять из винтовки, пистолета "Наган" и даже из пулемета. Но сейчас тир выглядел несколько иначе. К тому же всюду часовые, которых в те времена не было.

Я был принят каким-то начальником. Он предложил мне написать рапорт и вскоре я получил его с резолюцией какого-то высокого начальника, удовлетворившего мою просьбу.

Я вышел из Штаба и отправился сначала в Педагогический институт, где я был незадолго перед тем зачислен завкафедрой химии, и рассказал о своем решении. Директор института был возмущен моим поведением, стал меня отговаривать, но я сказал, что все уже решено. Через два дня я узнал, что директор Института подал протест против зачисления меня в армию. Я был вызван в Главный штаб еще раз и подтвердил свое решение. Так вновь началась моя служба в Армии после долгого перерыва, в течение которого я сделался настоящим "гражданским шляпой".

Я получил назначение в Штаб формируемой в Москве 6-й Армии на ул. Разина. Там я получил назначение на должность старшего помощника Начальника Химического отдела армии. Через день штаб армии перебазировался в Царицыно (Ленинск). Мы жили там на казарменном положении в каком-то бараке. Я получил обмундирование, мало похожее на офицерское и лишь чуть отличавшееся от солдатского. Начались однообразные дни учебы. Больше всего было штабных учений, на картах, хотя время от времени мы занимались и вне помещений.

Между тем быстро наступила зима, нанесло довольно много снега и между прочим, нас стали тренировать в части лыжного спорта. ... Помню, вначале, когда я встал на лыжи, было трудно ходить по пересеченной местности. Но в Царицыне к этому пришлось скоро привыкнуть, и через какую-нибудь неделю упражнений я смело съезжал с высоких и крутых горок в парке. Штабные занятия, как всегда, вначале казались довольно скучными. Офицерам раздавались обычно крупномасштабные карты, которые можно было разрисовывать. Руководитель читал заранее составленный приказ дивизии, полку или даже корпусу: п.1 - Сведения о противнике, п.2 - сведения о своих войсках и т.д. Мы выполняли роль либо командиров полков, либо даже дивизий, а также руководителей спецслужб. Надо было на основе заслушанного приказа принять решение и оформить его в виде соответствующего документа (приказа), либо устно изложить в деталях это решение во всеуслышание. Строевых занятий, которые я никогда особенно не любил, было в общем немного, хотя нам всем было хорошо известно, что именно строевые занятия вырабатывают дисциплину и автоматичность при выполнении команд. ...

Однажды мы получили приказ грузиться в машины со всем штабным оборудованием, т.е. с пишущими машинками (и машинистками) и прочим и взять с собою лыжи. Нас повезли в далекий лес, где-то в районе Лопасни. Стоял мороз около 30° и мы, сидя в открытых грузовиках, конечно, скучали по теплой избе и хотели выпить чайку. Но машины везли и везли нас дальше и дальше и наконец остановились в большом лесу. Где-то в километре от нас была возделенная деревня, манившая нас уютом красивых подмосковных домиков. Но мы остановились в сосновом лесу и получили приказ разгружаться и выбрать для отдела место в глубоком снегу. Сразу же было сказано, что разжигать костры категорически воспрещено. Приказ есть приказ. Мы утоптали площадку на одном

месте и принялись устраивать "подобие" помещения отдела. Нашли какой-то чурбан, поставили машинку, наломали сосновых веток, чтобы не сидеть прямо на снегу. Пока мы работали, было еще не так холодно, но когда мы закончили несложное оборудование отдела и сели по местам, в ожидании дальнейших распоряжений, стало очень холодно. Дело к тому же шло к ночи, и мы быстро поняли, что перед нами не только бессонная ночь, но и крупные неудобства из-за сильного мороза.

Скоро мы получили боевой приказ, и работа отдела и всего штаба началась. Надо было по картам составить соответствующие распоряжения и инструкции по химической службе с использованием армейской химической роты, которой тогда у нас еще не было. В варежках, едва владея одеревеневшими пальцами, я делал расчеты, докладывал их начальнику отдела, а тот либо одобрял, либо требовал переделки. Наконец, все поступило к машинистке – московской девице лет 20, закутанной до предела. На ней была солдатская шинель, под которой телогрейка из бараньей шкуры – безрукавка. Наконец, начальник отдела (я его вспоминаю только в лицо) пошел к начальнику штаба Армии сдавать подготовленные документы. Когда он вернулся, было видно, что он, видимо, не понравился начальству. Шла темная ночь. Мороз крепчал. Вскоре мы заметили, что почти все наши соседи, т.е. другие отделы штаба, зажгли костры. По их примеру и мы не замедлили разложить костер. Стало несколько легче, но сразу же потянуло спать.

Первым заснул наш начальник, я крепился, не только потому, что заснуть при 30° морозе, хотя и у костра, очень опасно, но главным образом помня по прежнему опыту, что начальство может в такой уже успокоившейся обстановке внезапно нагрянуть с проверкой. Для того, чтобы не заснуть, я вытащил свой блокнот и занялся воспоминаниями о некоторых научных идеях по седиментационному анализу. Никаких новых документов пока не надо было готовить. За таким "мирным" занятием и застало меня высокое армейское начальство, которое внезапно появилось в сопровождении адъютанта и каких-то важных офицеров в "нашем отделе". Я сообразил, что это командарм вскочил, приложил руку к шапке, отдавая честь, и рапортовал, что в Химическом отделе происшествий нет, что документация сдана начальнику штаба и представилась. Начальство спросило, что мы делаем? Я доложил о проделанной работе. Все, конечно, постепенно проснулись, и в разговоре с начальством меня сменил начальник отдела.

Наконец, командарм нас покинул. Спать уже не хотелось. Наступало утро. Мы наивно полагали, что скоро нас погрузят в машины и отвезут назад в Царицыно. Но вот нам принесли завтрак и горячий чай, что было весьма кстати. А после завтрака вдруг принесли еще один приказ (вводная) и мы снова начали работать. Днем было несколько легче, возможно, что и мороз несколько ослабел, но все же приходилось время от времени отрываться от работы и согреться прыганьем. Незаметно наступило обеденное время, и мы все по очереди шли к полевой кухне, хорошо пообедали и полагали, что к вечеру нас все-таки вывезут из леса домой. Но ничего подобного не произошло. Уже стемнело, мы пошли снова к кухне, поужинали и наконец поняли, что нам предстоит еще одна, а может быть и больше, ночь на страшном морозе. После ужина принесли "вводную задачу" и ночью снова началась убийственная работа на морозе, когда окоченевшими пальцами приходилось писать каракулями. Хорошо еще, что днем удалось немного вздремнуть. Ночь снова была бессонной. Конечно, все мы в

душе ругали начальство за такой, казалось, совершенно ненужный эксперимент со штабом.

Начальство оказалось, однако, твердым. Мы дождались и третьей ночи в лесу, которая выдалась особенно холодной. Было вероятно около 35° мороза. Но человек ко всему привыкает, и мы уже как-то безнадежно привыкли к полному окоченению от холода. Как прошла эта третья ночь, я уже не помню, новизна ощущений стерлась, как-то притерпелись к морозу.

Наконец, утром на 4-й день команда: погрузить на машину все оборудование отдела вместе с машинисткой, а нам встать на лыжи и идти пешком к Москве. Марш был объявлен скоростным и победителям обещаны награды. Приделав свои лыжи к валенкам, я пошел вместе с другими.

На другой день был разбор ученья, нас покритиковал генерал, но не очень круто. Еще через день я неожиданно был назначен начальником Химического отдела армии и таким образом, стал самостоятельным начальником в Штабе армии. Отдел, правда, был еще не полностью укомплектован, но скоро у меня появились довольно квалифицированные помощники. Естественно, однако, работы прибавилось, больше же прибавилось беспокойства. В Царицыно мы оставались недолго. Сначала переехали в Подольск, через некоторое время – в Тулу. Это было в феврале 1942 г. Мой отдел получил отдельный небольшой дом, принадлежащий железной дороге, недалеко от вокзала. Все другие отделы штаба были расположены в домах поблизости.

Что меня поразило в Туле сразу же после переезда Штаба армии – это настоящая фронтовая обстановка. Мы прибыли в Тулу всего лишь через несколько дней после трудного сражения под Тулой наших частей. Дорога на Ясную Поляну, на которой пришлось побывать сразу после переезда в Тулу, была усеяна трупами – и немцев и наших. Но надо было уже привыкать к настоящей фронтовой обстановке.

Основной задачей, возложенной на наш штаб в Туле, было формирование новых дивизий в районе южного Подмосковья. Были созданы штабы дивизий и полков, назначены основные командиры, и пополнение поступало в дивизии и с севера и из местных ресурсов (из частей, которые стали некомплектными после боев под Москвой). Для обследования и приема новых дивизий была составлена комиссия Штаба армии под руководством пожилого генерала Иванова с участием всех начальников Отделов штаба армии. В нашем распоряжении была большая моторная дрезина (поезда не ходили), и мы могли передвигаться довольно быстро в районе формирования новых частей. В различных пунктах мы делали остановки, посещали полки, знакомились с офицерами. Мне, естественно, в первую очередь надо было проверять химическую службу частей и соединений. В некоторых дивизиях были сформированы химические роты. Я понимал, что лично отвечаю за их подготовку.

В то время, естественно, многого не хватало. Были серьезные недостатки и с обмундированием, и с оборудованием, да и подходящих людей для занятия специальных должностей не доставало. Все давно уже были мобилизованы. Бросалось, однако, в глаза, что в химических ротах, сформированных в различных дивизиях, положение иногда оказывалось совершенно разным. В одних – плохо, неуккомплектованность, жалкое оборудование и материальное обеспечение. В других несколько лучше. Однажды, однако, я попал в роту, состояние которой на общем фоне представлялось мне образцовым. Я заинтересовался, в чем дело?

Откуда они все достали? Выяснилось, что рота была сформирована из уголовников, вышедших из тюрем. Эти ребята оказались настолько инициативными и энергичными, что, пожалуй, все, что полагалось по штату, у них было. И командиры подобрались прекрасные, дисциплина была на высоте. Я побеседовал с каждым в отдельности и со всеми вместе и остался доволен. Но невольно возникало сомнение, как будут воевать эти бывшие уголовники. Устраиваться в любой обстановке они несомненно умели. Но как будет в бою? Со своими сомнениями я обратился к генералу Иванову. Он мне ответил: "Да, на гражданке с этим народом тяжело, но воевать они будут хорошо. Это же люди в основном отчаянные, привыкшие к различным перипетиям в жизни. Так что вы должны быть довольны, что подобрался такой народ".

Проверкой формирования новых дивизий мы занимались, вероятно, около месяца. Уже появились признаки весны, мы руководили обучением новых частей их "сколачиванием". Дела было много. ...

...Однажды ранней весной в воскресенье я, отпустив всех своих помощников обедать, сидел в отделе один и читал какую-то попавшуюся под руку книжку. Вдруг дверь открылась, и в комнату вошел важный чернявый человек с тремя ромбами. Я, естественно, встал и представится. Он спросил меня, где все работники отдела. Я доложил, что отпустил всех обедать. Человек с тремя ромбами выразил некоторое неудовольствие, хотя и не сказал мне ничего. ...

Я не осмелился спросить, кто он такой и только через час узнал, что это – новый командующий армией генерал Василий Иванович Чуйков. Тогда эта фамилия ничего особенного не говорила о себе. Мы узнали лишь, что он недавно вернулся из Китая, где был советником у Чан Кай Ши.

С назначением В.И.Чуйкова командармом у нас все переменялось. Новый командарм энергично взялся за обучение и сколачивание штаба. Начались штабные учения, посыпались задания и приказы. С наступлением весны начались полевые учения в районах к югу от Тулы. Пришлось работать на полную катушку и мне и моим помощникам. Затем мы перебазировались в Сталиногорск (теперь – Новомосковск) в район известного химического комбината.

Так в постоянных учениях и упражнениях прошла весна 1942 года. Наступил июнь, леса и кусты под Тулой оделись в летний наряд. В начале июня у нас состоялось еще одно большое учение всей армии с дивизиями и другими частями. Район учения был обширным, охватывая части Тульской и Калужской областей и даже районы к юго-востоку от Москвы. В.И.Чуйков решил ввести в задачи учения и противохимическую защиту соединений и частей. На сей раз я должен был со своим отделом не только готовить документы, но производить расчеты с использованием своих химических рот и батальонов. Мои распоряжения своим частям должны были передаваться по армейской связи и требовали от командования соединений донесений в выполнении частями средств противохимической защиты. В.И.Чуйков раза два давал "вводные" задачи, осложнявшие продвижение дивизий, заражая местность, особенно районы железнодорожных станций, я, естественно, реагировал на такие "вводные" своими распоряжениями и расчетами, в результате В.И.Чуйков получал донесения о ликвидации заражений ипритом. Он даже был несколько озадачен быстрыми действиями химических рот и, встретив меня, высказал мне свои сомнения. Я доложил ему о своих распоряжениях, представив свои расчеты и донесения о действиях химических рот и других частей. Второй раз он, встретив меня в лесу

недалеко от Ясной поляны, сказал, что я испортил его вводную. Но в общем он был доволен и сказал мне несколько теплых слов. Это было последнее наше крупное учение в районе Тулы. ...

Между тем, с фронтов поступали неутешительные известия. Немцы были уже в Донбассе и довольно быстро продвигались на восток. Мы, естественно, понимали, что скоро и нас отправят на фронт, но куда – конечно, не знали.

Сталинградская битва

В 20-х числах июля (если не ошибаюсь) был получен приказ о перебазировании нашей армии. Речи об отправке на фронт в приказе не было. Приказ есть приказ, и мы, штабники, быстро по-военному погрузились в вагоны поданного состава и отправились в направлении на юго-восток. Станция назначения была для нас неизвестна. В то время передвижение в поездах, да еще недалеко от линии фронта было далеко не безопасным. Немцы постоянно летали в тылу и бомбили поезда. Нас везли очень быстро, и уже 16 июля мы стали выгружаться на какой-то до тех пор неведомой нам станции Прудбой. Мы, т.е. штаб армии, разместились в поселке Советский (Кривомузгинская), а уже через день переехали в поселок Логовский. Это все вблизи р.Дон. Видимо, на Дону и предполагалось создать рубеж обороны. Между тем, по сводкам немцы продолжали продвигаться на восток через Донбасс.

Было ясно, что мы попали на фронт. Об этом свидетельствовали частые появления немецких "рам", нахально летавших совсем низко и явно высматривавших наше расположение...

Уже на другой день после нашей поездки обстановка резко осложнилась. Фронт быстро приближался к нам. Видимо, предстояло отступление, но до какого рубежа – было невозможно предугадать. Донской рубеж явно оказался неподготовленным.

Наша армия по прибытии на берега Дона получила номер 64 и стояла в поселке Логовский (Штаб армии). Уже через несколько дней после нашего переезда туда ... стало ясно, что в создавшейся обстановке штабу нельзя оставаться в Логовском. Мы быстро перебазировались в Ильмень Чирский. Вскоре после устройства на новом месте, я стал свидетелем ухода от нас В.И.Чуйкова. ... К нам был назначен новый командующий генерал М.С.Шумилов. Наш штаб 64 Армии перевели в Верхне-Царицинское. Здесь мы оставались несколько дней. Мой отдел был размещен на краю станицы в отдельном домике с "базом". ...

Близость фронта, т.е. собственно фронт, для нашего штаба вызывали всякие неожиданные переживания. ... Налеты немецкой авиации производились каждое утро. Поэтому пришлось выкопать около нашего дома в Верхне-Царицинской щели, которые очень намгодились. Пока немецкие самолеты летали с целью разведки, было еще ничего. Но все могло произойти на фронте. Однажды утром прилетела немецкая "рама" и страшно нахально с небольшой высоты то подлетала к нам, то, делая круг, снова была около нас. Мы с помощником взяли винтовки, нашли бронебойные патроны и открыли стрельбу по самолету. Возможно, что было попадание в самолет. Он внезапно повернул и исчез. Мы даже испытали некоторое чувство гордости за свои действия, но это было несвоевременно. Мы ушли в хату и занялись делами. Но вдруг появились три самолета немцев и стали

бросать бомбы прямо на нас и с небольшой высоты. Бомбы были небольшие, но осколочного действия. Пришлось немедленно весь отдел запрятать в щели. Это было около 5 часов утра.

Самолеты делали круг, летая друг за другом, и пикировали прямо на нас. Три бомбы подряд. Мы пригибали голову поближе к земле. Щель была тесной, в моей щели нас было трое, и мы едва уместались. Осколки свистели над нашими головами. Мы провожали взглядом улетающие самолеты, но они, сделав круг, возвращались и снова бросали бомбы. Одна из бомб упала совсем рядом, наша щель была повреждена и сдвинулась, стало невыносимо тесно. Мы выглядывали сразу же после разрыва бомб и видели, как методичные немцы снова делали круг и снова заходили на нас. Опять приходилось прятать голову. Наши хозяева-старички поступили более благоразумно. Они вырыли себе щель заблаговременно за "базом" в некотором отдалении от дома, и их не бомбили.

Ситуация создавалась невеселая. Мы заметили вдруг еще три самолета на западе, в то же время три самолета, которые бомбили нас, развернулись и улетели совсем. Вновь прилетевшие самолеты начали все снова: сделав круг, они бросали на нас три бомбы. Эта карусель продолжалась методично, вслед за отбомбившимися самолетами появлялись три новых, и все начиналось сначала. Мы очень хорошо наблюдали отделившиеся от самолетов бомбы, и тотчас же пригибали головы. Так продолжалось целый день, часов 10, а может быть и больше. Мы не могли даже на несколько минут покинуть щель.

Во время этой крайне неприятной и нудной бомбежки, мы, как ни странно, развлекались. Щель, в которой мы сидели, была всего метрах в 10-15 от хаты. С раннего утра около нас гуляли куры во главе с важным белым петухом. Они вовсе не пытались укрываться, но петух каждый раз выражал тревогу при приближении к нам самолетов. Он, видимо, принимал их за хищных птиц и предупреждал своих кур. И вдруг – разрыв бомбы прямо рядом с нашей щелью и недалеко от кур. Куры, похоже, почти все уцелели (так казалось), но взрывной волной их так шарахнуло, что они с криком летели метров десять. Пролетев это пространство, они вовсе и не думали убежать. Помятый взрывной волной петух вдруг взлетал на тын огорода и кричал победно "куку-реку!" Это было довольно смешно, но бесстрашие кур скорее щемило сердце. Война и ... природа. Ужасно и трогательно. После каждого очередного падения бомб, мы поднимали головы и выглядывали из щели.

В первом часу дня ко мне приполз связной от командующего и передал мне приказание – прибыть на командный пункт. Я тотчас же пополз, делая, впрочем, небольшие перебежки. Услышав свист очередной бомбы, замирал, прижимая голову к земле. Пользуясь перебежками между бомбами, я минут через 15 был на командном пункте. М.С. Шумилов сказал мне, что штаб перебазируется к берегу Волги севернее Бекетовки и приказал мне после отъезда отделов обследовать занимавшиеся ими помещения с тем, чтобы не оставить противнику никаких документов, особенно карт и бумаг, которые могли бы раскрыть номер нашей армии. Я тотчас же отправился выполнять приказание, пользуясь то перебежками, то передвигался ползком. Доползши до своей избы, я отдал распоряжение, чтобы отдел грузился в нашу машину, которую приказал подать в овражек неподалеку. На дне овражка (балочки) тек небольшой ручеек. Я приказал ожидать моего возвращения. Сам же я пополз с перебежками к домам, где размещались отделы штаба, и осматривал, сколько позволяла обстановка, не осталось ли где каких

бумаг или карт. Так как бомбежка продолжалась, мне приходилось затрачивать немало времени, чтобы ползком и перебежками переходить от избы к избе. Я побывал в бывшем оперативном и разведывательных отделах и других помещениях штаба. Часам к 4 я закончил обход помещений. Бомбежка продолжалась. Я ползком и после падения очередной бомбы короткими перебежками стал пробираться к овражку (к балочке) где должна была меня ждать моя машина. Наконец я приполз туда и с удивлением обнаружил, что машины уже нет. Она уехала, не дождавшись меня – начальника отдела. Видно, не выдержали нервы у моего старшего помощника. Сначала было я его обругал про себя последними словами, но что из этого толку? Трус, сукин сын и т.д. На песке я увидел отпечатки пути машины, она поехала прямо по дороге на восток, к Сталинграду. После мой помощник, к которому я обратился с упреком (не хватило сил обругать его последними словами), оправдывался тем, что рядом с машиной упала бомба и де немецкий легчик целился в них.

Как бы там ни было, но меня взяла досада. Бросить начальника в самом неподходящем месте. Сейчас сюда придут немцы. Только тут я заметил, что многочасовая бомбежка не прошла даром. На полянке за домами лежало несколько трупов. У дороги – разбитая эмка и сильно покореженный грузовик. И никого нет, ни одной живой души.

Надежды на то, что приедет или проедет мимо какая-нибудь машина – никакой. Вот-вот немецкие мотоциклисты будут здесь. Надо было решать, что делать. Я решил отправиться пешком на восток и вышел из оврага в степь. Бескрайняя, непривычная для северного человека степь. И я один в этой степи. Может быть, сейчас тебя нагонят немцы. Это, пожалуй, страшнее смерти для офицера. И вот я отправился ускоренным шагом, ориентируясь напрямик, частью через пашню. День клонится к вечеру. Сзади, на западе слышна стрельба, рвутся шрапнельные снаряды. На мое счастье, у меня была карта и с грехом пополам, сориентировавшись (никаких местных предметов, кроме оставшейся сзади Верхне-Царицинской станицы не было) пошел прямыми ускоренным шагом. Стало уже темновато, тогда я увидел вдаль группу людей. Может быть, это были немцы? Но я увидел, что шли они понуро и в ту же сторону, куда и я; вероятно, это была какая-то группа отступавших наших солдат. Я не стал сворачивать к ним и пошел дальше. Стало уже почти совсем темно, когда я вышел на какую-то степную проселочную дорогу, гладкую, покрытую слоем мягкой пыли. По моим расчетам, это должна быть дорога на Бекетовку – большое село южнее Сталинграда.

Я пошел по этой дороге, ориентируясь на восток, и вдруг услышал сзади шум идущей машины. Надежда добраться с этой машиной до Бекетовки казалась заманчивой, но надо было действовать решительно.

Я вынул пистолет, поднял его в руке и встал в "грозную" позицию.

Машина остановилась. Шофер, увидев офицера, козырнул и доложил, что ехать на машине нельзя, она была без резины и ехала на ободах. Удивительно изобретателен русский шофер-солдат. Позднее я хорошо узнал, что если у немецкого шофера ломалась машина, он никогда сам не пытался ее починить, а вызывал механика. У нас такой порядок был невозможен и шофер сам должен был установить поломку и устранить ее, что и удавалось в ряде случаев. Недаром наши шоферы ценились немцами, и при попадании в плен их сразу же сажали за руль. Мы сами брали в обратный плен таких шоферов.

Парень, который вел машину, где-то подобрал ее брошенной, без резины. Поковырявшись в моторе и установив наличие горючего в баке, он завел машину и поехал. Благо, степная дорога, покрытая мягким слоем пыли как-то сглаживала толчки, и возможность ехать без резины (конечно, тихонько) существовала. Я сел рядом с шофером в кабине, и мы поехали. Ехали мы, вероятно, километров с 20, может быть и несколько больше, а пешком я прошел не менее 15 километров. Поздно ночью мы въехали в Бекетовку. Поблагодарив шофера, я вошел в первую попавшуюся избу, в которой было человек 10 спавших солдат. Я тотчас же, растянувшись на полу, крепко заснул. Повезло мне на сей раз чертовски. Если бы не эта машина, неизвестно, как бы сложились дела. Немцы были недалеко.

На южной окраине Сталинграда

Утром, несколько отдохнувший, я пошел искать свой штаб. ... Офицер указал мне на ближайший лесок (заросли ветел) и сказал, что какой-то штаб в этом лесу. Я направился в лесок и скоро встретил знакомых штабных офицеров, нашел свой отдел, явившись перед своими помощниками в качестве "упавшего с неба". Все были удивлены, мой старший помощник доложил мне, что они были уверены, что я убит и поэтому, дескать, не стали меня дожидаться и выехали из Верхне-Царицинской. Тем более, что рядом с машиной упала бомба. Чего мне оставалось делать? Я постыдил его и заметил, что надо бы было убедиться, что я убит. Он не знал, что мне в жизни в общем везло. ...

В этом лесу мы были всего лишь два или три дня и вскоре перебазировались несколько на север и оказались на берегу Волги. Тот же лесок со множеством небольших озер. От Волги было менее 500 метров, несколько южнее в 2 километрах была пристань Сарепта. На этот раз расположение штаба 64 Армии было заранее подготовлено и оборудовано. Все отделы штаба получили блиндажи, построенные саперами. Внутри блиндажа были сделаны нары для спанья и стоял небольшой стол для работы. Вскоре в блиндаже была даже поставлена буржуйка, так как по ночам на Волге становилось холодно. Штаб разместился на довольно большом пространстве в редком лесу. Видно было, что здесь когда-то текла Волга, а теперь остались только небольшие озера, частью поросшие травой. На северо-запад от нас была гора (высокий берег Волги), на которой виднелось здание электростанции, правее были видны постройки Химического завода № 91. Блиндаж нашего отдела стоял в ряду блиндажей других отделов штаба, на краю леса и на берегу озера, в котором, как оказалось скоро, водились сазаны. Справа от нас в редком леске была построена столовая и располагались походные кухни. Слева, невдалеке в каком-то сравнительно большом легком здании располагалось командование армии. В этом здании происходили иногда совещания начальников отделов штаба.

Наш блиндаж был покрыт тремя скатами бревен, он вполне защищал от действия осколков бомб и снарядов. Накаты бревен были засыпаны землей и даже частично замаскированы дерном. Жить в таком блиндаже было хотя и тесно, но конечно лучше, чем на чистом воздухе, тем более, что по ночам становилось холодновато. Сверху, сквозь щели наката, правда, сыпался песок, но на него не приходилось обращать внимания. Скоро в блиндаже завелись и мыши, но это нас также не смущало.

Первые дни нашей работы на новом месте прошли в обычных занятиях. Мне пришлось разместить химическую роту армии неподалеку с согласия командования. Она, конечно, могла пригодиться в случае чрезвычайных обстоятельств. От моего блиндажа до расположения роты было метров 250, и мне приходилось постоянно посещать роту и контролировать занятия.

Первое время в новом расположении штаба мы устроились по-фронтовому хорошо и работали нормально.

Наш штаб работал, организуя оборону южной части Сталинграда. А по сводкам, в северной части города начались уличные бои. Мы устраивали оборонительные рубежи, удерживая немцев от продвижения к югу от Сталинграда. Южнее нас стояла 57 Армия генерала Ф.И.Толбухина (озеро Цаца). Моя задача в организации обороны состояла в химической разведке и в особенности в подготовке огнеметных рот, которые формировались и ускоренно обучались в лесах за Волгой и на острове Сарпа южнее Сталинграда. Формировались роты из нового состава, поступавшего к нам. Обучение продолжалось от двух недель до месяца. Надо сказать, что огнеметные подразделения были весьма уязвимы в бою. Их задача состояла в том, чтобы выйти на передний край обороны, чуть ли не на 20 метров от переднего края противника, дать в нужный момент огонь по приказу командования. Это в конце концов иногда удавалось, но после огневой атаки рота становилась совершенно беззащитной. У них не было никаких средств обороны кроме винтовок. А немцы, после огнеметной атаки открывали сильнейший огонь по расположению роты, так что часто от нее почти ничего не оставалось. Сколько таких рот было сформировано и обучено! Я восхищался прекрасными ребятами, молодыми, здоровыми, красивыми, отправляя каждый раз роту на позицию. Через два-три дня, как правило, ко мне являлся один из офицеров роты и докладывал, что после успешной огнеметной атаки немцы открывали такой огонь по беззащитной роте, что от нее уцелели только 5-6 человек. И снова на острове Сарпа начиналась формирование следующих рот.

В первые дни нашего пребывания в новом расположении штаба армии ко мне приехал мой специальный начальник – Начальник Управления химических войск фронта (Сталинградского) генерал Д.Петухов. Он был моим товарищем по командным Военно-химическим курсам в Москве в 1920-1921 гг. Естественно, мы встретились как старые друзья. Познакомившись с работой моего отдела и информировав меня о событиях на военно-химическом фронте, он пригласил меня проехаться с ним на эмке, осмотреть тыловые линии обороны и познакомиться с местностью на юг и на юго-запад от нашего штаба. Мы ехали вполне спокойно, казалось, никого нет, кроме небольших групп наших солдат, выполнявших какие то поручения начальства. Но вот мы въехали в пространство, где вообще никого не было. Мы мило разговаривали, вспоминая давно прошедшие времена, и вдруг услышали неподалеку пулеметную стрельбу. Видимо, мы попали совсем не туда, куда нужно. Где мы ездили, я сейчас уже не помню, но помню лишь озеро Цаца. Услышав стрельбу, мы поняли, что пора возвращаться. На наше несчастье, на самом опасном (по нашему мнению) участке машина так безнадежно застряла в овражке в песке, что казалось надо ее бросить и идти назад пешком. С большим трудом, мы ее откопали и общими усилиями сдвинули с места. Произошло это потому, что все мосты на дорогах были

уничтожены. Нам в общем повезло, так как оказалось по возвращении, что румынские части и наш передний край были совсем не далеко.

До сих пор я не могу забыть ужасной картины разрушения Сталинграда фашистами. Перед тем, как мы расположились в блиндаже, я по какому-то делу побывал в Сталинграде – старинном Царицыне, напомнившим обычные виды старинного губернского города. Большая часть построек была деревянной, только на севере города возвышались каменные здания. И вот теперь все это подверглось жестокому бомбежкам. Из дверей нашего блиндажа Сталинград был довольно хорошо виден. Помню, в один прекрасный день мы услышали гул многочисленных фашистских самолетов и увидели совсем близко несколько десятков бомбардировщиков, прилетевших бомбить Сталинград и Волгу, по которой еще ходили суда, перевоза раненых, эвакуируя население и осуществляя функции снабжения. В течение часа–двух продолжалась бомбежка. Гром разрывов бомб доходил до нас. Показался дым и начался пожар города. Бомбардировщики наконец улетели, а пожар разгорался и ночью мы видели, как вспыхивали деревянные здания одно за другим. На следующий день та же самая армада фашистских самолетов прилетела вновь, и все началось с начала. Так продолжалось, пожалуй, больше двух недель. А пожар Сталинграда продолжался дольше, около месяца. Над городом стояли клубы черного дыма, в отдельные дни города было совершенно не видно за дымом. От города остались грандиозные развалины на высоком берегу Волги. Я думаю, что спустя три месяца после этой зверской операции по разрушению города, немцы сами себе грызли пальцы. Сжатые в кольцо окружения при сильнейшем морозе, они фактически не имели укрытий, и даже топлива для костров.

С работниками штаба у меня были хорошие товарищеские отношения. Особенно близко я сошелся с Начальником инженерных войск армии Ю.В.Бордзиловским (умер в 1983). Мы много разговаривали с ним о различных вопросах и часто вместе выполняли разные поручения командования. Это был интересный человек, впоследствии довольно широко известный генерал-полковник. Где-то мы с ним не встречались впоследствии. Он навестил меня, когда я лежал в известной Берлинской больнице "Шарите", в форме генерала польской армии с эполетами и аксельбантами, чем он произвел переполох во всей клинике. Навещал я его в Польше, где он был начальником шваба в послевоенное время у Рокоссовского. Встречался с ним и в Москве, и мы поздравляли друг друга письмами к праздникам. ...

Время от времени к нам в штаб приезжали представители верховного командования, иногда в результате таких приездов командование армии ставило перед нами новые задачи. Так, в октябре к нам приезжал маршал А.М.Василевский. После его отъезда в оперативном и разведывательном отделах наступило оживление. Но о сути дела ничего пока не сообщали. Только позднее, после другого приезда Василевского я узнал о готовящейся Калачской операции, узнал – с условием молчать, как рыба.

Между тем командующий М.С.Шумилов однажды вызвал меня и приказал организовать в широком масштабе производство зажигательных бутылок для борьбы с танками противника. Естественно, такое производство всего целесообразнее было организовать на заводе № 91, который был на горе не более чем в километре от нас. Я отправился на завод. Разбомбив и сжегши Сталинград, фашисты не трогали электростанции и завода. Видимо, они имели какие-то

расчеты на эти предприятия. Завод, несмотря на тяжелые бои вокруг, был целехонек. Мало того; его огромный заводский двор был заставлен железнодорожными цистернами со спиртом и вагонами с различными химикатами. Мне стало страшно, когда я увидел все это. Упали тут случайно лишь одна, даже просто зажигательная бомба, и случилось бы такое, что трудно себе представить.

Директор завода, к которому я пришел, – еврей – оказался довольно храбрым человеком. Он оставался на территории завода и даже жил там, хотя, конечно, хорошо знал, какая опасность грозит ему и заводу. Он понял предложение о производстве бутылок, мы обсудили с ним некоторые детали, и производство с помощью оставшихся на заводе рабочих началось в довольно широком масштабе; мы теперь могли снабжать части этим невзрачным, но грозным для танков противника оружием. В связи с производством мне приходилось ходить на завод почти ежедневно. Беспокоил огромный запас на заводе спирта, что с ним надо было делать, мы не знали. ...

На заводе имелись и другие химикаты, которыми нам приходилось пользоваться. Так, однажды врач штаба армии Э.Андреева, впоследствии врач Военной академии им. Фрунзе, – мужественная женщина – однажды сказала мне, что у многих машинисток штаба на руках чесотка и у нее нет никаких средств для ее лечения. Я предложил приготовить ртутно-серную мазь. Пришлось на заводе найти несколько термометров для добычи ртути, серный цвет нашелся в лаборатории, и я приготовил там ртутно-серную мазь на вазелине, которую и передал врачу. Эффект был полный. Я привожу эти мелкие эпизоды лишь потому, что они всплывают в памяти в процессе писания. Конечно, не эти мелочи волновали нас в то время, а куда более серьезные дела.

Между тем, оборона Сталинграда как-то стабилизировалась. В отдельных частях города, особенно в северной его половине, шли напряженные каждодневные бои, уличные и в отдельных домах, скелеты которых уцелели. Мы каждый день изучали сводки, полученные из 62 Армии. Впрочем, и у нас время от времени возникал то артогонь, то даже неподалеку была слышна стрельба. Я лично полагал, что немцы готовят переправу через Волгу севернее или южнее города, но этого не происходило. Бомбежки, правда, продолжались, они велись с целью воспрепятствовать нашим пароходам перевозить за Волгу раненых и привозить боеприпасы, горючее и другое имущество. Бомбы часто падали в Волгу чуть повыше нас. На это обратили внимание солдаты Химической роты, которые обнаружили, что в результате бомбежек мимо роты плывут кверху брюхом оглушенные взрывами осетры. Иногда удавалось перехватить на лодке такую рыбину метровой длины. Ротный повар, работавший ранее в каком-то минском ресторане, делал из такой рыбы довольно вкусные вещи. ...

Ночью в полной темноте над нами постоянно летали самолеты. Трудно было установить, чьи они. Вероятно, были и немецкие, но были и наши У-2, которые управлялись женщинами Женского авиационного полка. Эти У-2, летавшие низко, наводили панику на немцев, засевших в окопах и по ночам, видимо, спавших. Наши летчицы женщины бросали на них бутылки с горючим и небольшие бомбы. Сбить эти самолеты немцам было трудно. Их зенитные средства были рассчитаны на гораздо большие высоты полета.

С середины октября в ваш штаб неоднократно приезжало, как уже говорилось, высокое начальство из Москвы (маршалы Воронов, Василевский и др.). Вообще, это было в порядке вещей, но все же было очевидно, что

планировалось что-то особенное. 7 ноября, когда мы отмечали праздник Октябрьской революции, я узнал, что на фронте готовится крупная операция, что именно, точно я еще не знал. Но работы у нас прибавилось.

Когда в фронтовых условиях живешь на одном месте месяц или более, кажется, что ты живешь почти дома, привыкаешь к обстановке к окружающим людям, товарищам. Поэтому предчувствие, что должно что-то произойти, вместе с минимальными сведениями и увеличением объема работы, предвещали перемены, и это вызывало какие-то новые переживания. Что будет? Наступала зима с холодами и снегом, на Волге стали замерзать прибрежные лагуны, и временами шел мелкий лед. Как-то думалось, что придется зимовать в своем блиндаже. Но на фронте всегда приходится быть готовым к внезапным и притом совершенно неожиданным переменам. Вероятно, 10-13 ноября я был вызван к командующему армией, и М.С.Шумилов показал мне телеграмму из штаба фронта. Начальник химических войск фронта генерал Михайлус (недавно назначенный вместо ушедшего на должность Начальника Военно-химической академии генерала Петухова) сообщал, что я назначен на должность начальника оперативно-разведывательного отдела Химического управления Сталинградского фронта.

19 ноября началась операция под Калачем. Мы все ... с волнением читали сводки и детально следили по картам за ходом боев и, естественно, радовались. Но мне надо было выполнять предписание. Переправиться через Волгу непосредственно у расположения штаба было невозможно, пришлось добираться до штаба окружным путем. Меня отвезли на машине в Красный Яр. Было довольно холодно. Там я долго ждал переправы через Волгу, по которой шла шуга. К счастью, начальник инженерной службы 57 Армии перевозил через Волгу на каком-то старом пароходе какое-то имущество, и я случайно попал в очередной рейс. Наконец, переправившись, я прибыл с попутными машинами в Среднюю Ахтубу, недалеко от расположения штаба Сталинградского фронта. Был вечер, и я попал ночевать в чистый домик. Когда я присел поесть и выложил на стол свой паек - селедку и черный хлеб, хозяйка, увидев мою селедку, всплеснула руками и сказала, что ее надо выбросить. Она тотчас же принесла мне селедку своего посола (залом), и я с большим удовольствием "заправился" этим деликатесом (которого с тех пор мне не удалось более поесть). Утром она меня снова очень хорошо накормила.

В штабе Сталинградского фронта

Химическое управление Сталинградского фронта располагалось в обширном блиндаже, состоящем из двух "комнат". Вместо нар в прежнем нашем блиндаже в 64 Армии здесь стояли кровати с матрацами, но кажется (не могу сейчас вспомнить), не было белья, без которого мы обходились с самого начала службы. Представившись начальству, я познакомился с офицерами Управления и со своими помощниками. ...

Я немедленно приступил к исполнению своих новых обязанностей. ... Характер работы оказался здесь более бюрократическим, чем в штабе армии. Михайлус не был боевым генералом и в своей деятельности напирал на канцелярщину, на бумаги на составление таблиц, часто совершение ненужных расчетов, на излишне подробные и мало нужные указания, рассылавшиеся по

армиям. Хотя всем этим занимался довольно многочисленный штат офицеров, приходилось и на мою долю немало работы. Помощники были недостаточно подготовленными по военно-химическому делу и недостаточно опытными. Приходилось иногда переделывать то, что они подготовили, или давать конкретные указания о переработке подготовленных документов. Кроме того, приходилось знакомиться с разными документами, поступавшими к нам от Армий и Разведупра, в частности с военными уставами немцев и описаниями немецкой химической техники. Все это было куда скучнее, чем более живая и подвижная работа в штабе 64 Армии. К счастью, мы недолго оставались в Средней Ахтубе. Окружение немцев в Сталинградском котле и провал попыток войск Манштейна прорвать окружение привели к тому, что мы начали наступление в Сальских степях и на Дону. Скоро удалось значительно потеснить немцев, и обстановка на фронте коренным образом изменилась.

Сейчас я уже не помню, сколько точно времени провели мы в Средней Ахтубе. Но уже в начале декабря, когда стояли сильные морозы, штаб фронта был перебазирован на юго-запад в район Котельниково. ... Наш фронт был переименован в "Южный фронт" и новая задача, которая была поставлена перед фронтом, – это освобождение Донбасса от немцев. В Котельниково мы пробыли, однако, недолго. Фронт уходил дальше на юг и юго-запад, был взят Ростов, бои шли у Таганрога.

Наш штаб продолжал перемещаться на юг. По несколько дней мы провели в селениях Засальская, Сальско-Кагальницкая, Каракаш и наконец 27 февраля 1943 г. прибыли в Батайск и расположились здесь более основательно. Я со своим отделом расположился в небольшой, чисто выбеленной хатке. Погода стояла хорошая, весь день было солнечно, правда, ночью в избе было холодновато. Все же здесь было удобно работать.

Наша хата была в районе железнодорожной станции. Потрясающее зрелище представляла собой эта огромная узловая станция. Многочисленные железнодорожные пути были сплошь заставлены товарными поездами. Вагоны, вагоны, без конца вагоны. Несколько поездов были гружены пшеницей. Это немцы везли ее с северного Кавказа к себе в Германию, но не смогли уехать далее Батайска и Ростова, так как железная дорога на север и на запад была перерезана нашими наступавшими частями. Вместе с хлебом и разным награбленным фашистами имуществом, предназначенным для отправки в Германию, целые составы были гружены встречными грузами из Германии. По долгу службы я должен был установить, не было ли среди этих грузов химического имущества, отравляющих веществ и ядов. Поэтому со своими помощниками я вскрывал вагон за вагоном и осматривая грузы. Военно-химического имущества обнаружено не было, вопреки многочисленным донесениям начальника химической службы дивизий о том, что немцы готовы применить химическое оружие. Зато я обнаружил несколько вагонов, груженных химикатами. Особенно много было метилового спирта в мелкой упаковке (по 200 г). Надписи на бутылочках были немецкие. Несомненно, они были предназначены для наших солдат, которые, не понимая разницы между метиловым и этиловым спиртами, по запаху могли принять метиловый спирт за пищевой этиловый, и, выпив, умереть. Это, конечно, было своеобразное химическое оружие. К сожалению, мне были известны довольно многочисленные случаи отравления метиловым спиртом даже офицеров. Мне пришлось порекомендовать полностью уничтожить найденный

метиловый спирт, которым был гружен по меньшей мере один обнаруженный мною вагон.

Но меня еще более потрясло, когда в одном из вагонов было обнаружено больше количество двойной соли цианистый калий – цианистая ртуть. Это зелье, как нам было известно, предназначалось для умерщвления детей. Стоило кисточкой помазать раствором этой соли по губам ребенка, как смерть наступала почти немедленно. Немцы вели тотальную войну не против советской армии, а против народа. Нашел я и некоторые другие химикаты, сейчас не помню уже, что именно.

Кроме этого, в немецких поездах, прибывших из Германии, было множество литературы на немецком языке. Она предназначалась для немецких солдат. Здесь были военные уставы, различные инструкции, описания наших танков и даже "Катюш". Наряду с этим немцы везли для своих войск популярные журналы, песенники, сборники солдатских анекдотов. Мне попадались книжки совершенно нецензурного содержания. Два или три дня я продолжал это обследование вместе с помощниками.

Среди немецкого военного имущества мы обнаружили большое количество различных сигнальных дымовых шашек, с которыми частично я встречался и раньше. Я взял ряд образцов и на квартире произвел их подробное обследование, обнаружил дымовую смесь, механизм запала и т.д. Совершенно случайно довольно большое количество дымовой смеси, изъятой из шашек, я высыпал в печурку в своей квартире, легкомысленно надеясь, что она сгорит и весь дым выйдет через трубу. Но на другой день, когда хозяйка затопила печь, оказалось что дыму образовалось такое невероятное количество, что большая его часть заполнила избу к ужасу хозяйки.

Из Батайска мы перебазировались в поселок Таврический, затем в станицу Большую Крепинскую и, наконец, попали в Ростов. Все эти частые переезды нарушали повседневную работу, которой хотя и было немного, но приходилось каждодневно заниматься. В Батайске осталась из нашего управления только снабженческая часть. Немцы, укрепившись на западном берегу Дона, ожесточенно сопротивлялись. Они постоянно бомбили нас, в том числе и в Ростове. В Батайске одна из бомб упала на дом, где размещались наши снабженцы, двоих убило, остальные были ранены. Мы ездили в Батайск хоронить товарищей. Да и в Ростове у нас были потери от бомбежек. Однако настроение у нас было боевое. Разгром группы Паулюса в Сталинграде, освобождение Северного Кавказа и другие успешные операции наших войск уже не вызывали сомнений в уверенности в нашей конечной победе.

Частые перебазировки штаба фронта и нашего Управления, новые задачи, которые перед нами возникали, как-то стерли воспоминания о прошлой мирной и спокойной жизни. Человек ко всему привыкает. Мы нисколько не сожалели, покидая очередной пункт дислокации штаба, к которому только что успели привыкнуть. В марте из Ростова мы перебазировались в Орехово, оттуда – в Красную поляну и 31 марта очутились в Новошахтинске. Этот шахтерский городок показался мне уютным. Особенно уютными оказались домики-коттеджи, в которых жили семьи шахтеров. Я поселился в одном из таких коттеджей и чувствовал себя в нормальной, правда – фронтовой обстановке.

В Новошахтинске были у меня неприятности. Первая – это размолвка с начальником Управления генералом Михайлуком. Однажды, придя к нему на

доклад, я застал у него молодых начхимов частей, приехавших за назначением. Михайлус вздумал их экзаменовать по химии и требовал написания формул различных отравляющих веществ, Они писали эти формулы совершенно неправильно, а Михайлус, поправляя их, также делал грубые ошибки. Черт меня дернул написать правильную формулу какого-то арсина. Это страшно разозлило Михайлуса (начальство всегда право), и между нами возникла, как пишется в русских летописях, "нелюбовь".

Другая неприятность чуть ли не стоила мне жизни. Однажды утром я вышел из своего домика, и вдруг неожиданно невдалеке разорвалась бомба, сброшенная немцами. Я не помню собственно, что было. Очнулся я в полевом госпитале, около меня стоял врач ... Он сообщил мне, что я более 6 часов был без сознания. Страшно болела голова, она была перевязана. В дальнейшем я узнал от врача, что меня подобрали на улице и сочли убитым и даже уже хотели похоронить. Но кто-то, взявшись за пульс, обнаружил, что я жив и меня привезли в госпиталь тут же в Новошахтинске. Шальной осколок ударил меня рикошетом в левую надбровную дугу, вырвал кусок кожи с мясом. К счастью, попадание оказалось не прямым, и мою рану квалифицировали в госпитале как контузию. Висевший оторванный клочок был прилеплен врачом на старое место и прирос. Пролежал я в госпитале 8 дней, пережил несколько бомбежек и вышел с повязкой на лбу. Казалось, все кончилось без последствий, но оказалось, что последствия были.

Через некоторое время я был вызван к Михайлусу, который сообщил мне, что для меня будет спокойнее, если я буду переведен на должность Начальника химической службы тыла 4-го Украинского фронта. Чувствовал я себя в эти дни неважно и не стал сопротивляться. К тому же, новая должность была самостоятельной. Покинув Управление Химических войск фронта, я принял новую должность. У меня было 6 помощников и работы на новом месте оказалось достаточно. Я перебазировался, естественно, во второй эшелон штаба фронта.

В середине мая 1943 г. я очутился в поселке Артемовский со своими помощниками. Здесь же располагались Санупр фронта и другие тыловые учреждения. На моей ответственности оказалась химическая защита шлейфа полевых госпиталей фронта, главная часть которых располагалась в районе Минеральные воды. Были, конечно, и другие различные объекты. ...

Между тем война шла своим чередом. Фронт временами медленно продвигался на запад, мы были на Украине, и наш фронт назывался 4-м Украинским. В конце августа мы

перебазировались в Ровеньки, а затем в Макеевку. 19 сентября мы были уже в Карловке и работали здесь несколько дней на станции Волноваха, затем переселились в Гайгул. ...

31 октября мы перебазировались в Мелитополь, где я поселился в небольшой избушке неподалеку от железнодорожной станции. В Мелитополе мой отдел работал и отдыхал достаточно нормально, хотя фронт от нас был совсем недалеко. Снова пришлось пережить бомбежки. Наш фронт готовил операцию по освобождению Крыма. Мне то и дело приходилось совершать поездки в различные части, прежде всего в химические роты, которые находились на пополнении. В то время фронтовая связь была уже достаточно надежной. Обычно я пользовался для таких поездок одним из фронтовых самолетов У-2, который мне довольно просто выделяли. Я летал в Ново-Алексеевку, Сокологорскую Акимовку, Владимировку, совхоз "Большевик" и в другие пункты. Многие из них

я не успел записать в свое время. В машине такие поездки в осеннее время были невозможны. На степных дорогах стояла страшная грязь, черная и жидкая. Проехать по таким дорогам было фактически невозможно. В степи дули сильные осенние ветры, которые гнали огромное количество сломленной мясистой травы "перекати поле". В степи были сделаны небольшие заборы-загородки, около которых эта трава останавливалась, образуя иногда довольно большие горы. Трава шла здесь в качестве топлива на зиму. Близ поселков почти всюду стояли огромные бунты пшеницы, обычно поджигавшейся немцами при отступлении. Стоял едкий дым.

Итак, я сажусь в самолет, и мы летим в назначенный пункт вдвоем с летчиком. Подлетая к поселку, летчик спрашивал меня: "Где садиться?" я обычно указывал ему на самый красивый дом, в котором несомненно живет командир, к которому мы летим. Летчик разворачивал самолет и сажал его позади дома совсем рядом. И действительно, из дома выбежал офицер, отдавал рапорт.

Не раз при таких поездках приходилось принимать меры предосторожности. Помню, однажды мы полетели на юг от Мелитополя, всего километров за 30. И только я сошел с самолета в назначенном пункте, недалеко разорвался снаряд, а за ним еще несколько. Пришлось быстро добираться до цели назначения ползком, метров 300. В такого рода занятиях и хлопотах быстро прошла зима. Весна на юге наступила очень рано, совсем не так, как у нас на севере. ...

[Тем временем] наши войска вступили в Крым, и началось его освобождение. Штаб фронта и тыла фронта был перебазирован в Джанкой.

Стоял конец марта, и было непривычно видеть, как в Крыму началась в это время настоящая весна. Степь покрылась зеленой травой, цвели какие-то кустики, было достаточно тепло и приятно. В Джанкое мы в последний раз здорово выпили. Ранее мы употребляли спиртное довольно редко, если не считать "сталинских 100 грамм". Мой снабженец Белоцерковский отпросился на Волгу, чтобы привезти из своих запасов бочку спирта и "кстати" посмотреть состояние химического склада в Ленинске. Через три дня он привез бочку спирта к удовольствию большинства штабников. Но обычно мы выпивали весьма осторожно, особенно в моем отделе, в составе которого было несколько ученых, в частности Л.Нестеренко из Харькова и О.А.Реутов из Москвы (ныне – академик).

В Джанкое мы выпили, однако, совершенно необычно. Немцы, как оказалось, оставили нам здесь целый музей вин. Здесь были итальянские, испанские французские и немецкие вина разных марок, большею частью - очень хорошие. И хотя многие наши соотечественники обычно предпочитают "градусы", мы не без удовольствия впервые в жизни отведали настоящие вина и нашли их прекрасными. Закусывали трофейным шоколадом, предназначенным для летчиков, содержащим какие-то тонизирующие добавки. Джанкой, особенно по ночам, немец бомбил. Севастополь еще не был освобожден, но, вероятно, немцы прилетали с румынских или молдавских баз. Помню трагедию: одна из бомб вечером попала в здание кинотеатра, где в это время шел сеанс. Много народу погибло.

Из Джанкоя в апреле мы перебазировались в Симферополь. Это довольно красивый, но производящий впечатление провинциального город. Здесь также я пережил несколько бомбежек и особенно последнюю в моей жизни. Расположившись на окраине города, мы не особенно заботились о защите. Но немцы, уходя, приказали уничтожить все щели. Последняя бомбежка, которую я

пережил, продолжалась целую ночь. Пришлось отлеживаться в овражке около хаты.

В Симферополе был получен приказ о переформировании штаба фронта. Наш Химический отдел Управления тыла фронта был ликвидирован, и я получил предписание явиться в Москву в Главное военно-химическое управление Армии. На этом закончилась моя фронтовая служба. ... В Москве я очутился 9 мая 1944 года. ...

С начала июня я стал Помощником Уполномоченного Государственного комитета обороны, оставаясь, однако, на действительной военной службе. ...

25 октября 1944 г. я был вызван в ГВХУ и получил приказ об увольнении в запас с действительной военной службы. Таким образом, военная служба, продолжавшаяся только в соединениях и частях армии более 15 лет и не менее 10 лет в территориальных и других войсках и на ежегодных сборах, окончательно закончилась. Однако военный китель мне предстояло носить некоторое время и далее. Я вскоре перевез семью из Горького в Москву, и вновь наступило для меня мирное время. ...

Пять месяцев в Германии

В самом начале мая 1945 г., когда было ясно, что взятие Берлина произойдет не сегодня-завтра, в ВКВШ⁶ было получено распоряжение – направить в Германию комиссию ВКВШ для выявления и сбора научного оборудования и литературы с целью обеспечения высших учебных заведений необходимыми средствами обучения. Речь шла прежде всего об учебных заведениях, которые находились на оккупированной гитлеровцами территории. С.В.Кафтанов⁷ не особенно хотел отправлять меня в Германию в составе комиссии, так как университеты нуждались в особом внимании ВКВШ. Но в конце концов я был назначен заместителем председателя комиссии. Председателем был назначен Начальник военного отдела ВКВШ генерал П.Н.Скородумов. Этот генерал инженерной службы по своей внешности вполне соответствовал своему званию. Он был выше среднего роста с небольшим пузом, всегда весьма аккуратно, с некоторой щеголеватостью одевался и своим мундиром и штанами с лампасами производил впечатление высокопоставленного штабного генерала. Кстати, он мне рассказывал впоследствии, что именно он руководил работами по демонтажу и взрывам известного в Москве Храма Христа Спасителя. У нас в ВКВШ он сидел в особом кабинете Начальника военного отдела, учрежденного во время войны для обеспечения военной подготовки в вузах и подготовки из состава студентов офицеров.

В распоряжении нашей группы было довольно много профессоров, главным образом московских и ленинградских вузов, которые имели задачей вести в Германии оперативную работу по выявлению, осмотру и, конечно, оценке имущества, пригодного для учебных целей и исследовательской работы в вузах. Руководство этой группой профессоров осуществлялось Скородумовым и мною.

Мы выехали из Москвы 5 мая 1945 г., получив военное обмундирование, далеко не офицерское. Будучи подполковником, я мог еще пользоваться кителем

⁶ Всесоюзный комитет по делам высшей школы. – *Прим. сост.*

⁷ Председатель ВКВШ в тот период. – *Прим. сост.*

и шинелью, оставшиеся у меня после военной службы. Мы летели в самолете ИЛ-4 и через три часа были в Варшаве.

Очень грустное впечатление произвел этот разрушенный войной город. Тогда я не знал подробно о событиях, которые произошли в Варшаве за год до окончания войны и, приехав сюда, лишь удивлялся огромным разрушенным районам. Собственно, других впечатлений от Варшавы у меня в то время не осталось. Впрочем, одна мелочь уцелела в памяти. Меня удивило, что молодые ребята-варшавяне, ставшие взрослыми лишь в годы войны, как правило, болтались без дела и пытались торговать. Вот один из них разложил перед собой десяток папирос и продавал их поштучно. Таких "торговцев" оказалось немало. Между тем, в городе начались работы по расчистке завалов, по ремонту сколько-нибудь пригодных для жилья зданий. Кто-то из нас спросил одного из таких "торговцев", почему он не хочет работать для восстановления города, на что был получен весьма уклончивый и неясный ответ. После этого парень тотчас же смылся.

В Варшаве мы пробыли недолго и утром, на следующий день были в Берлине (7 мая) и высадились на аэродроме в центре города. Сойдя с самолета и ожидая указаний, куда именно нам следует направиться, рассматривали с интересом остатки "былого величия" этого центрального германского аэродрома, способного, несмотря на некоторые повреждения принимать и отправлять самолеты. Сидели мы часа два и вдруг к нам весьма приветливо обратились какие-то американские офицеры. В то время "дух союзничества" между США и СССР еще не подвергся дискриминации, и американцы искренно восхищались победами советской армии. Они обратились к нам по-английски, мы отвечали им по-русски, но это не помешало и нам и им понять, что между нами существует, по крайней мере, внешне, искренняя симпатия. Среди офицеров был американский полковник. Посоветовавшись с П.Н.Скородумовым, мы решили угостить американцев русской водкой, которую мы не забыли захватить с собой из Москвы. Тотчас же все было организовано по-походному, и вскоре американцы быстро захмелели и начали проявлять тенденцию обнимать нас. ...

Вскоре мы узнали, что нам отвели помещение в Карлсхорсте, куда нас отвезли на машине и где мы ночевали. Но на другой день нас перебазировали в небольшой городок, километрах в 20 от Берлина – Нейенхаген. Мы заняли здесь вдвоем со Скородумовым большой двухэтажный дом, довольно хорошо обставленный, и поселились в нем с полными удобствами.

Война еще формально не кончилась. В Берлине кое-где слышалась стрельба. Тем не менее, с первого дня своего пребывания мы большую часть времени проводили в Берлине, знакомясь с городом и его центральными районами. В то время Берлин представлял собой страшное зрелище. Вся центральная часть его была в развалинах. Всюду еще дымящиеся следы только что закончившихся боев. Из всех окон многоэтажных домов виднелись "белые флаги" – простыни и прочее, означавшие, что жители соответствующих квартир капитулировали. Однако ходить по такому капитулировавшему Берлину было далеко не безопасно. Отдельные отчаявшиеся снайперы брали "на мушку" любого советского военнослужащего. На улицах было еще немало неубранных трупов. Особое впечатление производили огромные бетонные сооружения – бункера-бомбубежища. Всюду торчали еще фашистские плакаты. Больше всего было плакатов, призывавших к бдительности – надписи на них: "хорьх". Небезын-

интересно было смотреть на многоэтажные здания, прошитые бомбами до основания. Некоторые из таких зданий как бы представляли жизнь немцев "в разрезе". Вот здание, на всех этажах которого обнажены кухни, ванн комнаты, бывшие довольно роскошные залы, любопытство толкало нас, впервые очутившихся за рубежами своей страны, посетить уцелевшие от разрушений районы города. Пользуясь картами-планами (немецкими и русскими), которых было достаточно, мы познакомились с городом.

Особенно вспоминается день победы – 9 мая. Мы приехали на машине в центр – Тиргартен. Помню огромные толпы наших ликующих солдат с небольшой примесью иностранных – французов и англичан. Все кричали, шумели, иногда стреляли в воздух из различных автоматов, винтовок и пистолетов. Радость была всеобщая. Победу отмечали знатно и внушительно, хотя выражение радости у наших солдат "славян" было непосредственным и искренним. Конечно, было в толпе солдат и довольно много "выпивших" где-то. Вероятно, были ликвидированы некоторые запасы "сталинских 100-граммовок". Мы бродили в толпе ликующих и сами были полны радости и восторга.

После праздника первого дня победы, носившего по инерции еще чисто фронтовой характер (стрельба из ручного оружия), для меня и П.Н.Скородумова начались будни работы, ради которой мы приехали в Германию. Нам надлежало обследовать исследовательские, вузовские и промышленные лаборатории и собрать все, что могло бы пригодиться в учебном процессе наших учебных заведений и облегчить тяжелое положение вузов, которые были на территории, оккупированной фашистами в годы войны.

В нашем распоряжении была довольно многочисленная группа ученых из Москвы, Ленинграда и других центров. Среди них были видные квалифицированные специалисты в различных областях науки и техники. Всем им было выдано военное обмундирование, и они прицепили себе погоны, какие кто хотел, вплоть до полковника. При этом все они не имели никакого представления об армейском порядке, о дисциплине и прочем, что вело иногда к смешным недоразумениям. ... Каждое утро в нашей резиденции в Нейенхагене появлялись многие из этих ученых, получали (по согласованию) конкретные задания и уезжали в Берлин и другие города. Хотя они нам и подчинялись, но в сложившейся обстановке работали и вели себя самостоятельно. Они добывали себе автомашины – "Опель", BMW и другие – и ездили по всей Германии и иногда даже по другим странам. Иной раз лишь через неделю-две они являлись к нам с докладами и получали указания.

После утреннего приема ученых и различных должностных лиц, мы сами отправлялись в Берлин для ознакомления с достаточно хорошо известными вузами, лабораториями и учреждениями. Пользуясь старыми планами Берлина и некоторыми книжками, описывавшими город, мы обследовали не только то, что уцелело от бомбежек, но и среди развалин находили книжные магазины и пытались найти магазины лабораторного оборудования.

Хозяева нашего дома были люди довольно зажиточные. Самого хозяина не было на месте, он, как сказала мне хозяйка, был в армии, от него не было давно известий и, может быть, он находился у нас в плену. Отец хозяина – старик, выселенный из дома и живший где-то у соседей, с утра до вечера работал на огородном участке около дома, то удобряя (из выгребной ямы у дома) те или иные грядки, то вскапывая новые грядки, на которые он сажал овощи. Он собирал

несколько урожаев за лето и, сняв урожай с одной из грядок, он тут же ее перекапывал и сажал что-то другое. В саду было много фруктовых деревьев, выращенных так, что их ветви образовывали разные причудливые фигуры. Жена хозяина 35-летняя фрау очень редко показывалась на дворе. Впрочем, она однажды пришла ко мне с какой-то просьбой по дому и удивила меня, проведя пальцем по столу: "Фу, штауб!", и попросила разрешения сделать уборку в моей комнате. У нас была специальная уборщица из русских, и я сказал, что доволен ее работой. Она с возмущением спросила меня, как я могу жить в такой грязи. Пришлось разрешить ей сделать уборку в моих апартаментах. Через два часа мои две комнаты были "вылизаны". Действительно, после уборки стало ясно, что у меня было порядочно грязно и пыльно. Я поблагодарил и вместе с тем удивился такой приверженности немок к наведению чистоты. Впрочем, я скоро убедился, что главным занятием немецких хозяек было ежедневное, усердное мытье окон снаружи (внутри я не знаю). В сущности, такими столкновениями и ограничивались наши редкие встречи с хозяевами дома.

Что касается моих собственных рекогносцировок в Берлине, то я, прежде всего, заинтересовался "Технише Хохшуде" в Берлине, в Шарлоттенбурге. Это было огромное по нашим масштабам высшее учебное заведение, занимавшее большую территорию с многими корпусами институтов. Во многих из них побывали уже, видимо, наши ребята, но раньше их свои же немецкие любители легкой добычи. Об этом свидетельствовали вскрытые в лабораториях сейфы, валявшиеся на полу разные предметы, в том числе платино-родиевые термомпары и другие. По-видимому, термомпары эти были приняты за обыкновенный кусок медной проволоки и брошены. Тащили же прежде всего вещи, которые казались пригодными для каких-нибудь целей, в том числе фотоаппаратуру, объективы, непонятные, но красиво выглядывшие предметы оборудования, которые, впрочем, выбрасывались во дворе при ближайшем рассмотрении.

Когда я впервые приехал в Высшую техническую школу, на дворе лежали еще неубранные трупы немецких солдат. Видимо, здесь был один из последних опорных пунктов. Я вошел в одно из помещений и к своему удовольствию, попал в химическую лабораторию. Здесь же была и лабораторная библиотека с комплектами научных журналов. В лаборатории я застал какого-то немца, почтительно спросившего меня, чем я интересуюсь. Я знал тогда немецкий язык совсем плохо и спросил все же немца, какая это лаборатория. Оказалось, что это лаборатория Института химической технологии. Мы сели и начали разговор о занятиях этой лаборатории. Немец спросил меня, не химик ли я, и узнав, что я коллоидник, почтительно спросил мою фамилию. Я назвал ее. Он тотчас же пошел к полке с книгами, достал указатели "Хемишес Центральблатт", быстро нашел мою фамилию, а по ней несколько рефератов моих статей и спросил, не мои ли это статьи? После моего утвердительного ответа он начал мне развивать свои соображения о необходимости заключения тесного союза между СССР и Германией. Он уверял, что такой союз был бы не только лучшим выражением мирного договора, но и привел бы к быстрому техническому прогрессу. У вас – говорил он – много сырья, у нас – технология, что было бы для обеих сторон весьма плодотворно. Он, конечно, ничего не понимал в политике.

В дальнейшем я многократно бывал в Шарлоттенбурге и довольно хорошо познакомился с химическими и химико-техническими лабораториями. Были туда направлены соответствующие люди для учета и изъятия имущества. Между

прочим, я попал однажды в лабораторию известного физикохимика Макса Фольмера. Здесь никого не было, но лаборатория была в полном порядке. Видимо, работа здесь шла до самого конца, т.е. до взятия Берлина. Меня удивило, что в этой лаборатории, наряду с довольно сложными установками и приборами, на одной из полок стоял старинный капиллярный электромметр Липпмана в прекрасном состоянии. Я работал с этим прибором в студенческие годы и как руководитель практикума в Нижнем Новгороде, но еще перед войной эти приборы у нас были выброшены.

Впоследствии мне удалось познакомиться с Фольмером и провести с ним часа два в приятной беседе. К сожалению, большая часть немецких ученых, в частности, химиков в то время совершенно исчезла, не посещала своих лабораторий, видимо, боясь попасть в неприятную ситуацию при встрече с нами.

Прочно остались в памяти потрясающие сцены, которые происходили в мае 1945 г. в Берлине и в его окрестностях. Я видел многие десятки тысяч людей разных национальностей, освобожденных из лагерей смерти гитлеровцев. Они были собраны в Берлине для отправки в свои страны. Потрясала не только их масса, но главным образом внешний вид – кожа и кости. Хотя они еще не оправались от голода и мучений, которые им пришлось перенести в лагерях, они все ликовали и веселились. Их кормили из солдатских походных кухонь. Колонна за колонной ... бывших заключенных то и дело проходили мимо нас, ликующие в предчувствии скорого возвращения домой. ...

Далее, помнится начало демобилизации наших солдат. На машинах, груженных доверху различным барахлом, чемоданами, велосипедами, свертками и т.д., ребята ехали к железнодорожным станциям, грузились в товарные вагоны с песнями и весельем. Вообще, конец мая и начало июня в Берлине были полны незабываемых впечатлений от событий и сцен, которые далеко не всякому удается посмотреть раз в жизни.

В Берлине и в других городах Германии мы насмотрелись и на поверженные памятники Германской империи, на рейхстаг, его внутренности, исписанные сверху донизу нашей братией, посещавшей это гнездо, с которым у всех в памяти было связано начало гитлеровских авантур. После, уже в более спокойной обстановке, я чуть не ежедневно посещал рейхстаг и прогуливался по близлежащим улицам. ...

Бывал я и в бункерах, в которых располагались штабы гитлеровских соединений, видел затопленное метро (унтербан), где погибло много товаров, снесенных туда торговцами во время бомбежек. Но обо всем не расскажешь.

Каждое утро наш второй этаж дома в Нейенхагене наполнялся посетителями. Это были профессора и работники советских вузов. Происходило короткое совещание, выслушивались предложения и принимались решения. Многие из наших профессоров, имевшие машины, найденные случайно, приезжали издалека – из Дрездена, Лейпцига, Кеннигсберга и других городов нашей зоны. Получив соответствующие указания, все наконец отправлялись к своим машинам и ехали в свои районы. Около 12 часов я обычно отправлялся в Берлин, где работало несколько наших групп по сбору оборудования. В разрушенных зданиях в центре города прикомандированные к нам офицеры находили книжные склады, магазины с разными товарами. Однажды был обнаружен большой книжный склад Шпрингера (тогда еще занимавшегося изданием книг научного содержания), и

было решено книги эти конфисковать и, запаковав, перевезти к железнодорожной станции.

У нас, конечно, не было рабочих для упаковки большого количества книг, за исключением несчастной группы работников воронежских вузов, насильно угнанных гитлеровцами в Германию. Но они были истощены и хлопотали об отправке домой. Было решено использовать для упаковки книг немцев, но как их мобилизовать? В конце концов мы поставили на улицах патрули, которые задерживали всех проходящих немцев, за исключением стариков и детей. Таким путем нам удалось найти рабочую силу. ...

Немало забот и работы было и с другими делами. Так, однажды кто-то из профессоров привел ко мне немца, который имел отношение к производству известных ракет ФАУ-2. Он был специалистом по радиотехническому оборудованию ракет. Я пригласил его к себе и расспросил об его занятиях во время войны. Оказывается, он был конструктором радиооборудования ракет. Сообщив об этом соответствующему начальству, я распорядился арестовать его "на особых условиях", т.е. поселил его в комнате соседнего дома и приставил к нему часового, который не должен был выпускать его из вида, но позволять ему делать прогулки в нашем расположении. Этот немец причинял мне немало забот. Каждое утро я получал от него аккуратно написанные записки с сообщением об его самочувствии и разных бушевавших его тревогах. Он решил почему-то, что его скоро отправят в тюрьму или в лагерь. Пользуясь обедом из нашей столовой, который ему приносили с излишне большим количеством хлеба (по-русски) он, как я скоро заметил, стал сушить излишний хлеб на окне на солнце, запаса сухари на всякий случай. Он просил также сообщить о нем родственникам и наделал назойливо...

Однажды один из офицеров сообщил мне, что в западной части Берлина в районе заводов Сименса он обнаружил какое-то странное сооружение, обнесенное земляным валом с бетонными сооружениями внутри вала. Я тотчас же отправился вместе с ним осматривать сооружение. Я внимательно осмотрел сооружение снаружи, перешел через вал внутрь, где стояло массивное железное сооружение, и вдруг мне пришла в голову мысль, что это циклотрон. Обойдя еще раз внутренности сооружения, я почему-то твердо пришел к выводу, что это циклотрон, хотя я никогда не видал ранее ничего подобного. Выйдя из помещения, обнесенного валом, я увидел заводы Сименса, зашел в одно из зданий. Оно оказалось совершенно пустым.

Я решил прежде всего поставить охрану к обнаруженному объекту, чтобы с помощью специалистов точно установить его назначение. В помещении явно кто-то уже был, я отправился в штаб корпуса с просьбой о выделении охраны. Оттуда, получив распоряжение, я по инстанции был направлен в штаб дивизии и, наконец, попал в штаб полка. Командир полка принял меня, что называется, "с распростертыми объятиями" и, прежде чем выделить мне наряд для охраны, пригласил меня с ним пообедать. Мы пообедали отлично с участием прекрасных вин. После этого, он подарил мне фотоаппарат на память и, наконец, распорядился о карауле. Передо мной явились 7 храбрых ребят во главе со старшим лейтенантом – осетином по национальности. Я привел их на объект, разъяснил лейтенанту его значение и важность охраны. Он прекрасно все понял и доложил мне, что никого, даже генерала на объект не пустит. Очередной часовой сел на

верхушке вала, который закрывал объект, и я, распрощавшись с лейтенантом, уехал. Тотчас же я отправил в Москву шифровку.

Осетин оказался на высоте. Буквально через 3 дня из Москвы прибыла специальная часть (батальон) для демонтажа циклотрона.

Они немедленно отправились на объект, но осетин не подпустил командира и разъяснил, что только с моего разрешения он может снять караул. Пришлось прибывшему начальству приехать ко мне в Нейенхаген показать документы, и мы вместе отправились на объект. Я снял охрану, заехал к командиру полка и выразил ему свою благодарность. ...

В сентябре 1945 года я вернулся в Москву, передав свои функции приехавшему мне на смену товарищу. Я побывал в первый раз в жизни за границей и хотя имел мало времени наблюдать всякого рода явления, отличающиеся от нашего уклада жизни, все же получил достаточное представление об Европе и ее жителях. Я привез из Берлина два чемодана книг и две пишущих машинки. Дома я застал большую нужду. Тотчас же пришлось продать машинку "Ундервуд" – это меня несколько выручило. Меня упрекали, что я ничего хорошего не привез – ни мебели, ни ценных вещей. Но, откровенно говоря, было стыдно "барахолить", да и не тем я был занят целые 5 месяцев.

С возвращением в Москву у меня начался новый этап жизни.

II

Но музы не молчали...

Стихи фронтовиков

Л. А. Блюменфельд

Блюменфельд Лев Александрович (23.11.1921–3.09.2002). Поступил на химический факультет в 1939 году. В октябре 1941 с третьего курса ушел на фронт, был связистом, пулеметчиком. После школы командиров получил звание лейтенанта; служил в артиллерийских войсках и в разведке. Воевал под Харьковом, Полтавой и Одессой, участвовал в Яско-Кишиневской операции, в тяжелейших боях у озера Балатон. Два раза был тяжело ранен. За боевые заслуги Л.А. Блюменфельд был награжден тремя орденами и восемью медалями. День Победы встретил в госпитале после тяжелого ранения. Защитив диплом, поступил в аспирантуру в Физико-химический институт им. Л.Я.Карпова, кандидатскую диссертацию защитил в 1948. Доктор химических наук (1954), основатель кафедры биофизики физфака МГУ (1959), которую возглавлял в течение 30 лет. Область научных интересов: магнитная радиоспектроскопия, молекулярная биофизика, биоэнергетика. Автор семи книг и более 300 публикаций в научных журналах. В 1996 году вышла его автобиографическая книга "Две жизни".

9 мая 1945 года

Бессонница и жесткая кровать,
А до рассвета долго, третий час.
Вдруг радио и "Говорит Москва",
И утром сестры поздравляли нас.
Война окончилась, а я живой.
И буду жить, и возвращусь в Москву,
И все, что в снах вставало предо мной,
Я, наконец, увижу наяву.
Мне долго смерть туманила глаза,
И я забыл, как хороша земля.
Мне лишь сегодня ветер рассказал,
Что май пришел, что зелень на полях.
Теперь я вижу, как прекрасен мир,
Вещей чудесных в нем не сосчитать,
И все зовет: возьми меня, возьми!
И надо лишь осмелиться и взять.
И верится, что будет так всегда,
И больше не уйдет с земли весна.
Ведь если мерить жизнь не на года,
А на часы, то как долга она.

* * *

**Баллада о моем друге капитане
Семене Ивановиче Голубовиче,
расстрелянном в Бессарабии 18 мая 1944 года.**

Это было на Малой земле
С той стороны Днестра,
Где все измученнее и злей,
Где люди забыли страх.

Пять километров ширины
И в глубину два,
Такого за три года войны
Я еще не видал.

Было много пехотных полков
С той стороны реки.
Тридцать, двадцать, меньше штыков
Водили эти полки.

Тот, кто на той стороне был,
Мог бы по пальцам счесть
Пушки, танки и наши гробы-
СУ-76.

В то время шла по земле весна,
Цветы принося полям,
Но трупов было больше, чем нас,
И мы задыхались там.

В ушах стоял орудийный гром,
В глазах пожаров огни,
И столько пуль летело кругом,
Что сталкивались они.

И часто не спали на том берегу
С утра и до утра.
Нам рвал перепонки Юнкерсов гул
И жалили Мессера.

Со мной воевал один комбат,
Он был товарищем мне.
Спокойный, смелый, простой солдат,
Как многие на войне.

Он самоходки в атаку водил,
Сам всегда в голове,
И дзоты гусеницами давил,
Будто бы на КВ.

Мы рвались на север, на запад, на юг,
Ходили в немецкий тыл.

Сгорела машина его в бою,
И сам он контужен был.

А утром рано, едва чуть свет,
Комбатов созвал командир:
– Сигнал к атаке – пачка ракет,
Начало – двадцать один.

Для подготовки даю весь день,
Пехота – поддержка нам,
И эту, как сотни других, деревень,
Взять и остаться там.

А он поднялся и сказал так,
Стоя у всех на виду:
– Вчера я сделал двенадцать атак,
Сегодня я не пойду.

В моих висках словно молот бьет,
Сумрачен солнца свет.
Пусть батарею другой ведет.
Полковник ответил:
– Нет.

Он не на ветер бросал слова,
Весь день пролежал больной.
Две самоходки комбата –2
Не вышли сегодня в бой.

А восемь машин других батарей
Ворвались, дома круша,
И пять возвратились к нам на заре –
Пехота не подошла.

А утром на лодке приплыл майор
К полковнику и сказал,
Что он из Армии прокурор,
И книжечку показал.

За то, что полк не исполнил приказ,
Деревню отдал врагу,
Пять процентов полка и вас
Я расстрелять могу.

Полковник наш побледнел слегка,
Но овладел собой.
– Второй комбат моего полка
Не вышел вчера в бой.

Увел майора к себе в блиндаж
И долго что-то шептал,
А после взял майор карандаш
И приговор написал.

Верно полковник с ним неспроста
Пару часов сидел.
Весь офицерский состав
Выстроить он велел.

Вышел майор, видно спеша,
Выстроились едва,
И, в руках бумагу держа,
Вызвал комбата-2.

Плечи расправив, потупя взор,
Он перед строем стоял,
Пока, заикаясь, нам майор,
Приговор прочитал.

Я не помню его слова,
Я на друга смотрел.
Как опустилась его голова,
Услыша в конце: расстрел!

Встал позади у него солдат
В трех-четырех шагах.
В спину направленный автомат
Трясся в его руках.

Понял он, что сейчас конец,
И крикнул:
– Прощай, друзья!
Прощай, мама! Прощай, отец!
Прощай, Наташа моя!

Руки за спину он сложил,
Плечи выше поднял,
Ноги расставил, глаза опустил
И пули в затылок ждал.

И автоматчик курок нажал,
Но автомат молчал.
Он пять минут перед нами стоял
И пули в затылок ждал.

Бросил наземь майор автомат,
Свой пистолет взял
И восемь пуль в затылок подряд
Одну за другой послал.

В лесу под топодем он зарыт,
И мать его не найдет,
Могилы нет, и крест не стоит,
И мох наверху растет.

Я пишу на Малой земле
С той стороны Днестра,
Где все измученнее и злей,
Где люди забыли страх.

Никто не знает – где и когда,
Пуля или снаряд.
А лодки возят людей сюда
И никого назад.

* * *

Скучно. Ноет рана. Душно у окна.
За окном чужая, сонная страна.
Порами асфальта впитывает жар
Город Белых Стульев – Секешфехервар.
Неподвижно солнце. Бесконечен день.
Скоро я поправлюсь и вернусь домой,
Все закроет время дымной пеленой,
Я уже не вспомню в думах о другом
Вой летящей мины и разрыва гром.
Долгими ночами не приснится мне,
Как стучат осколки сверху по броне,
Как за черным дымом, выстроившись в ряд,
Танки на полях неубранных горят,
Как в бездонном небе ходят облака
За хребет карпатский, за зубцы Балкан.
Я забуду скоро, знаю хорошо,
Все, что я увидел, пережил, прошел.
Может лишь случайно в сутолоке дней
Выплывут в тумане памяти моей
Странные, смешные, глупые слова:
Город Белых Стульев – Секешфехервар.

* * *

Не говори: настанет день,
И настоящее начнется,
И солнцем счастье улыбнется
Сквозь жизни серенькую тень.

Ты лишь сегодняшнего автор,
Забудь про годы впереди
И не надейся, и не жди
Ненаступающего завтра.

Ты станешь ждать, а все пройдет
Тоскливой вереницей буден.
Тот, кто сегодня не живет,
Тот завтра тоже жить не будет.

Иди ж дорогою своей,
Пока выдерживают ноги.
Ведь жизнь слагается из дней,
И даже не из очень многих.

1940

* * *

Кто сказал вам, что я поэт?
Кто поверил, что я ученый?
На боку моем пистолет,
На плечах у меня погоны.

В струнку вытянувшись, иду,
Такт подметками отбиваю.
Без излишних и вредных дум
Я сквозь жизнь строевым шагаю.

Отвлеченное чуждо мне,
Ко всему отношусь спокойно,
Лишь о женщинах и вине
Говорить для меня достойно.

Пятачки на груди людей –
Верх возможной на свете славы.
Я присяге верен своей,
Я читаю одни уставы.

Я на вещи и мир гляжу
Через призму сапог солдатских,
Я людей по плечам сужу,
Презирая нескладных штатских,

Потому что один просвет
Украшает мои погоны.
Кто сказал вам, что я поэт?
Кто поверил, что я ученый?

С. Н. Ковшов

Ковшов Серафим Николаевич, р. 7.09.1925, с. Стрельниково Темниковского р-на Пензенской обл. (ныне на территории Мордовии). В 1930 г. с родителями переехал в Москву. Призван в армию 3 января 1943 г., служил под Хабаровском. После гибели на фронте отца попросил командование о переводе в действующие части на передовую. В конце 1943 воевал под Ржевом, с марта 1944 – в составе Ленинградского фронта на Финляндском направлении. Был командиром отделения противотанковых ружей, затем старшим радистом батареи дивизиона. Демобилизован в 1946 г. Закончил Техникум при МВТУ (1950). С 1953 г. по настоящее время работает

мастером по точным приборам на Химфаке. Имеет звание "Заслуженный работник МГУ".

Я не устану вспоминать
Где сорок первый, май тревожный,
Как призывала нас Русь – мать
Быть на чеку, война возможна.

Войны начало встретил я,
Как все в Москве не истерично,
Как каждая в Москве семья,
Без паники – патриотично.

В июле проводы отца
На южный фронт у эшелона,
Над головами без конца
Горланил рупор “по вагонам”.

Войне пошел второй уж год,
В руках “повестка”, дух бойцовский,
Семнадцать мне и мой черед
Пришел ряды пополнить в войске.

Я мигом в техникум примчал,
Где я учился, по соседству,
Ввалился в класс и прокричал,
Пришел проститься с моим детством.

Прощайте люди дорогие,
Я нашей дружбе очень рад,
Теперь, как многие другие,
Я по призванию солдат.

Судьба нам многим повелела
Исполнить свой гражданский долг,
Пока война не отгремела,
Священный долг – армейский полк.

Прощай Евгения, признаний
Не забывай и не тоскуй,
Я увожу с собой наш ранний,
Мой первый в жизни поцелуй.

И вот теплушка на восток
Меня увозит к Уссурийску,
Где получить закалку смог
В восьмом полку артиллерийском.

А в декабре на фронт попал
На Ленинградский в сорок третьем,
Дивизион меня избрал
Своим комсоргом на совете.

Я с малых лет стихи писал,
Они в окопахгодились,
Я их солдатам напевал,
Слова на музыку ложились.

* * *

Опустилась прохладная ночь,
Надо очень солдатам поспать,
Завтра вновь на врага наступать,
Нужен сон, не то будет невмочь.

Фронтная лампа коптит
Погребок, приютивший людей,
Кто с любовью к Отчизне своей
Кровь готовы в сраженьях пролить.

Из соломы скупая постель,
Она снимет, конечно, усталость
И согреет на лицах печаль
До рассвета родная шинель.

Полумрак задрожал от огня
И погас совершенно к утру,
И проснулись солдаты для дня,
Покидают ночную нору.

* * *

Передний край, снаряд чужой
Накрыл радиста – худо дело
И мне приказано – освой
Радиостанцию в неделю.

В июне армия пошла
На город Выборг в наступленье,
Гордилась русская душа,
Ведь мы несли освобожденье.

Был древний Выборг штурмом взят,
Дорога к Хельсинки открыта,
Финляндцы дальше не хотят
Сопротивляться, – карта бита.

Коль финны вышли из игры,
Нас перебросили под Ригу,
Еще там много немчурь,
Пора кончать с фашистским игром.

Привал.., последний завтра бой,
Разволновался я в траншее...

Как захотелось мне домой
Живым вернуться и скорее.

Удался бой не без потерь,
Враг оказался очень лютым,
С какою горечью теперь
Я вспоминаю ту минуту...

* * *

Как умирал простой солдат в отряде
После боя на руках моих
И в его живом последнем взгляде
Мы наказ читали для живых.

Возвращайтесь! Вас заждались дети,
Будьте, как родные для сирот,
Вы теперь без нас за все в ответе
На тысячелетие вперед.

Покорите мир прекрасной жизнью
И скажите молодым друзьям,
Что за нашу милую Отчизну
Мы сложили головы не зря.

Взгляд грел, в нем не было печали
От того, что не вернется в дом,
Этот взгляд мы вместе с ним считали,
Как салют Победы над врагом.

Мы подняли вверх свои винтовки
И раздался залп по всей земле,
Это было нашим заголовком
Всем указам, изданным в Кремле.

* * *

Я вернулся домой, мама, ну же, встречай
Утомленного сына войной,
Что, родная, стоишь,
Удивленная смотришь на мой
На пробившийся волос седой.

Подойди, обними, расспроси обо всем,
Расскажу, как страдаю все дни,
Я и каждый второй
Под пургой и среди знойных равнин
Мы дожили до ранних седин.

Не тревожься за мой от осколка рубец,
Не томись ты в догадках, постой,
Я ведь цел посмотри,

Для тебя я остался живой,
Разве ж волос немного седой.

Ни тогда, когда в окопах жил,
Ежился в мороз январский хлесткий
И когда о доме я тужил,
В рот не брал я горькой папироски.

А вернувшись, сразу три подряд
Закурить я в первый раз решил,
Я с войны вернулся час назад,
Потому на радость раскурился.

В дальнейшем путь
Мой в жизни – муть,
Метался, как подследственный,
То пел свой стих,
То в пляс, как псих,
Боялся быть посредственным.

Прошло пять лет,
Нашел я след,
Он вывел в мир прекрасного:
“Кармен” – “Бизе”,
“Балет” – “Жизель”,
Прошла пора ненастная.

* * *

И вот восьмое марта подошло,
В восторге я от русских женщин наших,
Как нам мужчинам с ними хорошо,
Нет в мире их добрей, умней и краше.

Следит весенний март, застенчиво
Напоминая нам, мужчинам, вновь,
Мол, берегите, не обидьте женщину,
Она и материнство наше и любовь.

Кто нас рожал, выращивал годами,
С молитвой чьей мы дрались в дни войны,
Кому мы письма с фронта слали сами,
Им, матерям своим, которым нет цены.

Что без женщин мы, мужчины, значим,
Без сестер, знакомых и без жен,
Станет пусто, от тоски заплачем,
Друг на друга бросимся с ножом.

Поклонитесь женщине сегодня,
Подарите женщине цветы,
Ведь сегодня самый благородный

День в году – день женской красоты.

* * *

Пришел я в университет
Работать точным мастером
И вот уже полсотни лет
Работаю с пристрастием.

Недавно ректорский совет
Присвоил в знак признания
За стаж и вклад мой в факультет
Заслуженное звание.

Друзья решили сесть за стол
Обмыть такие почести
“И елки палки, лес густой...”
Мне тоже выпить хочется.

Прошло всего полжизни человеческих,
Когда земля откашлялась войной,
А кое-где опять горланят речи,
Мол, мир не так раскрыт под луной.

С врагами ясно – пушки наготове,
Есть что в ответ угрозам предложить,
Вот со жратвой у нас пока хреново,
Нет денег у простых людей, а как же жить.

Причиной зла и матерных проклятий
Свои враги – дельцы и торгаши,
Живут, шикая, в блате и разврате,
А мы за них работай и паши.

А где закон, куда глазают судьи,
Кто наш спасет беднеющий народ,
Я убежден, что будет правосудье
И что Дзержинский новый к нам придет...

* * *

Друзья мои – свидетели Победы,
Участники боев, тыловики,
Забудем на мгновенье наши беды,
Поднимем тост за русские полки!

Сегодня праздник шестидесятилетия
Со дня Победы славной над врагом,
Накажем своим внукам, своим детям,
Любите Родину, как отчий дом.

Э. М. Дмитриев

Дмитриев Элли Михайлович, р. 13.01.1923 в Москве, поступил на Химический факультет в 1940 г., закончил в 1950. С октября 1941 по весну 1942 г. в числе других студентов химфака отправлен учиться на курсы химзащиты Военно-химической академии, затем в училище в Самарканде, откуда выпущен лейтенантом с должностью «начальник химической службы полка». На фронт попал в сентябре 1942. Воевал в составе Калининского и Воронежского фронтов, на Курской дуге; затем в составе 7 гвардейской армии 2-го Украинского фронта (1944-45). В феврале 1945 в районе оз. Балатон был контужен и попал в плен, более месяца находился в немецком лагере Кайзерштейнбох (Австрия), после освобождения оттуда – три месяца в лагере в Башкирии проходил спецпроверку. Демобилизован и восстановлен в звании в конце 1945 года.

Работал в НИИ Местной промышленности, затем 30 лет на кафедре физики в Московском энергетическом институте. Доцент, кандидат технических наук. В настоящее время – пенсионер.

СЛЕДЫ НА ПЕСКЕ

*По-прежнему давнее кажется давешним.
Борис Пастернак*

Когда это было – теперь и не верится,
хоть в памяти теплится образ живой:
весна, именины расцветшего сердца,
сакральные замыслы, свиданья с Москвой.

Свежа была юности позолота,
но ценность ее мы не знали тогда;
куда-то спешили, искали чего-то,
считали минуты, а не года.

Мы не стремились к законченным знаниям,
но широк был помыслов круг:
мы до ночи спорили о Северянине
и до утра играли в “буру”.

И обсуждали так живо и страстно:
и неберущийся интеграл,
и бросок неудачный Квасникова,
и вчерашний студенческий бал.

И с одинаковым интересом
воспринимали фантазий взлет,
вести, почерпнутые из прессы,
и наискабрезнейший анекдот.

Третьестепенным считали мы вывихи
интеллигентских высоких лбов.
Место второе – отдано выпивке.

Ну а на первом месте – любовь.

В жизнь страны мы вникали редко,
пафос гражданский нам вовсе был чужд.
А страна жила пятилетками,
прославляла стахановский труд.

А в стране затевалось разное:
ломка церквей и прокладка метро,
смычки, рекорды, процессы, казни,
льдина Папанина, гулагский Дальстрой.

Как четок шаг караульной смены!
Как сладок сталинской трубки дымок!
А что там вершат за кремлевским и стенами –
все это нам невдомек.

Ясно: радостей, а не печалей
ждали мы из-за этих стен.
И что же с нас взять! Мы ведь не знали,
даже какой он есть, этот Кремль.

Мы же туда не могли заходить,
доступен был только внешний огляд:
Красная площадь, Кремлевская набережная,
Каменный мост, Александровский сад...

Под небесами, покамест мирными,
не прилипал к нам казенный стиль –
сами себе были кумирами,
сами себя распыляя в пыль.

То – пробавлялись танцами, песнями,
то – предавались любовной игре;
и было нам – весело, весело, весело;
и не было дела – что там, в Кремле.

Так, не страдая ни спесью, ни гордостью,
думали: “Как-нибудь жизнь проживем”.
А если случались какие грести,
то их смывало весенним дождем.

Но вот – хоть достаточно было предвестий,
что нам подложат другое меню, -
всё же, как громом из поднебесья:
двадцать второе, месяц июнь.

Все упования – как ветром сдунуты,
прахом развеяны, втоптаны в грязь...
Нежданно-негаданно в том июне
юность наша оборвалась.

Так беспощадны судьбы скрижали,

всё превращающие в ничто;
так неизбежно ее ожидали,
но никого, кто к ней был готов.

И разбросало нас по окопам
до по бескрайней российской земле.
И только теперь – шепотом, ропотом:
а что же думают там, в Кремле?

Какие теперь распевать нам песни?
Какие теперь объяснения в любви?...
И - идут неблагоприятные вести:
этот убит... и этот убит.

Выворот. Выморка. Охолодь. Оторопь.
Леший и ведьмы в чащах лесных.
Всё уже отдано. Всё уже отнято.
И остаются нам только сны.

В яви – наш каждый шаг очерчен.
В яви – в душах провал, пустота.
А в снах мы можем любить своих женщин.
А в снах мы можем даже летать.

И, пролетев над страной непрощаемой
тысячи ранее пройденных верст,
мы возвращаемся, мы возвращаемся:
кто-то в свой дом, а кто – на погост.

О как же, как просыпаться не хочется!
Побыть бы подольше в объятиях сна!
Но помнишь: война еще не окончена.
Но знаешь: завтра – опять война.

Война не окончена. Много ли, мало ли
бревен класть под последний венец?
И все же – кому-то, кто видел начало,
дано прозревать и ее конец.

Вот я, один из несметной стаи
тех людей, что уходят в смерть,
я не загадываю, не чаю,
но доверен отпечатлеть:

С трудом прорвавшись
сквозь растр тумана,
посланец гордый
небесных круч,
гигантским бивнем
сквозную рану
в стекле буравит
рассветный луч.

Как знать – какие еще потери?
И сколько дней еще? И сколько лет?
Но будем верить – как в Бога верить –
В тот прозреваемый рассвет!

1945

В ЛАГЕРЕ (1945)

ВОСПОМИНАНИЯ О 22 ФЕВРАЛЯ

Эту рану ничто не излечит.
Всё возникнет – одно за другим, –
Только вспомню: февральский вечер,
поле взрытое, серый дым;
в тяжком воздухе танков скрежет,
пулеметов свинцовую трель...
Капли крови из раны свежей
на мою стекают шинель.
Ты лежишь... Гаснет жизни пламя.
Я в глазах твоих вижу смерть.
Нина! Нина! Какими словами
говорить о тебе теперь?!

Чуть забудусь – бездушно и дерзко
в память врежется черная тень,
и возникнет: в селе венгерском
тот безумный и страшный день.

Все сидели в сыром подвале.
Лица прятала полутьма.
А на улице – мины рвались,
загорались, как свечи, дома;
а на улице – порохом пахло,
и пугал каждый новый звук...
Но мы шли с тобою без страха
и без страха смотрели вокруг.
Рядом – бой кипел, не смолкая,
а земля
улыбалась весне,
и на солнце медленно таял
под ногами розовый снег.
О весна! Ты была ошибкой.
Принесенной из жизни другой.
Но для нас – обернулась улыбкой
неожиданной и дорогой.
Так мгновенно оранжевой лентой
кто-то наши сердца обвил,
и, зажженное искрой момента,
ярко вспыхнуло пламя любви.
В безудержном порыве к счастью
жизнь была нам уже нипочем:

безотчетно отдавшись страсти,
мы не думали ни о чем.
А от взрывов земля гудела,
сталь
хотела бы всё разбить,
но ликующий праздник тела
не могло ничто победить!
Показалось: из моря гула
звук мелодии чистой возник –
будто вся наша жизнь мелькнула
в тот торжественно-чудный миг...

Но минуты прошли как минуты,
мы очнулись от краткого сна –
повелительно, властно, круто
снова встала пред нами война.

Над равниной сгущается вечер,
вражьи мин не смолкает вой,
догорают дома, как свечи,
серый дым плывет над землей.
И уже траектории чертят
злые пули немецких стрелков.
А по полю, как призраки смерти,
бродят лошади –
без седоков.

Враг подходит всё ближе, ближе.
Вот – штыков заблестела сталь...
Я стою на разбитой крыше
и смотрю безнадежно вдаль.
Голос радио из землянки
чуть доносит слова до меня:
“Справа танки...и слева танки...
Дайте... дайте скорей огня!...”
Но молчат безнадежно пушки.
Нас обходят с обеих сторон.
И позиции на опушке
оставляет наш батальон.

Мы решаем: назад – ни шагу!
Пусть погибнем, но не отойдем.
И торжественно, как присягу,
мы прощальную песню поем:

“Я по свету немало хаживал,
жил в землянке, в окопах, тайге,
похоронен был дважды заживо,
знал разлуку, любил в тоске...”

И звучат, просветляя лица,
нашей песни последней слова:
“Дорогая моя столица,

Золотая моя Москва!”

Я опять подхожу к развязке...
Мысли каждого так просты:
вот скорей бы –
тускнели краски,
вот –
дождаться бы темноты.

Мы подсчитываем патроны:
только час продержаться еще б!
И –
последняя оборона:
полукруглый сырой окоп.

Я смотрю на лучи заката,
на красивый твой силуэт –
пальцы крепче сжимают гранату,
пальцы стискивают пистолет.
По плечу моему тревожно
пробегают твои руки...
(Вот и жизнь:
как она ничтожна,
как безвластна, слаба, жалка!)
– Для чего ж, это всё? Для чего же?...
И уже не слова, а стон...

А на небе – заката прожелть,
солнце падает на горизонт.
Всё становится резче и жестче,
наступает трагический час.
И единственный пулеметчик
наконец покидает нас.

И тогда –
мы друг другу клянемся,
и тогда –
мы решаем вдвоем:
не погибнем – так вместе пробьемся,
не пробьемся – так вместе умрем.
На войне рассуждают просто:
не погибнем – пробьемся к своим!..
И с тобой сквозь огонь перекрестный,
взявшись за руки, мы побежим.
Мы бежим по изрытому полю,
пригибаясь к земле слегка...
Вдруг –
из пальцев, сжатых до боли,
ускользает твоя рука.
И – не вскрикнув – ты падаешь навзничь...

Нина!
Не оставляй меня!

Кто ж уймет этот страшный праздник –
праздник крови, свинца, огня?!
– Нина, встань!..
Но в злорадном экстазе
смерть заносит свою косу...

Я в отчаянье бросился наземь
и припал к твоему лицу...
И так медленно кровь из раны
на мою стекала шинель,
и звучали слова так странно
в наступившей вдруг тишине.
И какую-то детскую жалость
в каждом слове я мог уловить.
Ты навеки с жизнью прощалась,
Я – еще оставался жить.
В этот миг, последний, прощальный,
я не мог ничего сказать.
На меня смотрели печально
голубые твои глаза.
И тогда, над тобой склонившись,
прикоснулся к твоим губам...
И ушел,
навсегда простившись,
по кровавым ступая следам.

Юной жизни тускнело пламя.
Ты безмолвно встречала смерть.
Нина! Нина!
Какими словами
говорить о тебе теперь?!

ЧЕТЫРЕ АВСТРИЯЧКИ

Их облик и наряд, их голоса и взгляд –
всё стерла память, спрятав в самый дальний ящик.
Но не утерян ключ...И предо мной стоят
четыре девушки, четыре австриячки.

Суровый лейтенант сказал: “Держите их,
чтоб вдруг не вздумали сбежать...”
И хлопнул дверью.
Отныне я – властитель этих четверых,
и я готовлю им печальную вечерю.

Сам только из тюрьмы. Теперь – тюремщик сам.
Такой вот камуфлет. Такая незадача.
Приставлен стражем к этим юным существам –
покорным, ко всему готовым австриячкам.

Дана над ними власть. И символ власти дан:
нож – скипетром, державою – таз медный.

Но я в гареме том, конечно, не султан, а евнух.

Они сидят рядком. За женской болтовней
махнув рукой на тот секрет полишинеля.
А мне так жалко их... Но лишь одной, одной
я смог сказать:
“Geh fort! Mit Gott! Und schneller, schneller...”
Вернулся лейтенант с ватагою шальной.
И костерил, и материл, что было силы,
за ту четвертую, отпущенную мной.
Что ж, трех оставшихся им разве не хватило?

Вот кончилась война.
Петлей через гулаг –
вернулся я домой. И жизнь пошла иначе.
А вы? Какая вас судьба подстерегла,
четыре девушки, четыре австриячки?

1945–1994

ДЕНЬ ПОБЕДЫ

Сядем за стол. Выпьем за тех, кто не дожил.
Выпьем скорбя, выпьем грустя – выпьем до дна.
Вспомним о тех, с кем воевал, жил не во лжи –
Вот и вся быль, вот и вся боль этого дня.

Годы прошли. Годы ушли. Старость пришла.
В доме большом стало совсем тихо теперь.
Мало друзей, мало любви, мало тепла.
Много забот, много обид, много потерь.

ЖИЗНЬ ПРОЖИТЬ

*Я один, все тонет в фарисействе.
Борис Пастернак. “Гамлет”*

Жизнь прожить.
Перейти поле.
В промежутке – неравенства знак.
Так завершил с нескрываемой болью
свой монолог Борис Пастернак

В эту проблему – вовсе не мнимую –
вникнуть поглубже был бы резон:
а что, если поле это – минное?
Или простреливается с обеих сторон?

Поле – полем. И жизнь – жизнью...
И там, и там много скверны и лжи...
Однако же вековечно признано:

главное –
как свою жизнь прожить.

Если весьма осторожно действовать
и не копать чересчур глубоко,
то, невзирая на все фарисейства,
можно и жизнь пройти легко.

Также и поле: оно беспричинно
не станет грозить враждой и войной.
А коли поле окажется минным,
можно его обойти стороной.

Но если ты смелый, то смело и действуй.
Это тебе прокладывать шлях,
барахтаться в сетях фарисейства
и подрываться на минных полях.

ТОТ ДЕНЬ

Двадцать второго июня
Ровно в четыре часа
Киев бомбили,
Нам объявили,
Что началась война
Фольклор начала войны 1941/45 гг.

...“Двадцать второго июня,
ровно в четыре часа...”
Что ж философствовать втуне,
квохтать, затылки чесать?

Память в чернильницу сунет
заржавленное перо:
двадцать второе июня –
летний солнцеворот.

И потекут вереницей
выпростанные из сна
были и небылицы –
те, что сложила война.

Стоит ли?
Если честно
речь об этом вести,
Не стоит!
Неинтересно
уже никому почти.

Юноша аккуратный
думает: ладно, ври.
А старикам приятно

лишь о своем говорить.

Разве что – дошлый историк...
Разве что – пылкий поэт...
Сколько их? Капля в море,
а может, и вовсе нет.

Скажут: “Да хватит про это!
Эвон куда занесло!..”
Песня, которая спета,
больше не требует слов.

Мне ж – злыязыких певуний
слушать всю ночь голоса...
...“Двадцать второго июня,
ровно в четыре часа...”

Ночь с 21-го на 22-е июня 1999

ТОГДА БЫЛА ВОЙНА...

Тогда была война.
Мелькали люди, судьбы, как в калейдоскопе,
и голубые, розовые стеклышки утопий
дробились, разбивались, как волна
на сумрачной гравюре Хокуся.

А что мы помним сами
о времени, когда была война?
О да!
Тогда,
когда была война,
судеб и жизней бусинки мелькали
и разбивались в пыль, как разбивается о скалы
ударившаяся волна.
И люди, как пылинки, исчезали
в смерть, в безвозвратность, в никуда.
Была война.

Была война...
О нет! Не надо утверждать: война страшна, –
из разных нитей соткана она,
к ней разные подходят имена.
Когда-то радостно “ура!” кричали.
Когда-то горестно молчали.
И пели. И звучал когда-то смех.
И выпадало время для потех.
А то – от холода дрожали.
Голодали.
Нужду справляли на виду у всех.
Брели по путаной дороге. А туда ли?

Зудели плечи. Ноги распухали.
И на ходу, бывало, засыпали.
И замертво валялись в грязь и в снег.

Издавека, извне
что вспомню о войне?
Да все одно и тоже:
и смерть, и кровь, и грязь,
и всяческая мразь,
и мукой искореженные рожи,
и мертвые печные трубы пепелищ
былых жилищ,
окутанные липким смрадом.
Но то не смеет называться адом:
то – жизни ипостась.

А мы – тянули провода по дну траншей...
А мы, не принося врагу заметного вреда,
стреляли нехотя неведомо куда...
А мы кормили вшей...

А что фон-Бок? Гудериан? Манштейн?
И что – сам Гитлер?... Это всё не к нам!
Вот старшина сегодня выдаст ли “сто грамм”?
(Тот старшина – хоть негодяй он и мошенник –
куда важней фон-Бока и Магнштейна).

Из тех, отчаянных и храбрых,
навряд ли выговорит кто: Пёрл-Харбор,
Дюнкерк, Эль-Аламейн...
Так даже Сталинград,
Что был врагу всего больней и солоней,
заполнил головы солдат
лишь долгой трескотней газет
да терпким пафосом киножурнальным.
А в память врезался совсем иной сюжет:
когда ползли на животе под шквальным
огнем на ту злосчастную высотку, –
вот что навек запечатлелось четко.

Пускай не брешут, будто воевали
во имя неких идеологем.
Мы знали только: вот она – война.
А кто там воевал и с кем,
кому была она нужна,
зачем?
Мы, воевавшие, едва ли
себе всё это ясно представляли.
Война была для нас лишь фактом непреложным,
ни объяснить, ни выйти из нее нам невозможно.

Что вспомнить мне
еще о той войне?

Солдат в окопах и землянках,
которых нет уже давно в помине.
Тела, расплющенные гусеницей танка.
От подорвавшихся на злополучной мины
кровавые ошметки и огрызки.
Дыбы повозок, опрокинутых в кювет.
От взрывов бомб земли взметенной брызги.
Огонь холодный осветительных ракет.
Пугающий артиллерийский гул.
И красный злой пунктир трассирующих пуль.

Вот то, что помню о войне
из далека далёкого, извне.
А изнутри?
Один ответ на всё, что каждый перенес:
– Беда! Беда!
Один вопрос:
– Когда? Когда? Когда?
Когда-то наступило и “тогда”...

Тогда,
вернее, не тогда – потом
была, как помнится, еще
победа.
Так что ж – забыть о том?
Так что ж – её не в счет?
О нет, конечно, в счет!
Но в счет не тем, которые,
пройдя сквозь все лишения и беды,
ее добыли. В счет не тем, кто вскоре
прогорклый вкус ее отведал.
А только в счет потомкам и истории.

И как ни драли глотки в громовом “ура!”,
как ни палили в небеса самозабвенно,
в права вступила новая игра,
сегодня превращалось во вчера, в позавчера
и постепенно
то, что натянутой казалось бечевою,
скукожилось, обмякло, расползлось...
а победители – как то и прежде повелось –
не получили ничего.
Не утолить печали.

Из тех времен
мне всё слышнее погребальный звон,
хотя в те времена колокола молчали...
Те времена!
Лихие времена, глухие времена, –
они мне говорят одно из дальней дали:
тогда была война.

А.М.Цукерман

Цукерман Ариэль Моисеевич (29.10.1921, Москва – 21.11.2002, Москва). Поступил на химфак в 1939, окончил в 1953 году. Первый бой Великой Отечественной войны – в июне 1941 у города Борисов, последний – в апреле 1945 в Кенигсберге. Связист, танкист. За время войны – шесть ранений, четыре боевых награды. В 1953-1970 работал на химфаке, в лаборатории специального органического синтеза кафедры органической химии; кандидат химических наук. С 1970 – старший научный сотрудник Института истории естествознания и техники РАН.

Воспоминания

Сколько судеб свершилось и лет пронеслось,
Сколько лиц затянуло годами.
Тех, что отбыли срок.
А Войне все не впрок,
Все висит, как мешок за плечами.

Сколько стерто подошв на дорогах судьбы,
Сколько слов осквернили речами –
Ей, Войне, нипочем:
Словно Ангел с мечом
Неотвязно за нами и с нами.
Сколько стали уж на свой вечный постой,
Сколько минуло грез и мечтаний.
А Война за спиной,
Словно Тетка с косой –
не уйти нам от воспоминаний

1990

* * *

Возвращение

Отстрелялись. Замолчали.
Услыхав последний взрыв.
Сладковатой пахло гарью
Из казенников пустых.
Грудью Землю выютюжив
И друзей похоронив,
С удивленьем обнаружив,
Что остались в живых,
Побрели с нагрудной славой
До родимого крыльца,
А под кожей шершавой –
Леденелые сердца.
И не отогреют дамы
Нас в уютном шалаше –

Мы храним навеки шрамы
И на теле, и в душе.

1946

* * *

9 мая

Мы в суматохе будних дней
И в веренице лет
Не вспоминаем про друзей,
Которых с нами нет.
Но раз в году, где ни случись –
Хоть дома, хоть в пути,
От тех далеких дней Войны
Не можем мы уйти.
Стоим. Молчим. И – нету сил,
Лица не отвернуть
От всех бесчисленных могил,
Отметивших наш путь.

* * *

Весной зеленая трава
На запад от Москвы –
То наша юность проросла
Побегами травы.
Под той травой который год
Без званий и наград
Мои погибшие друзья
Безвестными лежат.
Над ними памятников нет,
А лишь поля, поля...
По праву Им принадлежит
Родимая земля.
Как быстро движутся года!
Друзья, простите нас,
Что мы почти что никогда
Не навещаем вас...
Мы помним: взрытые поля,
Стремительный бросок:
Как с ревом дыбится Земля,
А на зубах песок.
Лязг гусениц, разрывов мгла.
И у прицелов лбы.
И пышет жаром от ствола,
И руки сжаты добела
На рычагах судьбы.
И едкий орудийный чад.

Внезапный блеск огня.
Как ударяет в борт снаряд
И как горит броня.
Последний двигателя вой –
Отчаянный форсаж...
И черный остов броневой,
И только ПЕПЕЛ, где живой
Был прежде экипаж...
Мы помним ВСЕ, но жизнь идет,
И не судите нас,
Что мы почти что никогда
Не навещаем вас.

1968-1978

**Теория вероятностей
(О невероятном, в том числе
о прижизненном разделении души и тела)**

По теории вероятностей
Не надеясь дожить до Победы,
Больше ждали мы неприятностей,
А не то, что минуют беды.

И тела, что шагали к итогу,
Получав свою долю страдания,
Всю кровавую эту дорогу
Не впадали в тупое отчаяние.

Души наши тою порою
Все под тем же военным небом
За свою судьбою стояли,
Как в голодном тылу – за хлебом.

Становился черед короче
И все ближе ворота Рая,
Но все время кто-то без очереди
Забегал впереди и с края...

Ну а тут и Война закончилась.
И остались на этом свете
Мы в живых. И судьба не истончилась.
И у многих родились дети.

Знать не зря нам теория шалая
Предлагает чудес не чураться,
Коль они с вероятностью малою
Могут все-таки состояться.

И в реальной жизненной практике
Мы друг с другом сегодня, как прежде.

Твердо зная, что по математике
Не дано умереть надежде.
Не должна умирать надежда!

1992

Юбилейная фотография

На фотографии, как будто на парад
Участники войны все выстроились в ряд,
Расположились в плоскости одной
И подлый трус, и подлинный герой.
Не видишь, оглядев края и середину,
Кто исполнял свой долг,
Кто прятался за спину –
Все здесь, не различишь их
В этом лике цельном.
И только мертвые лежат отдельно.

1976

В танковой бригаде не положено тужить! (по мотивам фронтового песенного фольклора)

I

Нам перед атакой
Понемногу налили,
Политрук умело
К битве вдохновлял:

В бой идти за Родину,
В бой идти за Сталина
И за жизнь счастливую,
Которой не видал!

Командир уверенно
Ставил нам задачу:
Выполняй, что велено,
Остальное – дым.

А умрешь за Родину –
То твою награду
С полным уважением
Выдадим родным...

Любо, братцы, любо,
Любо, братцы, жить!
В танковой бригаде
Не положено тужить!

II

Вот взлетела к небу
Красная ракета,
Панораму боя
Синий дым застит,

Мы стреляем с ходу,
Бьем по вспышкам света,
И Земля клочками
По воздуху летит.

Поперек долины
Выложены мины –
Левому соседу
Тяжкая страда:

Разлетелись траки,
Словно зубы в драке,
От катков опорных
Не найти следа.

А соседу справа
Худший жребий выпал:
В лотерее жизни
Вылетел в тираж.

И броню покинув,
Черной свечкой дыма
Из своей машины
Вышел экипаж...

Любо, братцы, любо,
Любо, братцы, жить!
В танковой бригаде
Не положено тужить!

III

Нам первая болванка
Не пробила танка,
Но после удара
Двигатель заглох:

На бугре застыли
В качестве мишени –
Времени осталось
Лишь на последний вздох...

От второй болванки,
От второй болванки,
От второй болванки
Все же лопнула броня

И, заклинив башню,
И, заклинив башню,
Собственным осколком
В ногу ранило меня.

Любо, братцы, любо,
Любо, братцы, жить!
В танковой бригаде
Не положено тужить!

IV

Снова заработать
Двигатель не хочет –
Зря стартер стрекочет,
Мать его прости.

Мысль буравит темя:
Как бы выиграть время,
Чтоб успеть отсюда
Ноги унести?

Дымовая шашка –
Что слону фуражка,
Но, быть может, этим
Мгновенье сохраню?

И, чиркнувши теркой,
И, чиркнувши теркой,
Дымовую шашку
Бросил на броню.

Любо, братцы, любо,
Любо, братцы, жить!
В танковой бригаде
Не положено тужить!

V

Пулемет горохом,
Пулемет горохом,
Пулемет горохом
Сыплет по броне,

Но сейчас удача,
Но сейчас удача,
В этот раз удача
Улыбнулась мне:

Счастье есть и нищим –
Мы не сели днищем,
А не то, конечно,
Был бы нам каюк.

Землю – мать родную
Грудью приминая,
Выполз, извиваясь,
Через донный люк...

Думали, машина
Все же уцелеет,
Но противник точно
Выверил прицел –

Красный флаг пожара
С дымной оторочкой
Траурным сигналом
Надо мной взлетел...

Любо, братцы, любо,
Любо, братцы, жить!
В танковой бригаде
Не положено тужить!

VI

В штабе растерялись –
Нас уже не ждали,
Тут же пригласили
В особый отдел:

Ты скажи-ка, сволочь,
Признавайся, сволочь,
Почему ты, сволочь,
Вместе с танком не сгорел?

Виноват, товарищи,
Знать, судьба, товарищи,
Ничего, товарищи,
Я им говорю, –

В следующей атаке,
В следующей атаке,
В следующей атаке
Обязательно сгорю!

Любо, братцы, любо,
Любо, братцы, жить!
В танковой бригаде
Не положено тужить!

VII

Жизнь – не гимнастерка,
Нету ей замены,
И не суп гороховый –
Добавки не налить.

Самому отдать ее –
За какую цену,
Чтоб не промахнуться
И не продешевить?

Может, у кого-то
Выше ставка есть –
Нам дороже жизни
Воинская честь!

VIII

От свинца и стали
Нас не заказали,
Нам не нагадали,
Сколько лет прожить.

Но своею честью,
Но солдатской честью,
Совестью и честью
Надо дорожить!

Как бы ни хотелось
Нам еще пожить,
Мы, танкисты, верно
Будем Родине служить!

Любо, братцы, любо,
Любо, братцы, жить!
В танковой бригаде
Не положено тужить!

Ноябрь 1944 – ноябрь 1994

Как живем?

Так и живем: то вверх, то вниз,
Как будто на качелях.
Здоровы – радостный сюрприз,
Больны – лежим в постелях...
Пусть над нами неба синь
Иль потолок палаты –
Ведь все равно, куда ни кинь,
А мы – навек солдаты.
И потому – хандру долой!
Мы в бытии реальном
Должны держать свой хвост трубой,
А знамя – вертикально!

1968

III

Вспомним всех поименно...

Они не вернулись...⁸

Великая Отечественная война унесла жизни многих студентов, аспирантов, преподавателей и сотрудников химфака. В память о погибших 7 мая 1965 года у здания химического факультета был открыт памятник с перечнем их имен. Для

⁸ Материал подготовлен О. Н. Зефиновой, Т. В. Богатовой, Л. Е. Бурченковой

того чтобы составить этот перечень (он включает в себя 62 имени), комиссия, занимавшаяся памятником, проделала большую работу. Однако узнать о судьбе некоторых студентов и сотрудников в то время не удалось. Позже из различных архивных и других источников были найдены многие факты биографий погибших, в том числе и сведения о тех, чьи фамилий нет на памятнике. Огромную работу по поиску этих сведений проводил Александр Евгеньевич Агрономов (1918-1998). Он же в 1985 году к 40-летию победы создал на факультете комнату боевой и трудовой славы с выставкой «Химфак в годы войны» [2, 3], а также принимал активное участие в оформлении в холле БХА двух экспозиций с фотографиями павших и вернувшихся с фронтов войны сотрудников факультета. Многие материалы, найденные А.Е. Агрономовым и другими сотрудниками химфака, были помещены в альбом [4], который бережно хранится в факультетском Совете ветеранов войны, возглавляемом сегодня Г.Ф. Бебихом. В данной главе по материалам этого альбома, а также архива газеты «Советский химик» [5, 6] публикуются краткие биографические сведения о погибших в годы войны студентах, аспирантах, преподавателях и сотрудниках химического факультета.

Абезгаус Лев Зиновьевич. Родился в 1918 году в Куйбышеве. В 1935-36 учебном году работал в МХТИ им. Д.И. Менделеева под руководством профессора Шульца над вопросом каталитического окисления двуокиси серы в присутствии окислов азота на активированном угле.

По данным Отдела Учета персональных потерь Министерства обороны СССР в письме на имя секретаря партбюро химического факультета МГУ (№ 559/9256 от 3.03.1966) сообщено, что сержант Абезгаус Лев Зиновьевич, 1918 года рождения, призванный в Советскую Армию Ашхабадским РВК, погиб 5 марта 1944 года.

Агрономов Леонид Евгеньевич. Родился в 1915 году в Тамбове в семье агронома. В начале 1930-х годов работал лаборантом-химиком в Центральной лаборатории бродильной промышленности. В 1933 году поступил на химический факультет МГУ. Был членом комитета ВЛКСМ факультета, членом бюро вузкома МГУ. Возглавлял студенческое бюро НТО. За самостоятельные научные исследования по теме "Строение борводородов" был отмечен приказом по МГУ №77-1937 и премирован. По окончании факультета зачислен в аспирантуру на кафедру неорганической химии (руководитель – проф. Э.Ф. Краузе). Л.Е. Агрономовым были опубликованы три работы в журнале общей химии (1939. Т. 9. №1 и №15; 1940. Т. 10. №12), в которых он изложил свою теорию строения борводородов [7].

В первый день Великой Отечественной войны ушёл на фронт. Письмом № 559/555 от 16.11.1965 Отдел Учёта персональных потерь сержантов и солдат Советской Армии известил партийную организацию химического факультета о том, что младший лейтенант Агрономов Леонид Евгеньевич в боях за Социалистическую Родину пропал без вести в мае 1942 года.

Башкисов Дмитрий Алексеевич. Родился 28.05.1918 в Сибири (южная группа золотых приисков Енисейской губернии). Учился в Криворожском

горнорудном институте им. С. Орджоникидзе. На химический факультет переведён с почвенно-географического факультета в 1938 году.

Большаков Павел Иванович. Родился в 1914 году в д. Чертовое Лаптевского района Московской области. В 1940 году окончил химический факультет МГУ. Получил диплом с отличием по специальности «физическая химия». Выполнил работу по теме: «Экспериментальное исследование по изучению кинетики перехода йода из водного раствора йодистого калия в ксилол».

Бондарь Анатолий Архипович. Родился 22.04.1912 в д. Старая Ляда Червинского района БССР. В 1933-35 годах учился на рабфаке им. М.Н. Покровского при МГУ, затем был принят на химический факультет (1935), который окончил в 1941 году по специальности «химия нефти». Тема дипломной работы: «Полимеризация изопропилена в присутствии алюмосиликатных катализаторов».

По сведениям Отдела Учета персональных потерь личного состава Советской Армии (письмо № 559/555 от 16.11.1965), мл. лейтенант Бондарь Анатолий Архипович погиб в боях за Социалистическую Родину 27 января 1943 года и похоронен в деревне Федьково Калининской области.

Борек Владимир. Родился 25.02.1920 в Праге (Чехословакия). В 1939 году работал лаборантом в центральной заводской лаборатории Челябинского тракторного завода. В этом же году получил направление на химический факультет МГУ и был зачислен в число студентов. 4 июля 1941 года по собственному желанию был отчислен из числа студентов химического факультета и практически сразу ушел добровольцем на фронт.

Броуде Евгений Львович. Родился в Москве 30.03.1918. В 1935 году поступил на химический факультет МГУ. В лаборатории органического катализа под руководством А.А. Баландина выполнял дипломную работу по теме «Каталитическое превращение циклогексана над активированным углем». 13 февраля 1941 получил направление на работу в ИОХ АН СССР. Окончил Химфак в 1941 году

Из 1013-го стрелкового полка, в составе которого воевал мл. лейтенант Броуде, получено извещение о том, что в бою за Социалистическую Родину, верный воинской присяге, проявив геройство и мужество, лейтенант Броуде пал смертью храбрых 1 ноября 1941 года и похоронен в деревне Оломна Киришского район Ленинградской области.

Варгин Дмитрий Сергеевич. После окончания химического факультета МГУ остался работать на кафедре электрохимии сначала старшим лаборантом, затем – младшим научным сотрудником. Выполнил работу по определению примеси кислорода в азото-водородной смеси полярографическим и поляризационным методами (по заданию НИИ азота). Провел ряд работ по изучению свойств границы раствор–воздух, имел публикации: «Электрохимические свойства плёнок омега-производных пальмитиновой кислоты» (совм. с М.Герович, Изв. Акад.Наук СССР, 1937, с.1037), «Вычисление дипольных моментов некоторых связей на

основании поверхностного потенциала» (в соавт. с М. Герович, Вестн. МГУ, 1949, № 8) и др. Сконструировал ряд приборов на кафедре электрохимии.

В 1941 году ушел на фронт и погиб.

Винокур Леонид Евсеевич. Родился в 1921 году в Москве. В 1939 году поступил на химический факультет МГУ.

Ушёл на фронт со второго курса. Согласно письму Отдела Учёта персональных потерь личного состава Советской Армии в партийную организацию химфака МГУ (№ 559/555 от 16/X1-65), рядовой Винокур Леонид Евсеевич погиб в боях за Социалистическую Родину 18 апреля 1942 года, спасая жизнь своего комбата.

Волков Валентин Николаевич. Родился 24.04.1914 в Марийской республике. В конце 1920-х – начале 1930-х годов учился на рабфаке, затем поступил на химический факультет МГУ (1933) и в 1938 году окончил его с отличием по специальности физическая химия. Выполнил диссертационную работу на кафедре коллоидной химии, которую защитил незадолго до ухода на фронт.

Участвовал в боях под Сталинградом. В извещении Райвоенкомата на имя жены Волкова написано следующее: «Ваш муж ст. лейтенант Волков Валентин Николаевич в бою за Социалистическую Родину, верный воинской присяге, проявив героизм и мужество, погиб 29 января 1943 г. и похоронен с отданием воинских почестей в деревне Красный Октябрь Сталинградской области». Из того же письма следует, что «против части, которой командовал тов. Волков, немцы бросили танковую дивизию, но часть героически отбивала танковые атаки. На правом фланге, севернее тракторного завода, танки врага пробились и вышли в тыл части тов. Волкова. Несмотря на трудное положение, в котором оказался, он сумел вывести своих бойцов и занял оборону на новом рубеже. Группа бойцов осталась отрезана на втором этаже одного из домов. Фашистам удалось занять нижний этаж дома. Тов. Волков дождавшись ночи, пользуясь темнотой, пошел выручать своих бойцов. К утру он не вернулся...».

Вульфсон Белла Яковлевна. Родилась в Могилёве в 1920 году. В 1938 году поступила на химический факультет, где проучилась три курса.

По сведениям, полученным из Отдела Учета персональных потерь сержантов и солдат Советской Армии (письмо №559/555 от 16.11.65), медицинская сестра Вульфсон Белла Яковлевна, 1920 года рождения, призванная в Советскую Армию бывшим Сталинским Райвоенкоматом г. Омска, умерла от ран, полученных в боях за Социалистическую Родину, 18 марта 1943 года и похоронена в г. Шахты Ростовской области.

Гавриловский Вячеслав Аркадьевич. Родился в 1919 году в с. Сампур Воронежской области. На основании постановления СНК СССР от 3/IX-1935(6) был зачислен студентом химического факультета МГУ без вступительных экзаменов, окончил его с отличием в июне 1941 г. Выполнил дипломную работу на тему «Протекторная защита металла в морской воде», о чем было упомянуто на заседании кафедры физической химии 16.04.1941.

По сведениям, полученным из Отдела Учета персональных потерь сержантов и солдат Советской Армии (письмо № 559/555 от 16.11.1965), Гавриловский

Вячеслав Аркадьевич, 1919 года рождения, пропал без вести в 1941 году в районе города Двинска.

Глуховский Павел Соломонович. Родился в Гомеле в 1924 году. С первого курса химфака ушел добровольцем на фронт. Умер от ран 10 сентября 1943 года. Похоронен в лесу возле д. Лысовка Смоленской области.

Глушинёв Николай Федорович. Родился в д. Шапки Смоленской области. Окончил Московский университет, около 10 лет работал преподавателем кафедры органической химии, наладил работу практикума по органической химии, которым заведовал в течение нескольких лет. Занимался разработкой методов гидрирования ароматических, ацетиленовых и диеновых углеводородов с помощью аммиакатов щелочноземельных металлов.

В первые дни войны добровольно вступил в ряды народного ополчения. Из копии извещения 3/2488 от 26.01.1946 на имя жены Глушнева *«Ваш муж, военинженер 3-го ранга Глушнев Николай Федорович, уроженец деревни Шапки Смоленской области, в бою за Социалистическую Родину, верный воинской присяге, проявив героизм и мужество, пропал без вести в сентябре 1941 г.»*. Из другого письма следует, что *«в ночь на 3-е октября 1941 г. подразделение тов. Глушинёва получило боевой приказ занять линию обороны штаба дивизии, в районе села Уварово (8 км от г. Ельня, Смоленской области)... При выполнении этого боевого задания большинство рядовых и командиров подразделения выбыло из строя убитыми и ранеными. В числе этих героев, павших за честь и независимость нашей Родины, был и Николай Фёдорович Глушинёв»*.

Гольдфельд Георгий (Юрий) Михайлович. Родился 8.08.1913 в с. Петровский Погост Лужского уезда Петербургской губ. Окончил химфак МГУ, затем аспирантуру в лаборатории профессора Н.И.Кобозева, защитил кандидатскую диссертацию (1938-39). Продолжал работать на химфаке, занимался катализом, преподавал. По данным [5] был доцентом химического факультета МГУ. 10 июля 1941 года ушел в ополчение; пропал без вести в сентябре 1941 года [4].

Джигит Михаил Маркович. Родился в 1914 году в Москве. Поступил в Московский химический техникум им. Ф. Нансена (1929), затем был переведен (1931) в Политехникум им. В.И. Ленина, который закончил по специальности «электрохимия». С 1932 года работал в системе «Гипрохим». В 1935 году поступил на химический факультет МГУ и закончил его с отличием. На четвертом курсе был зачислен на кафедру физической химии по специальности «кинетика и катализ». В лаборатории кинетики и катализа выполнил работу по теме: «Влияние хлора на окисление азота в тлеющем разряде» (руководитель Б.А. Коновалова).

Через два дня после сдачи последнего экзамена уехал на фронт.

Как следует из извещения Райвоенкомата Свердловского района г. Москвы, *«мл. лейтенант Джигит Михаил Маркович в бою за Социалистическую Родину, верный воинской присяге, проявив героизм и мужество, пропал без вести в 1941 году»*.

Епифанский Петр Фёдорович. Родился в 1898 году в д. Шумново Бронницкого уезда Московской губернии. В 1920 году командирован Политпросветом Северной железной дороги на рабфак им. М.Н. Покровского, который окончил в 1924 году. Той же осенью поступил на химический факультет МГУ и окончил его в 1930 году. Специализировался на кафедре органической химии, работал в практикуме, вел семинары у студентов. А.П. Терентевым и Н.Д. Зелинским был рекомендован в аспирантуру.

На основании сведений, полученных из Отдела Учета персональных потерь сержантов и солдат Советской Армии (письмо № 559/555 от 16.11.1965) рядовой Епифанский Пётр Фёдорович умер от ран в немецком плену 28 ноября 1941 года.

Жасмин Алексей Георгиевич. Родился в июне 1916 году в Москве. В 1935 году поступил на химический факультет МГУ. Со второго курса вел научно-исследовательскую работу в лаборатории редких элементов. В 1941 окончил химический факультет с отличием и кафедрой общей химии был рекомендован в аспирантуру.

На основании сведений, полученных из Отдела Учета персональных потерь сержантов и солдат Советской Армии (письмо № 559/555 от 16.11.1965) капитан Жасмин Алексей Георгиевич умер от болезни 23 апреля 1943 года и похоронен в селе В. Смородное Поньровского района Курской области.

Зальцгебер Владимир Арнольдович (на памятнике фамилия не обозначена). Родился в Севастополе. Окончил химический факультет МГУ в 1941 году. В октябре того же года был призван в армию.

Согласно хранившемуся у сестры В. Зальцгебера извещению, полученному из строевой части 38-го стрелкового полка (№ 590 от 3.05.1942) и заверенному Севастопольским горсоветом, «красноармеец Зальцгебер Владимир Арнольдович, уроженец г. Севастополя, в бою за Социалистическую Родин, верный присяге, проявив героизм и мужество, был убит в бою 17 января 1942 г. и похоронен в деревне Мелеховская Киришского р-она Ленинградской области». Извещение было передано на химический факультет в 1972 году однокурсником Владимира Г.С. Швиндлерманом.

Зейферт Курт. Родился в Гесселинге (Австрия). Учился в университетах Вены (с 1930) и Инсбрука (1933–35). В 1937 году в составе интербригады воевал в Испании (был членом Испанской коммунистической партии). Эмигрировал в СССР, в 1939 году был зачислен студентом 4-го курса химического факультета МГУ. В июне 1941 года окончил химфак по специальности «органическая химия». Выполнил дипломную работу (экспериментального характера), получившую высокую оценку академика С.С. Намёткина, который рекомендовал оставить Курта Зейферта в аспирантуре.

Знаменский Геннадий Александрович. Родился в 1920 году в д. Пилоняты Островского уезда Псковской губернии. В 1937 году Геннадий окончил среднюю школу с аттестатом отличника и был награжден путевкой в Москву; в том же году поступил на химический факультет МГУ.

В июле 1941 году добровольцем ушел на фронт. Согласно сведениям Отдела Учета персональных потерь сержантов и солдат Советской Армии (письмо

№ 559/555 от 16.11.1965), рядовой Знаменский Геннадий Александрович, 1920 года рождения, пропал без вести в апреле 1942 года.

Иванов Николай Васильевич. Родился 16.05.1922 в Серпухове Московской области. В 1939 году поступил на химический факультет МГУ.

По сведениям Главного Управления кадров Министерства Обороны СССР (письмо в партийную организацию химфака МГУ № 173/4/С-203694 от 11.02.1966), ст. лейтенант Иванов Николай Васильевич погиб в боях за Социалистическую Родину 21 августа 1944 года при прорыве обороны немцев Яссы-Кишинев.

Казанский Борис Александрович. Родился 10.12.1922 в Москве. В 1940 году поступил на химический факультет МГУ.

Согласно письму, направленному Отделом Учета персональных потерь личного состава Советской Армии Министерства Обороны СССР партийному бюро химфака МГУ (№ 559/555 от 16.11.1965), рядовой Казанский Борис Александрович, 1922 года рождения, скончался от ран, полученных в бою за Социалистическую Родину 10 декабря 1942 года в эвакогоспитале № 1586 на Сталинградском фронте.

Капустенко Иван Николаевич. Родился в 1918 году в городе Быхове (БССР). По окончании химического факультета получил диплом с отличием. Специальность – органическая химия.

Письмом № 559/555 от 16.11.1965 Отдел Учета персональных потерь личного состава Советской Армии известил партийную организацию химфака МГУ о том, что лейтенант Капустенко Иван Николаевич, 1918 года рождения, уроженец города Быхова БССР, погиб в бою за Социалистическую Родину 14 июля 1943 года и похоронен в городе Ветка Гомельской области.

Карулин Виктор Филиппович. Родился 19.09.1921 в Подольске Московской области. В 1939 году поступил на химический факультет МГУ, где проучился до 1941 года.

По сведениям Отдела Учета персональных потерь сержантов и солдат Советской Армии (письмо № 559/555 от 16.11.1965), сержант Карулин Виктор Филиппович погиб 30 октября 1943 года и похоронен в городе Ветка Гомельской области БССР (в документе возможна ошибка относительно места захоронения).

Кнорре Владимир Владимирович. Родился 12.03.1920 в городе Голутвин Московской области. В 8–9 классах занимался в школьных кружках по математике, физике и химии, принимал участие в математических олимпиадах при МГУ. В 1938 году поступил на химический факультет. Как следует из писем, собирался получить второе образование – на биологическом факультете. Когда началась война, был на третьем курсе и в 1942–43 годах ускоренно окончил университет.

В письме на имя секретаря партийного бюро химфака МГУ (№ 559/555 от 16.11.1965) Отдел Учета персональных потерь сержантов и солдат Советской Армии сообщил, что рядовой Кнорре Владимир Владимирович, 1922 года рождения, умер от ран, полученных в боях на участке 2-го Прибалтийского фронта.

Кременецкий Виктор Васильевич. Родился в 1915 году в Курске. Работал электромехаником на Западной и Московско-Курской железной дороге (1933–35). Поступил на химический факультет МГУ (1935) и в 1941 году успешно его окончил по специальности «органический синтез». Его работа получила высокую оценку руководителя – А. Забродиной.

Маркус Рафаил Нассонович. Родился 15.06.1920 в Царицыне в семье учителя. В 1938 году поступил в МГУ на химический факультет. 1 апреля 1939 года был вынужден прервать учебу в связи с болезнью. Вновь приступил к учебе на втором курсе 1 сентября 1940 года.

Согласно сведениям Отдела Учета персональных потерь сержантов и солдат Советской Армии (письмо № 559/555 от 16.11.1965), капитан Маркус Рафаил Нассонович погиб в боях за Социалистическую Родину 10 января 1944 года и похоронен в Крыму (п/о Керченский, с. Аджимушка, могила № 52).

Мельников Абрам Иосифович. Родился в 1917 году в г. Лубны Харьковской обл. Учился на рабфаке им. В.И. Ленина (1935–38). В 1938 году поступил на химический факультет МГУ, где проучился пять семестров.

Меркин Арон Залманович. Родился в 1919 году в Москве. На химический факультет МГУ поступил в 1937 году. Закончил с отличием по специальности «органическая химия».

Ольков Иван Васильевич. Родился в 1916 году в Вятском районе Горьковского края. Учился на химическом факультете МГУ, с которого был отчислен в январе 1940 года в связи с призывом в ряды РККА (приказ № 19 по МГУ). В апреле 1940 года восстановлен после демобилизации.

Петров Олег Иванович. Родился 30.03.1921 в Харькове. Окончив среднюю школу с отличием, поступил на химический факультет МГУ (1939).

Согласно письму Главного Управления кадров Министерства Обороны СССР № 173/4/С-203694 от 11.02.1966, гвардии ст. лейтенант Петров Олег Иванович погиб в бою за Социалистическую Родину 15 июля 1944 года.

Петросян Григорий Иванович (на памятнике фамилия не обозначена). Поступил на химический факультет в 1938 году. Отличался исключительной интеллектуальной одаренностью. В 1939 году в числе первых получил Сталинскую стипендию и одновременно поступил на первый курс механико-математического факультета, считая необходимым дополнить свою математическую подготовку для дальнейшей работы в области теоретической химии. В течение двух лет учился на «отлично» на обоих факультетах. Был инициатором и активным участником математического и физико-химического студенческих кружков.

По воспоминаниям, после начала войны, будучи тяжело больным, Г.И. Петросян уехал «на строительство укрепления районов» на Западный фронт, куда отправляли многих студентов химфака. «Нелепая смерть при переправе через реку оборвала его жизнь».

Понизовский Григорий Лазаревич. Родился 19.01.1913 в Невеле. В 1932–34 годах работал в МГУ секретарем Центральной приемной комиссии и секретарем химического факультета. В 1933 году окончил курсы при рабфаке им. М.Н. Покровского. Окончил химический факультет (1940) по специальности «неорганическая химия – металлография». Будучи студентом 5-го курса, выполнил дипломную работу по теме: «Изучение растворимости железа в медномарганцевых сплавах».

Разиков Евгений Федорович. Родился в 1921 году в Москве. В 1939 году, закончив среднюю школу с отличием, зачислен на химический факультет МГУ без вступительных экзаменов. В ноябре того же года призван в РККА. В мае 1941 года после демобилизации вновь зачислен студентом первого курса химического факультета МГУ.

Романов А. Д. Фамилия обозначена на памятнике, но не упоминается ни в альбоме [4], ни в списке [5].

Романов Николай Романович. Родился 18.12.1919 в д. Кобылино Шаховского района Московской области. В 1936 году поступил на химический факультет МГУ. Специализировался на кафедре физической химии. Будучи студентом 5-го курса, в лаборатории химической термодинамики проводил научные исследования по изучению равновесия в системах «титанаты железа – водород», однако оставил эту тему в связи с необходимостью поступить на работу. Был принят в лабораторию высоких давлений АН СССР, где, кроме текущей аналитической работы, занимался исследованием растворимости Со и Ni и их окислов в аммиачных растворах при высоких давлениях.

Рубанович Ян Имич (на памятнике фамилия не обозначена). Родился 20.04.1918 в Москве. В 1936 году поступил на химический факультет МГУ. Под руководством академика Н.Д. Зелинского выполнил работу по теме «Ацилирование 1,3-диметилциклогексана в присутствии хлористого алюминия». Окончил химический факультет в 1941 году по специальности «химия нефти».

Начал войну под Москвой, был под Ржевом (1942), в 1943 году участвовал в освобождении Донбасса, Западной Украины, Восточной Пруссии. Согласно воспоминаниям, «19 декабря 1945 года Яник Рубанович был убит рукой бандита. Днем позже пришел приказ о его демобилизации».

Рукавишников Александр Иванович. Родился в Москве 1918 году. Поступил на химический факультет МГУ в 1936 году.

Письмом № 559/555 от 16.11.1965 Отдел Учета персональных потерь личного состава Советской Армии известил партийную организацию химфака МГУ о том, что в бою за Социалистическую Родину капитан Рукавишников погиб 8 октября 1943 года и похоронен в деревне Дружево Ленинградской области.

Сабгир И.В. Фамилия обозначена на памятнике и упоминается в [4, 5].

Сагомоян (Савомоян) Гурген Аветисович. Родился в 1919 году в с. Джрадзор Амийского района г. Гюмри (Ленинакан) Армянской ССР. В 1937 году поступил на химический факультет МГУ и с отличием его окончил (1941).

С начала войны добровольцем ушел на фронт. Из письма родным следует, что он служил в разведке. В январе 1942 года родители получили известие, что он пропал без вести.

Самарин В.Ф. Фамилия обозначена на памятнике и упоминается в [4, 5].

Сарабьянов Борис Владимирович. Родился 25.04.1921. В 1938 году окончил школу с отличием и был принят на первый курс химического факультета МГУ. К концу третьего курса выполнил первую самостоятельную научную работу.

Согласно письму, направленному Отделом Учета персональных потерь личного состава Советской Армии в партийную организацию химфака МГУ (№ 559/555 от 16.11.1965), ст. лейтенант Сарабьянов Борис Владимирович, 1921 года рождения, уроженец г. Москвы, погиб в бою за Социалистическую Родину 4 декабря 1942 года и похоронен в хуторе Вертячий Волгоградской области.

Сафонов Борис Иванович. Родился в 1912 году в Москве. В 1929 году окончил среднюю школу с химическим уклоном. В том же году окончил химические курсы и получил специальность лаборанта-аналитика. Проходил практику на Бутырском заводе Анилтреста. С 1930 года работал на химическом заводе им. И.В.Сталина и учился на вечернем факультете МХТИ им. Д.И. Менделеева (в январе 1934 года был отчислен со второго курса согласно приказу о сокращении контингентов, обучающихся без отрыва от производства). В 1935 году поступил на химический факультет МГУ. В университете проявлял интерес к научно-исследовательской работе. Работа Б. Сафонова по органической химии была премирована на конкурсе научных студенческих работ. Окончил МГУ в 1941 году по специальности «физическая химия».

По сведениям, полученным из Отдела Учета персональных потерь сержантов и солдат Советской Армии в письме на имя секретаря партийного бюро химфака (№ 559/555 от 16.11.1965), рядовой Сафонов Борис Иванович 1912 года рождения пропал без вести в мае 1945 года.

Семенов А.Н. Фамилия обозначена на памятнике и упоминается в [4, 5].

Серезников Георгий Васильевич. Родился в 1922 году в Москве. Обучаясь в 10 классе средней школы, одновременно работал лаборантом-химиком на вечерних общеобразовательных курсах. В 1939 году поступил на химический факультет МГУ, где проучился до 1941 года.

Сесюнин Евгений Иванович. Родился 20.10.1916 в г. Ишим Омской области. Окончив среднюю школу с отличием, был командирован Ишимским РОНО в МГУ, поступил на химический факультет (1935), который окончил в 1941 году по специальности «аналитическая химия». Выполнил дипломную работу по теме: «Влияние HNO и ионов Fe на электролитическое осаждение ионов меди». Работа была оценена руководителем на «отлично».

Соколова Нина В. По воспоминаниям студента (студентки) той же группы, где училась Н.В. Соколова, у Нины «*был большой перерыв между школой и университетом*». В 1941 году она готовилась к последнему экзамену.

«Когда началась война, Нина оставила своего сына матери и пошла учиться на курсы медсестер... В октябре 1941 года, во время бомбежки отправлявшегося на фронт эшелона, Нина Соколова погибла».

Сумин Сергей А. По воспоминаниям, работал на химическом факультете «с 1934 по 1941 годы в лаборатории металлографии». В то время лаборатория только организовывалась, и Сумин собирал для нее оборудование. «*Много труда и энергии вложил Сергей для того, чтобы сделать лабораторию такой, какой она стала*».

В 1941 году добровольцем ушел в ополчение.

Тимофеева Н.Р. В альбоме [4] данные отсутствуют. Согласно данным [5], была студенткой химического факультета МГУ, погибла в 1942 году.

Тихомиров С.Н. Фамилия отсутствует на памятнике и в альбоме [4], но упоминается в списке погибших в [5].

Тихонов С.Н. Фамилия обозначена на памятнике и упоминается в [4, 5].

Третьяков Алексей Иванович. Родился в 1917 году в Никополе (УССР). В 1935 году по рекомендации горкома комсомола и успешно сдав экзамены, поступил на химический факультет МГУ, который окончил в июне 1941 года. Был удостоен диплома с отличием, но сам не получил его, так как находился на фронте. Диплом получила студентка биологического факультета К.П. Кохтарева 27 ноября 1942 года, когда А.И. Третьякова уже не было в живых.

По сообщению Главного Управления кадров Министерства Обороны СССР (письмо №173/4/С-203694 от 11.11.66), мл. лейтенант Третьяков Алексей Иванович пропал без вести в декабре 1941 года.

Турчинович. Фамилия отсутствует на памятнике и в альбоме [4], но упоминается (без инициалов) в списке погибших в [5].

Федоров Валентин Алексеевич. Родился в 1921 году в Ульяновске. На химический факультет МГУ поступил в 1938 году.

По сведениям, полученным из Отдела Учета персональных потерь личного состава Советской Армии в письме на имя секретаря партийного бюро химфака МГУ (№ 559/555 от 16.11.1965), лейтенант Фёдоров Валентин Алексеевич, 1921 года рождения, уроженец города Ульяновска, погиб в боях за Социалистическую Родину 17 ноября и похоронен в деревне Цигуны Смоленской области.

Фёдоров Евгений Вакхович. Родился в 1909 году в семье учителя. Закончил Московский текстильный техникум (1929). В 1929–34 годах заведовал химической лабораторией Серпуховской котонинной фабрики, где разработал схему химико-технологического контроля котонина на отдельных стадиях его

обработки (автор специальной брошюры «Памятка варщику котонина»). Учился на химическом факультете МГУ, который окончил в 1941 году.

На второй день войны ушел на фронт добровольцем. Участвовал в боях под Москвой, в боях на Северо-Западном фронте – под Демянском, Лугой. Командовал минометным батальоном, который принимал участие в операциях по прорыву Ленинградской блокады. 15 марта 1942 года лейтенант Е.Ф. Федоров погиб на одном из участков Ленинградского фронта. Похоронен в братской могиле у ст. Погостье Ленинградской области.

Чеботарёв Андрей Ефимович. Родился в 1915 году в с. Щётово Красно-Лучского района (Донбасс). В 1933–34 годах учился на Карловском горном рабфаке. В 1934 году поступил на химический факультет МГУ, который закончил (1940) с отличием (приказ по МГУ № 112 от 16.05.1940). Дипломную работу по теме «Электрокапиллярная кривая и адсорбция ионов соляной кислоты в зависимости от температуры» выполнил на кафедре электрохимии (работа получила положительный отзыв руководителя и была защищена 10.01.1940 на «отлично»).

Членов Михаил Георгиевич. Родился в 1916 году в с. Брычково Калязинского уезда Тверской губернии. В 1935 году поступил на химический факультет МГУ, который окончил в 1941 году. Специальность – «органическая химия».

По данным Отдела Учета персональных потерь Министерства Обороны СССР (письмо № 555/559 от 16.11.1965 в партийную организацию химфака МГУ), мл. лейтенант Членов Михаил Георгиевич, 1916 года рождения, уроженец Калининской области, Калязинского района, село Брычково скончался от ран, полученных в бою за Социалистическую Родину 13 сентября 1943 года и похоронен в селе Козячи Валковского района Харьковской области.

Чурган Евгений Антонович. Родился в 1918 году в Ашхабаде Туркменской ССР. Еще обучаясь в школе в Москве, проявил «исключительную способность и интерес к химии». В 1937 году поступил на химический факультет МГУ. В качестве специализации выбрал органический катализ. В мае 1941 года из-за болезни был отчислен из числа студентов, а 18 июня 1941 года принят на работу лаборантом на кафедру органической химии.

Шабад Исидор Тимофеевич. Главное Управление кадров Министерства обороны СССР в письме к секретарю партийного бюро химического факультета МГУ (№ 173/4/С-203694 от 11.02.1966) сообщило о том, что лейтенант Шабад Исидор Тимофеевич, 1918 года рождения, пропал без вести в июле 1942 года.

Шалфеев Владимир Михайлович. Родился в феврале 1885 года в Варшаве. В 1903 году поступил в Варшавский университет, откуда в 1904 году переведен в Московский университет (окончил в 1908). В 1915–18 годах служил в армии. В 1918 году вернулся в МГУ, где был ассистентом, старшим ассистентом, преподавателем химического отделения, а с 1930 года – доцентом кафедры аналитической химии. С 1932 года заведовал лабораторией аналитической химии факультета. Одновременно был заведующим химико-технологической лабораторией НИИ Главдортранса РСФСР, а также руководителем сектора

Научно-исследовательского института пластмасс. В 1935 году утвержден в ученой степени кандидата наук без защиты диссертации по совокупности работ (научные труды: четыре монографии и 22 печатные статьи).

Согласно приказу по МГУ от 10 марта 1942 года, с 1.09.1941 доцент В.М.Шалфеев числился в рядах народного ополчения.

Шапшев Виктор Михайлович. Родился в Саратове 1.08.1918. В 1936 году, окончив школу с отличием, без экзаменов был зачислен на химический факультет МГУ. Будучи студентом, выполнил работу в области ртутьорганических соединений, которая была оценена доцентом М.М. Ботвинник как отличная. Весной 1941 года В.М. Шапшев сдал на «отлично» госэкзамены по физической, органической, неорганической химии и по специальности «химия белка».

Шеймин Павел Александрович. Родился в 1902 году. Окончил педагогический техникум в Тобольске (1928). Преподавал химию в средней школе на Крайнем Севере. В 1929 году поступил на химический факультет МГУ, но в 1930 году вынужден был уйти. Работал учителем в течение пяти лет в школах Московской области. В 1935 году вновь поступил на первый курс химфака. Дипломную работу выполнил на кафедре органического катализа (академик А.А. Баландин считал важными данные, полученные в этой работе).

П.А. Шеймин, согласно письму Главного Управления кадров Министерства Обороны СССР (№ 173/4/С-203694 от 11.11.66), погиб 12 октября 1943 года в бою за Социалистическую Родину.

Шестаковский Станислав Иванович. Родился в 1907 году в деревне Ликовское (БССР); по национальности поляк. Окончив подготовительные курсы (1931–1933), учился на рабфаке, после чего поступил на химический факультет МГУ. В 1939 году подал заявление о зачислении на кафедру неорганической химии по специальности металлография.

В январе 1942 года жена Станислава Ивановича получила извещение из в/ч 1326 о том, что ее муж, Шестаковский С.И., в бою за Социалистическую Родину, верный воинской присяге, проявив героизм и мужество, убит 5 января 1942 года и похоронен в Смоленской области, Медынский район, деревня Макарово.

Эвентов Лев Моисеевич (на памятнике фамилия не обозначена). Родился 20.10.1915 в Москве. Учился в химическом техникуме им. Ф. Нансена в Москве, затем работал в ВНИФХИ им. Л.Я. Карпова в качестве младшего химика (имел публикацию в «Ж.Физ.Хим.». 1933. т. IV. вып. 5). В 1934 году поступил на химический факультет МГУ. С 1939 года участвовал в научно-исследовательской работе на кафедре физической химии. С помощью метода Раман-спектроскопии провел качественный анализ сызранского бензина и принял участие в работе по количественному анализу этим методом смесей различных углеводов. Является автором статьи (совм. с Сенявиным) «Анализ жидкого моторного топлива методом Раман-спектров», опубликованной в сборнике студенческих работ МГУ. В 1939 году Л.М. Эвентов окончил химический факультет и был рекомендован в аспирантуру. В 1940–1941 годах начал исследования в области строения вещества.

По воспоминаниям однокурсника (А.Н. Коста), после начала войны «лейтенант запаса Л.М.Эвентов ушел на фронт с Московским ополчением в качестве начальника химзащиты полка... Поздней осенью мы получили извещение, что в октябре 1941 года лейтенант Эвентов погиб при форсировании реки».

Энгель Моисей Юделевич. Родился в 1919 году в Москве. В 1937 году окончил с отличием школу им. Ф. Нансена, обучаясь в которой вел активную работу в школьных химических кружках. В 1937 году поступил на химический факультет и окончил его в 1941 году.

По сведениям, полученным из Отдела Учета персональных потерь сержантов и солдат Советской Армии (письмо № 559/555 от 16.11.1965), рядовой Энгель М.Ю. пропал без вести в сентябре 1941 года.

Эпштейн Л. И. Фамилия обозначена на памятнике и упоминается в [4, 5].

Юнгман Генрих Адольфович. Родился 29.03.1921 в Москве. В 1938 году поступил на химический факультет МГУ. 15 января 1940 года был отчислен со второго курса в связи с призывом в ряды РККА. Восстановлен 1.04.1940, учился на факультете до 1941 года.

Каждый год накануне Дня Победы к мемориалу у химического факультета возлагаются букеты цветов и организуется митинг, на котором сотрудники химфака чествуют ныне здравствующих ветеранов и воздают дань памяти погибшим в годы войны и памяти тех ветеранов, которых уже нет с нами. Химический факультет всегда будет полон безграничной благодарности всем, кто сражался на полях Великой Отечественной войны.

Использованы материалы из следующих документов:

Архив газеты «Советский химик» (химический факультет МГУ). Газета «Советский химик». Выпуск, посвященный 40-летию ВЛКСМ.

Там же. Папка с материалами газеты «Советский химик» А.М. Парфеновой. Заметка к спец. выпуску от 23.02.1985.

Там же. Папка «Газеты и объявления А.Е. Агронома».

Архив Совета ветеранов войны химического факультета МГУ. Альбом «Погибшие в Великой Отечественной войне».

Архив газеты «Советский химик» (химический факультет МГУ). Газета 1967 г.

Там же. Папка с материалами к газете «9 мая 1975 г.» (1975).

Зефирова О.Н., Лубнина И.Е. Леонид Евгеньевич Агрономов // Вестн. Моск. ун-та. Серия 2. Химия. 2002, т. 43, № 2, с. 127-130.

Химфаковцы – ветераны войны⁹

⁹ Материал подготовлен В.М.Шацким, Г.Г.Муттиком, Т.В.Богатовой на основе сведений из Архива Химического факультета и кафедральных архивов.

После окончания Великой Отечественной войны на химический факультет пришли учиться и работать те, кто прошел войну. Многие, закончив учебу, работали на предприятиях и в других институтах; тем же, кто трудился на химическом факультете, придя сюда либо сразу после демобилизации из армии, либо после обучения (либо принимались на работу уже спустя какое-то время после войны), комиссия по делам инвалидов и участников войны, Созданная при Объединенном профкоме МГУ, старалась оказать помощь в организации учебы, питания и бытовых услугах. За год до 30-летия Победы для объединения бывших фронтовиков и помощи им в университете был создан Совет ветеранов войны; на химическом факультете такая организация появилась в 1975 году. В конце 1990-х годов в холле второго этажа здания химфака были оформлены памятные панно, на одном из которых портреты и имена тех, кто не вернулся с полей сражений¹⁰, на другом – фотографии наших ветеранов войны. Многих из них сегодня, к сожалению, уже нет с нами, но память о них, об их мужестве в годы войны должна остаться с нами навсегда.

Вот их имена.

Агрономов Александр Евгеньевич (20.04.1918 – 31.03.1998). Учился на химфаке в 1936-1941. Во время войны служил на Дальнем Востоке (с 1941 по 1946), участвовал в войне с Японией. Награжден Орденом Красной звезды и медалью "За победу над Японией". В 1946 г. А.Н.Несмеянов отозвал его в аспирантуру. В дальнейшем – доцент кафедры химии нефти и органического катализа, автор учебников по органической химии.

Акишин Петр Алексеевич (20.10.1918–1.1.2000). В 1941 году начал войну командиром взвода, закончил в 1945 – помощником начальника штаба на Северном Кавказе. Окончил химический факультет МГУ (1941). Доктор химических наук (1962). Профессор кафедры физической химии (1973), заведовал лабораторией электронографии (1954-63) Лауреат Государственной премии СССР (1973). Кавалер Ордена Красной звезды, Ордена Отечественной войны II степени.

Бибих Григорий Федорович (р. 14.10.1924), в 1942 г. закончил училище спецсвязи, в звании лейтенанта участвовал в боевых действиях 5-го истребительного авиационного корпуса, входившего во 2-ю воздушную армию (на Воронежском фронте); принимал участие в Прохоровском сражении, взятии Киева, боях за Западную Украину (в составе Белорусского фронта), а также битвах за Берлин и Прагу. Демобилизован в 1946 г. Награды: Орден Красной Звезды, Орден Отечественной войны II степени, медали «За боевые заслуги», «За взятие Берлина», «За освобождение Праги» и др. (всего 19 наград). Обучался на химическом факультете в 1950-55 гг., затем в аспирантуре (1959-62). С этого времени работает на химическом факультете. Доктор химических наук (1985), профессор кафедры химической технологии и новых материалов (с 1992).

Березин Илья Васильевич (9.08.1923–5.07.1987). В 1940 г. поступил в Московский авиационный институт им. С. Орджоникидзе. В июле 1941 г. был призван в ряды Советской Армии, служил рядовым, заместителем политрука,

¹⁰ О них – в материале "Они не вернулись...", с. 175.

впоследствии – офицером. Принимал участие в боях Западного, Центрального и 1-го Белорусского фронтов. В январе 1946 г. был демобилизован в звании старшего лейтенанта. Награды: Орден Красной Звезды, Орден Отечественной войны I и II степени, Орден «Знак Почета», Орден Трудового Красного Знамени, Орден Октябрьской Революции, медали. В 1946-50 гг. обучался на химическом факультете. Доктор химических наук (1962). В 1974 г. на химическом факультете им была создана кафедра химической энзимологии, которой он заведовал до конца жизни. В 1969-1981 гг. был деканом химического факультета МГУ, с 1984 возглавлял Институт биохимии им. А.Н.Баха АН СССР

Витинг Леонид Михайлович (4.12.1924–22.12.2000). Гвардейским артиллеристом прошел путь от Москвы до Кенигсберга. Был награжден орденом Отечественной войны, медалями "За боевые заслуги", "За победу над Германией", "За победу над Японией", "За взятие Кенигсберга". После окончания войны, закончив школу рабочей молодежи, учился на химическом факультете (1948-1953), затем оставлен на работу. Доктор химических наук (1981), профессор кафедры общей химии. Заслуженный профессор Московского университета (1998).

Войткевич Виктор Вацлавович (31.03.1922), воевал с 1943 г. рядовым Северо-Западного и 1 Украинского фронта. Награды: Орден Отечественной войны II степени, медаль «За боевые заслуги», «За взятие Берлина», «За освобождение Праги», «За Победу над Германией». С 1947 года работал на химическом факультете токарем; с 1956 был ст. мастером кафедры электрохимии, с 1979 г. работал на кафедре радиохимии. Умер.

Волынский Виктор Харитонович (р. 11.07.1926). В армии с июля 1944, воевал рядовым в Запасном полку 22 Воздушно-десантной дивизии, затем в 350 Истребительном стрелковом полку 114 гв. десантной дивизии. Воевал в Венгрии, Австрии. В Вене (в апреле 1945) был ранен, после излечения вернулся в Запасной полк, стоявший в Чехословакии, затем служил в 1-й Отдельной истребительной противотанковой бригаде. В 1946 г. окончил школу сержантского состава и был переведен помощником комвзвода (рота вычислителей) в 39 тяжелогаубичную артиллерийскую бригаду (в Крым). В 1948 г. стал начальником гарнизона 151-го полка войск МВД в Туле; демобилизован в декабре 1951 г. Награды: Орден Отечественной войны I степени, медаль "За отвагу" и еще 9 медалей. Ст. инженер кафедры органической химии в 1968-2004 гг. В настоящее время – на пенсии.

Гаврилова Татьяна Борисовна (р. 17.10.1924). В 1941-42 гг. работала санитаркой Эвакогоспиталя № 2991. Награды: Орден "Знак Почета", 4 медали. Кандидат химических наук, доцент кафедры физической химии; с 1995 года – на пенсии.

Горюнов Юрий Валерианович (р. 02.08.1920). Воевал с августа 1941 по май 1945 г. на Дальневосточном фронте. Награжден медалью “За боевые заслуги” (1945), орденом Отечественной войны II степени (1985) и 10 медалями. Окончил химический факультет МГУ (1952). Доктор химических наук (1965). Профессор кафедры коллоидной химии химического факультета (1970-1985), Лауреат

Ломоносовской премии I степени (1972). Заслуженный деятель науки РФ (1980). В настоящее время – ведущий научный сотрудник кафедры коллоидной химии.

Грибановский Георгий Иванович (25.04.1917-1990-е гг.). С мая 1939 по июль 1944 служил на Тихоокеанском флоте; с 1944 г. – в Дивизионе подводных катеров, старшина 1 статьи; участвовал в войне с Японией. Награды: медаль «За победу над Японией» и др. В Московском университете с 1954 г. Был мастером, затем начальником участка ИТС.

Гурман Владимир Самуилович (р. 1.01.1925). В годы войны воевал в звании сержанта в составе 3 Украинского фронта. Награды: Орден Отечественной войны II степени, медали. Кандидат химических наук, в настоящее время – старший научный сотрудник кафедры химической кинетики.

Денисов Николай Тимофеевич (30.04.1909–1990-е гг.). Воевал на Калининском, 1 и 3 Белорусских фронтах, старший лейтенант. Награды: Орден Отечественной войны II степени, медаль «За боевые заслуги», «За взятие Кенигсберга», «За Победу над Германией» и др. На химическом факультете с 1972 г. был старшим мастером ИТС, в 1990 ушел на пенсию.

Дмитриев Антоний Дмитриевич (8.01.1910–1990-е гг.). На фронте с 23 июня 1941 г. Был шофером в 9 полку АЗ. Награды: Орден Отечественной войны II степени, медали «За оборону Москвы», «За Победу над Германией» и др. На химическом факультете работал мастером на кафедре ВМС с 1961 г., в марте 1990 ушел на пенсию.

Евдокимов Всеволод Борисович (22.05.1922–кон. 1990-х). До войны один год учился в Ленинградском кораблестроительном институте. Воевал с марта 1942 г. в составе 28 стрелковой дивизии (сержант), в октябре был ранен; после госпиталя с мая по октябрь 1943 г. работал военруком в детском доме. Награжден Орденом Отечественной войны I степени; медалями "За боевые заслуги", "За победу над Германией". В 1943 г. поступил учиться на химический факультет (закончил в 1949). С 1949 года работал на химфаке младшим, затем старшим научным сотрудником; с 1992 – профессор кафедры физической химии. В 1995 году ушел на пенсию.

Елисеев Валентин Иванович (02.07.1916–1990-е). Воевал на 1 Украинском (1942-44), 3 Прибалтийском (1944-46) фронтах (в 278 автобатальоне шофером). Награды: Орден Славы III степени, Орден Отечественной войны II степени, медали «За победу над Германией» и др. В МГУ с 1946 г., слесарь-механик, в 1980-85 гг. работал мастером ТСП кафедры химической кинетики. В 1985 г. ушел на пенсию.

Зверев Николай Алексеевич (р. 07.10.1924–кон. 1990-х). На фронте с мая 1943 г. – в 14 Воздушной армии (1 Украинский фронт). Награды: Орден Отечественной войны II степени, медаль «За победу над Германией» и др. На химическом факультете работал с 1978 г. мастером по точным и специальным приборам в ИТС.

Зубарев Анатолий Федорович (25.09.1923–12.06.1998). В войну служил в артиллерии, был тяжело ранен, закончил войну старшим лейтенантом. В Московском университете работал с 1953 г. мастером, механиком высокой квалификации на каф. физической химии. С июня 1996 – на пенсии.

Ивантер Владимир Львович (17.11.1922–кон 1990-х гг.). Служил в пограничном отряде Юго-Западного фронта (1941); затем в составе Воронежского (1941-43) и 1 Украинского (с 1943) фронта. Демобилизован в 1945. Войну закончил в звании капитана, награды: Орден Отечественной войны II степени, медаль «За боевые заслуги», «За победу над Германией» и др. На Химфаке работал в 1954-1993 гг. сначала в должности слесаря-ремонтника 6 разряда, затем – ст. инженера в лаборатории КГЭ.

Изотов Алексей Андреевич (р. 25.03.1922), Был мобилизован в июле 1942 г., воевал в звании ст. сержанта в составе 56-й, затем 18-й Армии; участвовал в боях на Кавказе, на Малой земле. Демобилизован в феврале 1949 г. Награды: Орден Отечественной войны II степени, медали "За боевые заслуги", "За оборону Кавказа", "За победу над Германией", "За трудовое отличие", "За трудовую доблесть" (всего 14 медалей и юбилейные награды). На химфаке был механиком в 1973-1996. В настоящее время – на пенсии.

Камалов Хаким Камалович (23.09.1922 – 2000-е гг.). С 1941 г. – на Юго-Западном фронте, затем на Брянском, с 1943 – на Центральном и 1 Украинском фронтах. Был командиром санвзвода, ст. фельдшером, гвардии лейтенант. Награды: «2 ордена Красной Звезды, Орден Отечественной войны II степени, медаль «За боевые заслуги», «За победу над Германией», «За освобождение Праги» и др. На химическом факультете работал в 1954-1988 гг. электромонтером.

Карначев Никита Иванович (13.09.1900 – 1980-е гг.). Участник Гражданской и Великой Отечественной (1941-45) войн. Награды: 2 ордена Красной Звезды, Орден Отечественной войны II степени, медаль «За боевые заслуги», «За победу над Германией», «За оборону Москвы» и др. В Московском университете работал в 1953-1978 гг. сначала комендантом, затем рабочим. В 1978 г. ушел на пенсию.

Ковшов Серафим Николаевич (р. 07.09.1925). Призван в армию 3 января 1943 г., служил под Хабаровском. В конце 1943 воевал под Ржевом, с марта 1944 – в составе Ленинградского фронта на Финляндском направлении. Был командиром отделения противотанковых ружей, затем старшим радистом батареи дивизиона. Демобилизован в 1946 г. Закончил Техникум при МВТУ (1950). С 1953 г. по настоящее время работает мастером по точным приборам на Химфаке. Имеет звание "Заслуженный работник МГУ".

Колесов Виктор Петрович (р. 13.01.1923). Воевал на Калининском (1942), 1 Прибалтийском (с 1943) фронтах, имел ранения. Награды: медаль «За боевые заслуги», «За победу над Германией», орден Отечественной войны I степени,

юбилейные медали. Закончил химический факультет МГУ (1950). Доктор химических наук (1971). Лауреат Государственной премии СССР (1984). Профессор кафедры физической химии (1990). «Заслуженный научный сотрудник Московского университета» (1998).

Кондрашкин Дмитрий Федорович (р. 17.09.1925). В 1943 стал шофером 196-го Зенитного артполка, затем третьим номером боевого артиллерийского расчета в 423 Истребительном полку 1-й Воздушной истребительной армии. Был мотористом, авиамехаником. Демобилизован в 1947 г. Награды: медаль "За Победу над Германией", юбилейные медали. На химическом факультете работал мастером с 1992 года. С 2001 года – на пенсии.

Копосова Клавдия Ивановна (28.8.1921–5.05.2004). С января 1942 г. воевала в составе 2 Воздушной армии, затем на Сталинградском, в 1943-44 гг. – на Южном фронте, в 1944-45 гг. – в 69 армии (1 Белорусский фронт). Была секретарем военной прокуратуры. Награды: Орден Красной Звезды, Орден Отечественной войны 2 степени, медали "За оборону Сталинграда", "За освобождение Варшавы", "За взятие Берлина" и др. На кафедре аналитической химии работала с 1961. Заслуженный работник МГУ. Трагически погибла в 2004 г.

Коряжкин Владимир Александрович (19.01.1925 – 12.05.2004). Воевал с 1943 г. в составе 2 Белорусского фронта переводчиком, демобилизован весной 1953. Награды: медаль "За победу над Германией", медаль Жукова, юбилейные медали. В 1953-58 гг. учился на химическом факультете, затем работал младшим, затем старшим научным сотрудником лаборатории молекулярной спектроскопии (кафедра физической химии).

Кружков Иван Тимофеевич (р. 4.10.1924). Воевал в 336 стрелковой дивизии 2 Белорусского фронта разведчиком (1942-45), имел 3 ранения. Награды: Орден Красной Звезды, Орден Отечественной войны I степени, медали «За отвагу», «За победу над Германией» и др. Работал на химфаке мастером по точным и специальным приборам в 1976-1983 гг.

Крюков Александр Васильевич (р. 20.08.1924). На фронт попал летом 1942: сначала в ополчение, куда записался, прибавив себе два года; оно было приписано к 33 Армии, отступавшей от Вязьмы через Гжатск и Дорохово. Затем воевал в составе 206 Запасного полка в районе Серпухова и Тарусы. В Калужской области был ранен в январе 1942 г. и после длительного лечения в госпиталях комиссован как инвалид 2-й группы. Награды: Орден Отечественной войны I степени, Орден Славы III степени, 10 медалей. После войны работал сначала в военизированной охране МГУ, затем 32 года – на химическом факультете (в ИТС на участке кондиционирования). С 2000 года – на пенсии.

Ломега Иван Семенович (10.03.1924–2003). Рядовой 62 погранотряда НКВД, стрелок (1943-1945). Награды: Орден Отечественной войны II степени, медали «За победу над Германией», «За победу над Японией» и др. На химфаке с 1955 г., мастер ТСП. В 2002 г. ушел на пенсию.

Мальцев Алексей Николаевич (25.02.1915–2000-е гг.). С марта 1943 г. был начальником химической службы батальона, в 1945-47 гг. – инженер по инженерному вооружению советских оккупационных войск в Германии. В 1947-50 гг. обучался в аспирантуре химического факультета, затем работал на кафедре физической химии младшим, затем старшим научным сотрудником, с 1956 г. – доцент. Ушел на пенсию в 1983 г. Медаль "За Победу над Германией" и др.

Мерзляков Георгий Михайлович (14.02.1922-2000-е гг.). Воевал на Западном фронте в составе 1 Гвардейской дивизии. Награды: Орден Отечественной войны I степени, медаль «За победу над Германией» и др. С 1953 г. работал ст. инженером на кафедре физической химии. В 1989 г. ушел на пенсию.

Муттик Гарри Генрихович (р. 23.12.1925). Перед войной работал на Заводе № 5 Наркомата связи. 1 января 1943 г. призван в армию и после обучения направлен на Прибалтийский (позднее – Ленинградский) фронт в 27 стрелковый полк Эстонского корпуса под Великие Луки. Вместе со своим полком освобождал Эстонию (Тарту, Нарву, Таллин, острова Муху и Саарема). Там в октябре 1944 был ранен. После госпиталя служил в тех же частях Эстонского корпуса; демобилизован в ноябре 1945. Награды: орден Отечественной войны I степени, медаль "За Победу над Германией", юбилейные медали. После войны заочно закончил школу, работая препаратором на Химическом факультете; затем обучался здесь же (1949-1955) и работал. Кандидат химических наук. В настоящее время – старший научный сотрудник кафедры физической химии.

Некрасов Дмитрий Васильевич (31.08.1924 – кон. 1990-х гг.). Воевал рядовым солдатом в 38 армии на 1 Белорусском фронте (1942-45). Награды: Орден Отечественной войны I степени, медаль «За победу над Германией» и др. На химфаке работал с 1946 г. мастером по ТСП. В 1998 г. ушел на пенсию.

Некрасов Лев Иванович (6.08.1920–кон 1990-х). Воевал на Калининском (1942), Западном и Белорусском (с 1943), 2 Украинском (1944), Забайкальском и Амурском фронтах (1945). Награды: Орден Красной Звезды, Орден Отечественной войны II степени, медали «За победу над Германией», «За победу над Японией». Доктор химических наук (1972), профессор (1976) химфака, заведовал лабораторией КГЭ (1974-1989).

Никитин Михаил Владимирович (р. 21.11.1923). На фронте с июля 1941 г. Служил рядовым в 418 Стрелковом полку на Западном фронте. Под Ельней был тяжело ранен. Награды: Орден Славы III степени, Орден Отечественной войны I степени, медали «За победу над Германией», «За оборону Москвы» и др. На химическом факультете с 1958 г., мастер ТСП. В настоящее время – на пенсии.

Окс Николай Александрович (30.11.23–29.04.1999). В армии был сержантом-механиком; демобилизован в январе 1946. На химическом факультете с 1946 г., работал оптиком-механиком, мастером по ТСП.

Пахомов Борис Георгиевич (29.08.1924–кон. 1990-х). Воевал рядовым на Брянском фронте (с 1943). Награды: юбилейные медали. На химфаке работал с

1956 г. – лаборантом на каф. радиохимии, затем был инженером, мастером по ТСП, механиком, ушел на пенсию в 1992 г.

Пентин Юрий Андреевич (р. 20.04.1926). В июне 1943 г. добровольцем ушел в армию. После окончания Чкаловского училища зенитной артиллерии был направлен на фронт. Принимал участие в боях на территории Венгрии, Австрии и Чехословакии. Награжден Орденом Красной Звезды и медалью "За взятие Вены". Демобилизован в 1947 г. в звании лейтенанта. В 1947 году поступил на химический факультет МГУ, в 1952 – в аспирантуру. Затем с 1958 работал на химфаке. Доктор химических наук (1965), заведовал кафедрой физической химии (1981-1994), в настоящее время – профессор кафедры. Имеет почетные звания "Заслуженный деятель науки РСФСР", "Заслуженный профессор МГУ". Награжден Орденом Дружбы и Орденом Почета.

Петров Сергей Николаевич (7.10.1916–26.7.1984). Во время войны был танкистом. После войны работал на химическом факультете лаборантом: сначала на кафедре органической химии, затем – на кафедре химии нефти (с 1967 – кафедра химии нефти и органического катализа). В мае 1984 ушел на пенсию.

Плетнев Владимир Лукич (14.1.1926–кон. 1990-х гг.). Воевал в 200 Отдельном зенитном батальоне (с 1944) ст. сержантом. Награды: «За победу над Германией», «За победу над Японией» и др. На химическом факультете работал с 1951 г. ст. инженером, мастером по ТСП на кафедре коллоидной химии. Ушел на пенсию в 1994 г.

Плетюшкина Анна Ивановна (р. 25.12.1918). Окончила химический факультет перед войной. В начале войны дежурила на крыше университета во время бомбежек зажигательными бомбами. Затем окончила специальные курсы анализа и работала в НИХИ Красной Армии, в 1945 году перешла в ЦНИВТИ Вооруженных сил СССР (выполняла задачи по обеспечению боевой деятельности войск). Награды: медали "За доблестный труд в годы Великой Отечественной войны", "За трудовую доблесть в период Великой Отечественной войны" и др. После демобилизации обучалась в аспирантуре химфака (1952-56), с 1960 года работала на кафедре общей химии. Кандидат химических наук, доцент кафедры общей химии. С 1986 г. – на пенсии.

Покатов Петр Андриянович (17.6.1918-1990-е гг.). Воевал разведчиком на Юго-Западном фронте (1941), затем (с 1942) – на Западном, 2 и 3 Украинском фронтах командиром огневого взвода, гвардии лейтенант. Награды: Орден Красной Звезды, Орден Отечественной войны II степени, медали «За победу над Германией» и др. На химическом факультете с 1951 г. работал мастером ТСП на кафедре радиохимии, ушел на пенсию в 1991 г.

Поляков Зорислав Николаевич (20.9.1926–22.12.1997). Лауреат Государственной премии, "Почетный химик". С 1993 года заведовал лабораторией прогнозирования. Награды: Орден Ленина, Орден Трудового Красного Знамени, Орден Отечественной войны II степени, Орден "Знак Почета".

Потанов Виктор Михайлович (20.03.1917–сер. 1990-х). Воевал капитаном с июля 1941 по май 1945 на Юго-Западном, Сталинградском, 4 Украинском фронтах. Награды: Орден Красной Звезды, Орден Отечественной войны II степени, медали «За боевые заслуги», «За оборону Сталинграда», «За победу над Германией» и др. Профессор кафедры органической химии (1953), доктор химических наук.

Поцелуев Василий Иванович (11.04.1915–сер. 1990-х гг.). Служил старшим матросом Краснознаменного Балтийского флота с 25 июня 1941 по 9 мая 1945 г. Награды: Орден Отечественной войны II степени, медаль «За боевые заслуги», «За оборону Ленинграда», «За победу над Германией» и др. На химфаке с 1946 г., мастер ТСП.

Пресняков Иван Михайлович (7.10.1922-1990-е гг.). Воевал на Карельском фронте (июль 1941-1945), участвовал в боях за освобождение Венгрии, Австрии, Чехословакии; имел контузию. Награды: Ордена Славы 2 и 3 степени, Орден Отечественной войны II степени, медаль «За победу над Германией» и др. На химфаке был мастером ТСП.

Приселков Юрий Анатольевич (9.10.1923 – 11.06.2003). В 1942-43 гг. был рядовым 2-го Воздушно-десантного гв. стрелкового полка, в 1944-46 гг. – механиком 19-го учебного офицерского авиаполка дальних бомбардировщиков. Награды: Орден Отечественной войны II степени, 9 медалей. Кандидат химических наук, на факультете работал с 1950 г., доцент (с 1959) кафедры радиохимии.

Приселкова Клара Дмитриевна (р. 24.12.1922). В июне 1941 года была зачислена в ополчение Киевского района г. Москвы. Затем была сандружинницей стрелковой роты в 21 дивизии, старшина 2-й статьи. Награды: Орден Отечественной войны II степени, медаль «За Победу над Германией» и др. На химическом факультете работала техником на каф. радиохимии. В настоящее время – на пенсии.

Прокофьев Михаил Алексеевич (18.11.1910–29.04.1999). В 1935 г. закончил химический факультет и был направлен на работу в Биотехнический институт РККА. В 1937–40 гг. обучался в аспирантуре НИИ химии при МГУ, защитил кандидатскую диссертацию (1940). В сентябре 1941 г. добровольцем ушел на фронт, прошел всю войну в морском флоте и демобилизовался из армии в 1946 г. После войны вернулся на факультет. В 1963 г. защитил докторскую диссертацию, получил звание профессора, а в 1965 организовал на химфаке МГУ кафедру химии природных соединений, которой заведовал двадцать лет. В 1959-66 гг. был первым заместителем министра высшего и среднего специального образования СССР, а в 1966 г. создал Министерство просвещения СССР, которым руководил около двадцати лет (до 1984 г.). Награжден орденами Красной звезды (1944), Отечественной войны II степени (1945), "Знак почета" (1955), Трудового Красного Знамени (1960). Заслуженный профессор МГУ (1994).

Реутов Олег Александрович (05.09.1920–15.08.1998). В 1937-1941 учился на химическом факультете МГУ. Участник Великой Отечественной войны (1941-

1945), был в составе химической службы. В 1945-1948 ассистент кафедры органической химии химического факультета, затем доцент. В 1953 защитил докторскую диссертацию. С 1954 профессор. В 1978-1994 заведовал кафедрой органической химии. Академик (1964). Награжден 12 боевыми и трудовыми орденами и многими медалями.

Рузанова Тамара Петровна (16.06.1924-2000-е гг.). Воевала в составе 11 артиллерийской дивизии ПВО (1941-1945), войну закончила в звании гвардии ефрейтора. Награды: медали «За оборону Москвы», «За победу над Германией» и др. Ст. инженер кафедры органической химии с 1945 г. Ушла на пенсию в 1981 г.

Свешников Алексей Анатольевич (р. 30.11.1921). Мобилизован в январе 1942 г. Служил капитаном пехотных войск на Калининском и 2 Прибалтийском фронтах. Демобилизован в апреле 1945 г. Награды: Орден Отечественной войны I степени, 2 Ордена Отечественной войны II степени, Орден Красной Звезды, медали. На факультете работал с 1950 г. сначала токарем, затем – мастером. С 2002 года – на пенсии.

Семиохин Иван Александрович (р. 28.08.1923). Участник трудового фронта (строительство укреплений летом 1941), в сентябре 1941 г. мобилизован, направлен на обучение в Военно-химическую академию; в январе демобилизован по зрению; в октябре 1942 г. вновь мобилизован в нестроевые части армии и направлен в Коломну на завод Вторчермет. Окончил химический факультет МГУ (1948). В настоящее время – профессор кафедры физической химии химического факультета (1978), «Заслуженный химик РФ» (2003), «Заслуженный профессор Московского университета» (2003). Награды: медали «За Победу над Германией в ВОВ», «За доблестный труд в ВОВ» и ряд юбилейных медалей.

Словохотова Татьяна Аркадьевна (25.1.1915–кон. 1980-х). В 1942 г. училась на военно-политических курсах, с 1943 г. – в действующей армии (лейтенант, замполит). Закончила войну в звании ст. лейтенанта заместителем начальника ДКУ Белорусского фронта. Награды: Орден Красной Звезды, медали "За Победу над Германией", "За взятие Кенигсберга" и др. Училась на химфаке в 1934-1940 гг., затем после войны в аспирантуре, которую закончила в 1947, кандидат химических наук. Затем работала там же: младший, затем старший научный сотрудник кафедры химии нефти и органического катализа.

Страхов Борис Васильевич (19.05.1922—кон 1990-х гг.). Воевал в должности старшины заставы на 2 Дальневосточном фронте с июня 1941 по сентябрь 1945 г. Награды: «За победу над Германией», «За победу над Японией» и др. На химфаке с 1949, доцент кафедры физической химии.

Тимофеев Владимир Михайлович (р. 17.01.1925–2003). В 1943-45 гг. воевал старшим сержантом в составе Прибалтийского и 3 Белорусского фронтов. Награды: Орден Славы III степени, Орден Отечественной войны II степени, медали «За отвагу», «За победу над Германией» и др. Работал в НИИ механики (с 1951 г.), с 1968 – кварцевудв стеклодувной мастерской на химфаке. В 1985 г. ушел на пенсию.

Фигуровский Николай Александрович (24.11.1901–5.08.1986). Ушел на фронт добровольцем осенью 1941 г. Воевал в составе Сталинградского и 4-го Украинского фронтов (начальником химической службы фронта), участвовал в Сталинградской битве, в мае 1943 г. был ранен и контужен, а в 1944 г. отозван из армии в распоряжение Уполномоченного ГКО. Доктор химических наук (1940). На химическом факультете – с 1945 г., профессор. В 1948-1955 заведовал кафедрой истории химии, реорганизованной затем в кабинет истории и методологии химии.

Филиппов Юрий Васильевич (12.08.1918–2001). Воевал на Воронежском (1942), 1 Украинском (1942-44), 2 Белорусском и 3 Прибалтийском (1944-45) фронтах начальником химической службы (майор). Награды: Орден Отечественной войны II степени, медали «За оборону Сталинграда», «За взятие Кенигсберга», «За победу над Германией» и др. На химфаке с 1938 г. После войны – профессор кафедры физической химии

Харитонов Юрий Владимирович (05.04.1925). В 1943 г. Обучался в Училище Верховного Совета. С мая 1944 г. воевал в 29 полку связи. Демобилизован в мае 1945 в звании ст. сержанта. Награды: Орден Отечественной войны II степени, медали «За боевые заслуги», «За победу над Германией» и др. Мастер ТСП ИТС. С 1993 г. – на пенсии.

Черемушкин Василий Александрович (15.04.1924–кон. 1990-х гг.). Воевал на Калининском (1942), 1 Украинском (1943-45) фронтах командиром танка, имел 3 ранения. Награды: 2 Ордена Отечественной войны I степени, медали «За победу над Германией» и др. В МГУ с 1954 года, начальник ИТС химфака.

Чижов Юрий Михайлович (р. 01.05.1926). В 1943 г. обучался в школе механиков по вооружению (г. Троицк Челябинской обл.). После этого воевал в Прибалтике в авиационной части. Затем служил под Читой, участвовал в боевых действиях в Монголии (во время войны с Японией) в составе 365 Штурмового авиаполка. Демобилизован в 1951 году. Награды: медали "За Победу над Германией", "За победу над Японией", юбилейные медали; в мирное время – орден "Знак Почета", медаль "За трудовую доблесть". На химфаке работал с 1983 года: слесарем по вентиляции, затем мастером. С 1998 года – на пенсии.

Шабаров Юрий Сергеевич (р. 5.08.1919). В 1938 году поступил на химический факультет МГУ; в 1941-1946, прервав обучение, воевал на фронтах Великой Отечественной войны; награжден орденом Отечественной войны и четырнадцатью медалями. После войны вернулся в университет и в 1948 окончил химфак. Доктор химических наук (1964). С 1951 года работает на Химическом факультете. Профессор (1967). Заслуженный профессор МГУ (1994). В настоящее время – профессор-консультант.

Шахпаронов Михаил Иванович (15.02.1918–18.12.2001). В июне 1941 г. ушел добровольцем на фронт. Командуя танковым взводом, участвовал в боях под Ельней, в боевых действиях на Волховском, Ленинградском, 3

Прибалтийском, Карельском и 2 Белорусском фронтах; был награжден двумя орденами Отечественной войны II степени, орденом Красной Звезды и медалями. Осенью 1945 г. стал ассистентом лаборатории физики растворов физического факультета. Доктор химических наук (1952). В 1958 г. организовал на химическом факультете лабораторию растворов, которой заведовал на протяжении 30 лет.

Шишкин Иван Иванович (9.10.1911 – нач. 1990-х гг.). Воевал с января 1942 г. шофером мотострелкового батальона; с 1944 – сапер автомобильной бригады; в 1945 г. – на Японском фронте. Награды: Орден Отечественной войны I степени, медали «За отвагу», «За взятие Кенигсберга», «За победу над Германией», «За победу над Японией» и др. Мастер ИТС с 1979 г.

Шацкий Виктор Михайлович (р. 25.03.1924). Воевал с 1942 г. в составе Запасной авиационной бригады в должности механика. Войну закончил в звании ст. сержанта в 1950 г. Награды: медали "За Победу над Германией", "За оборону Москвы", юбилейные медали. Обучался на химфаке в 1950-55 гг., затем работал там же: был лаборантом, младшим, затем старшим научным сотрудником кафедры неорганической химии. Кандидат химических наук. В настоящее время – инженер отдела ДМ и СДЯВ.

Щербаков Виктор Андреевич (16.10.1923–сер. 1990-х гг.). Воевал рядовым 331 стрелкового полка на 3 Белорусском фронте, имел ранения. Награды: Орден Славы III степени, Орден Отечественной войны II степени, медали «За взятие Вены», «За победу над Германией» и др. На химфаке с 1961 г., работал мастером ТСП в Экспериментальных мастерских. Ушел на пенсию в 1993 г.

Янченко Анна Митрофановна (25.12.1918–кон. 1990-х гг.), работала на химфаке кладовщицей, в 1990 г. ушла на пенсию.

¹ПОКЛОНИСЬ ВЕТЕРАНАМ

Поклонись ветеранам - дедам, братьям, отцам,
Их сединам и ранам, их отважным сердцам.
Всем советским солдатам Второй мировой.
Что вернулись с Победой и почетом домой,
И без вести пропавшим в страшном чреве войны,
И в неволе страдавшим безо всякой вины.
Матерям, потерявшим на войне сыновей.
Женам, вдовам солдатским поклонись поскорей.
Поклонись и подросткам той суровой поры,
Что трудились для фронта от зари до зари,
Всем, кто в битве смертельной жизнь свою не щадил.
Всем, кто кровью и потом нам Победу добыл.
Поклонись обелискам - сколько их на земле!
Поклонись низко-низко всем, кто пал на войне.
Партизанским болотам в белорусской глуши.
Безымянным высотам поклонись от души.
Поклонись и окопам, уж заросшим травой,
И сырым катакомбам, и пучине морской.

Поклонись ветеранам – и за мир, и за жизнь.
Поклонись благодарно, до земли ПОКЛОНИСЬ !!!

А.В.Цепляева

¹ Два стихотворения – открывающее книгу («Мы без войны прожили много лет...») и помещенное на этой странице («Поклонись ветеранам») – написаны доцентом кафедры радиохимии химического факультета Аллой Васильевной Цепляевой.

60-летию Победы посвящается

Великая война и ее великие воины
Фронтовики-химфаковцы вспоминают

Составители: Г.Ф.Бибих, Т.В.Богатова

Компьютерная верстка – В.В.Богатов,
оформление и дизайн обложки – В.В.Богатов, Д.Л.Петрухин

Подписано в печать 14.04.2005. Заказ № ...
Формат 60x90 1/16. Усл. печ. л. 13. Тираж 300 экз.
Ордена "Знак Почета"

Издательство Московского университета
125009, Москва, ул. Б.Никитская, 5/7.
Отпечатано в Отделе оперативной печати и информации
Химического факультета МГУ
119992, Москва, Ленинские горы, дом 1, строение 3, ГСП-2, химфак МГУ.